

Сергей Аданин

Возвращение СЛОЭН

роман

Сергей Аданин

Возвращение с Лозн. Роман

«Издательские решения»

Аданин С.

Возвращение с Лоэн. Роман / С. Аданин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936373-2

Три женщины, один мужчина и никакого адюльтера... «Возвращение с Лоэн» — роман о любви. Однажды в юности, коснувшись тебя крылом бабочки, она заставляет потом искать знакомые черты во всех встреченных и невстреченных. Любовь идеальная и земная, любовь-страсть, любовь-служение... Оттенков и граней много. Как много измерений и у самого романа. Это и фантазия, и вполне реалистическая проза — чувства и мысли героев психологически реальны, и всё, что происходит в романе, вполне могло бы происходить.

ISBN 978-5-44-936373-2

© Аданин С.

© Издательские решения

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Возвращение с Лоэн

Роман

Сергей Аданин

Иллюстратор Ксенон

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Сергей Аданин, 2018

© Ксенон, иллюстрации, 2018

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6373-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

Есть такая страна – Теония, и нужно сказать о ней несколько слов, чтобы было понятно. Здесь ещё не было ни смартфонов, ни интернета, а там они уже были лет сто как... Собственно, оттуда они и просочились. Отсюда тоже кое-что туда просочилось – некоторые имена людей, например. Поскольку Теония хотя и отгорожена от остального мира, но она с ним сталкивалась, отнимая у недобросовестных метрополий типа Англии, Испании или Америки некоторые их владения. Они ей были нужны не для обогащения, а для преобразования.

Теония состоит из метрополии и колоний – «резерватов» и «федератов», на всех почти континентах. Колония-резерват – это такая территория, достаточно большая, границы которой охраняются, но предоставлена она сама себе. Так решено потому, что общества отстают одно от другого не сколько в технике, сколько в «ценностях». И если насадить на почву отсталых «ценностей» передовую технику, общество самоуничтожится. Можно было бы сказать: ну и пусть. Но у Теонии другие цели, не цели уничтожения или самоуничтожения. Там полагают, что главной ценностью вообще-то является сам человек, и он должен пройти свой путь. Это – задание. Теония, которая опережала другие страны в своём развитии, отгородилась от них потому, что обладала знаниями, которые, попади они в «мир», могли бы превратиться в оружие, способное разорвать планету. Вот почему Теония – а это слово с древнего языка переводится, как «земля Бога» – предпочла для части своих заморских владений путь «изолированного саморазвития». С ними нет почти никакой связи. Изредка же резерваты сообщаются с федератами – такими, как Ринос, то есть землями, которые имеют статус составной части Теонии. Ещё реже – с самой Теонией. Такое сообщение необходимо просто для наблюдения и очень дозированного «впрыскивания» тех или иных «достижений».

Но речь не об этом...

Часть первая
Гости Риноса

Глава 1

Прибытие

Джеральд находился в таком состоянии, которое врачи определили как «психо-ментальный анабиоз». Он ощущал внешние воздействия, но не реагировал на них. Он двигался, говорил – неосознанно. И вообще – вставал редко. При этом не отдавал себе отчёта, где он находится и почему. В его сознании роились картины, воспоминания, монологи, образы, лица, но всё обрывочно, вне связи с чем бы то ни было, поток.

Иногда в мозгу вспыхивали яркие, до боли резкие, контрастные изображения, почти галлюцинации... Это, правда, не отражалось на его поведении – заторможенном, аморфном, «минимальном». Сознание как точка, где концентрировались впечатления, идеи, прошлое, мечты, желания, реальность, а также аналитические способности ума, полностью «отпустило» его. И он не прилагал никаких усилий, чтобы «навести порядок» в ассоциативном, неуправляемом потоке, хлынувшем в его мозг. Правда, сознание не совсем покинуло его, благодаря этому он мог и ориентироваться в пространстве, и реагировать на простейшие команды. Однако нить хоть какого-нибудь разговора он не в состоянии был держать, или не хотел. Ему, видимо, нравилось быть «растением», ничего не хотелось. Даже есть. Пищу он не принимал. Ему вводили её. Боли от уколов не чувствовал. Со стороны он был похож на человека, впавшего в глубокую задумчивость... Если ему никуда не говорили идти, он лежал. А если служащие больницы «забывали» его в коридоре, он подходил к окну и бессмысленно взирал на улицы незнакомого города, и мог стоять так часами, не замечая, что ноги постепенно деревенеют, а тело наливается «ртутью» – от неподвижности.

Чтобы не оставлять его в одной и той же позе в течение долгого времени, его выводили гулять во двор, выгуливали как очень послушную, вялую собаку. Нет, его сознательность не равнялась даже и собачьей, просто он подчинялся нескольким командам – как марионетка нескольким движениям рук хозяина. Инстинкт самосохранения всё же поддерживал его на самом низком уровне.

Счастье, что он попал в руки доктору Эйнбоу. Про того говорили, что он пока не стал светочем медицинской науки только потому, что люди его интересуют больше, чем наука. Они отнимают у него слишком много времени, чтобы он мог писать трактаты. Словом, Филеал Эйнбоу был не только учёным, но и практиком с большой буквы. «Чистых учёных» он иногда рассматривал лишь как подсобных рабочих в своём деле, не считая вовсе – их «белой костью», а себя – «чёрной костью». Тем более, что науку он любил, и, по сути, был именно учёным. В его мозгу абсорбировались фундаментальные теории, подтверждённые богатым фактическим материалом. И на его рабочем столе копились сотни листов с «записями». Он превращал их в статьи, и они постепенно складывались в большой научный труд. Кстати, он обладал завидной эрудицией, умея использовать её в практических целях лучше многих. Причём, он умел сопоставлять самые отдалённые, казалось бы, факты, находить между ними взаимосвязь и делать из этого точные выводы (особенность эта, по убеждению многих, свойственна талантливым людям). Именно способность доктора Эйнбоу находить связь между фактами из «разных историй» помогала ему воздерживаться от скорых выводов насчёт болезни Джеральда, а интуиция подсказывала: не верь явным признакам. И он пристально всматривался в его поведение, ещё и ещё раз анализировал всё, что успела рассказать ему Лоэн.

Как человека тонкого, равнодушного ко всему непостижимому, его не могла не поразить эта девушка. И не то, чтобы внешне она ошеломила его. Хотя при первой встрече – как

некогда в детстве, когда он впервые влюбился в девочку из соседней школы, и иногда, встречая её на улице, чуть ли не падал в обморок – у него перехватило дыхание, – так, что он едва сумел скрыть своё волнение. «Влюбиться в неё ничего не стоит», – подумал тогда, уже искушённый в свои тридцать два года, нейропсихолог, психоаналитик, психотерапевт, в душе оставшийся, не смотря на свои громадные познания, почти наивным, искренним человеком. Он почувствовал по тому, как менялась интенсивность излучения в её глазах, по некоторым движениям и микрожестам, что эта девушка обладает, возможно, помимо поразительной, очень привлекательной внешности и неким даром гипнотического воздействия – как человек, рождённый повелевать. Доктору Эйнбоу в какой-то момент показалось даже, что она может и «ослепить» – чуть не физически – излучением своих глаз...

Между тем, Джеральд уже несколько дней находился в таком «полуавтоматическом режиме», пропуская через себя поток образно-логических структур. Он не испытывал никаких болезненных ощущений после перелёта и «хотел», если это слово вообще можно приложить к растению, только одного: чтобы его не трогали, дали сосредоточиться на экране его внутреннего телевизора. Иногда экран потухал, и тогда он либо засыпал, либо бессмысленно смотрел в одну точку – приятней всего это было делать, стоя у окна. Иногда он разговаривал сам с собой, или бредил. Температура у него «скакала», но не сильно. Аритмия становилась более плавной, и к исходу первой недели работу сердца можно было считать почти нормальной. Помаленьку, с точки зрения физиологии, всё приходило в норму. Однако в психическом состоянии улучшений не наблюдалось. Наоборот – он «замирал» всё больше и вставал всё реже...

Так продолжалось ещё несколько дней, пока доктор Эйнбоу добивался свидания с Лоэн, которую поместили в весьма неприхотливое узилище Департамента полиции. Дело в том, что эти люди – Джеральд и Лоэн – не отпускали воображение выдавшего виды психоаналитика, обладавшего проницательностью и владевшего гипнозом. Он заинтересовался этой «парочкой», проникся к ним почти симпатией и чисто профессиональным любопытством. Вот почему он не пожалел усилий, чтобы иметь в интересах своего больного возможность свиданий с Лоэн, которую как злостную контрабандистку, нарушительницу, подозреваемую в незаконном вывозе золота и бриллиантов, скрывающую, к тому же, как считала полиция, и своё подлинное имя, и своё место жительства, отказывающуюся давать показания, изолировали от внешнего мира, пока не будет окончательно либо разоблачена её с Джеральдом преступная деятельность, либо... Впрочем, во второе «либо» компетентные органы предпочитали не верить. Как-то по-другому они не могли объяснить появление этих людей и их поведение... Да и что можно «придумать» в их оправдание? Как можно было объяснить их прибытие в аэропорт Риноса на небольшом почтово-грузовом лайнере в обход всех запретов, да ещё и с «мешками» драгоценностей? На лайнере, в соответствии со строжайшими инструкциями, не могло быть пассажиров из колоний-резерватов. Только виза столичного Департамента внешних сношений Теонии давала право посещать эти резерваты гражданам метрополии и её колоний-федератов, а Ринос был именно центром одноимённого федерата. Строжайший контроль был необходим именно для того, чтобы охранить резерваты от вмешательства «цивилизации», которое всегда превращается в насилие над более «примитивным» обществом. Так что внезапное появление двух человек, вынырнувших из тёмных глубин «забытых» территорий, да ещё с «тяжёлой мошной», не могло быть воспринято иначе, чем попытка грабежа или незаконного обогащения. Эта версия сложилась сама собой, априори, в первую минуту, когда вскрыли «багаж Лоэн» – несколько тяжелых ящиков, сканирование которых показало, что там изделия из золота, слитки и огромное количество «камушков» – огранённых и не очень, больших и даже очень больших... Такова уж сила ограниченности всех «компетентных органов» на Земле. Всё, что по явным признакам укладывается в их миропонимание, сложившееся

под сильным влиянием их служебных функций, они склонны считать «вещественным доказательством» вины.

Из первых газетных сообщений доктор Эйнбоу узнал, что в багаже Лоэн обнаружено ценностей на много миллионов, и что эти ценности вывезены ею и Джеральдом из Эннау – столицы далёкого Севера, огромного Северного Резервата. Из сообщений следовало, что осталось только одно – установить степень вины в «похищении века» его пациента, Джеральда Науи, «друга» «вышеупомянутой» Лоэн Мейн, как она себя называет. По предположениям местной прессы, Джеральд не мог не знать о багаже своей попутчицы. Газеты сообщали также и о том, что личности двух молодых людей до сих пор не установлены. По их данным, был сделан запрос по компьютерной сети в Кантан, в заокеанскую метрополию. Но по тому адресу в Кантане, который назвала Лоэн, она не «числится». Да, когда-то она жила там по другому адресу, но это было давно, и где она на самом деле проживает, неизвестно. О Джеральде компьютер Почтового управления вообще не выдал никакой информации. Другими словами, доктора Эйнбоу влекла загадка этих людей. Его исследовательский нюх раздражали противоречивые данные о них. Так, например, в «пользу» Лоэн и Джеральда «свидетельствовал» капитан авиалайнера, доставившего их в Ринос. По его словам, интерпретированным прессой, получалось, что эти двое чуть ли не погибали уже в этом Эннау, и он проникся к ним жалостью, по ним было видно, что они – и правда из Теонии, куда рвались их души. Капитан был уверен в искренности этих людей, а что там в их багаже, он и не интересовался. Конечно – что же говорить капитану, который нарушил все законы? «Против» дал показания второй пилот, хотя что он имел «против»? Он тоже в багаже не рылся. Просто, видимо, не хотел лишиться работы за такие дела, и вообще – он не Главный в самолёте. И он отговаривал капитана, но и видел, что того просто впечатлила девушка, необыкновенно красивая.

Чаша весов склонялась не в пользу Джеральда и Лоэн. Особенно Лоэн. Общественное мнение и следствие ещё придерживали себя, пока Джеральд был в бессознательном состоянии. Но уже проскальзывали такие «соображения», что, мол, это не случайно – возможно, его попутчица хотела избавиться от ненужного свидетеля или даже претендента на «долю» её сокровищ и... опоила чем-нибудь беднягу. Никто почему-то не считал, что Лоэн – это «придача» сокровищам, которые могли принадлежать и Джеральду. Все подозревали Красоту – в Опасности, Лоэн – в злой корысти.

Мысль об «отравлении» доктор Эйнбоу сразу отверг, как обывательское измышление, да и результаты анализов, взятых сразу же, как Джеральд поступил в клинику, со всей очевидностью показали: никаких таких «веществ» в его организме не было. Однако, как всегда бывает с людьми, хорошо владеющими основами системного подхода, мыслящими парадоксально, доктор Эйнбоу решил вдруг, что «обывательская психология» может в данном случае и не быть такой уж примитивно-неправильной, что общественная «массовая интуиция» ищет нередко в верном направлении – в этом не раз убеждался доктор. Только надо уметь интерпретировать этот «поиск». Интуиция – из области над-чувственного, думал доктор, и поэтому любому человеку, а тем более массе, очень трудно «обозначить» её какими-то точными понятиями или подтвердить указаниями на «верные факты»... Словом, домыслы, распространяемые средствами информации, натолкнули его на мысль: «Что если Лоэн, обладая предположительно большой силой психического воздействия, просто «выключила» этого несчастного из сознательной жизни, чтобы действительно от него избавиться и стать единственной владелицей золота и бриллиантов? Расчёт вполне верный – на то, что Департамент миграции останется в неведении относительно их прибытия в Ринос, он занимался пассажирами пассажирских лайнеров и почтовый рейс мог оставить без внимания. «Миграционеры» и в самом деле

не сразу обратили внимание на двух гостей. «Если бы Джеральда не пришлось госпитализировать в срочном порядке, то план, возможно, удался бы», – думал Эйнбоу. Но смущало то обстоятельство, что привезла-то его в клинику именно Лоэн, которая, если уж на то пошло, могла бы и бросить его. Из Риноса-то улететь за океан, в Теонию, просто. Значит, он был ей сильно нужен, а она – если предположить, что у неё есть «гипнотический выключатель», – видимо, «не рассчитала» силы своего воздействия на попутчика...

Чем дальше Эйнбоу уходил по этой стезе, тем, однако, всё больше ёжился от неуверенности, что так всё и было. Он не привык быть легковверным и строго спрашивал с себя, «тормошил», понимая, что в подавляющем большинстве случаев истина даётся не сразу и не легко, даже если дорога к ней всего одна, и выбирать не из чего.

В любом случае вывоз такого количества сокровищ из колонии-резервата карался законом, – документом, позволяющим такой вывоз, может быть только разрешение метрополии. Однако метрополия через свою компьютерную сеть даже не «опознала» этих людей, а уж сокровища – тем более... Словом, чем больше размышлял доктор над всем этим, тем больше путался. Разум подсказывал ему: «не верь этим людям». Интуитивно же он тянулся к ним. Лоэн даже приснилась ему дважды за последние две ночи. И такой разлад в нём самом ещё больше разжигал его любопытство и желание доискаться сути.

Решая вопрос о свидании с Лоэн, доктор вышел на дознавателя из Департамента полиции Роя Мелли, в довольно высоком чине скапатора, который стал героем прессы, вскрыв саквояж «прекрасной дамы» и обнаружив там ценностей на огромную сумму. Поначалу скапатор отказывался предоставить доктору возможность поговорить с Лоэн в интересах больного, ссылаясь на то, что «подследственная» наотрез не хочет с кем-либо разговаривать кроме «председателя правительства» – об этом он сообщил доктору с усмешкой. Эйнбоу понял, что скапатор не в духе и просто не желает впускать кого-либо к Лоэн, чтобы лучше воздействовать на неё в интересах следствия. Он имел на это право. Вся сложность состояла в том, что и доктор имел право в интересах своего больного иметь свидание с человеком, который мог дать о нём дополнительную информацию – тем более, если к болезни его подопечного подследственная имеет, может быть, прямое отношение. Попытка проникнуть к Лоэн в обход скапатора не увенчалась успехом. Доктор задумался. Дело набирало обороты день ото дня. Несколько дней промедления, и будет поздно, доктор не получит той информации, которая могла бы вовремя помочь его подопечному.

Подогревало доктора и безотчетное желание вновь увидеть девушку и, как ни странно, нечто наподобие жалости к ней. Как-то эта жалость не вязалась с общим убеждением, что Лоэн – хищница, преступница, отравительница. После некоторого размышления доктор решил ещё раз и понастойчивее поговорить с Роем Мелли, разговаривать с которым было трудно, потому что он, под маской несерьёзности и своего особого права на Лоэн, легко отнекивался и «пристегнуться» к его доводам было невозможно – так же, как в намыленных башмаках делать упражнения на льду. Единственным в этой ситуации выходом было намекнуть скапатору о возможной связи между болезнью Джеральда и «способностями» подследственной. Что если бы связь эту удалось установить, то гораздо быстрее можно будет вывести его из состояния «психического анабиоза» и тем самым дать следствию ещё один шанс. Безусловно, Рой Мелли должен быть в этом заинтересован, казалось Эйнбоу. Сопоставление данных, полученных от двух людей, соучастников, продвинет следствие в каком-нибудь направлении. Со стороны Эйнбоу это в какой-то степени была уловка, расчёт на некомпетентность Роя Мелли в психотерапии, поскольку доктор интересовался не столько следствием, сколько «феноменом» Лоэн – исключительно, как он убеждал себя, ради его больного.

Глава 2

Официальный приём

Лоэн уже несколько дней находилась не то в тюрьме, не то под домашним арестом. Из гостиницы аэропорта, где она провела первые часы после перелёта и откуда она увезла Джеральда в клинику, её препроводили в здание Департамента полиции, отведя ей довольно просторную комнату на одиннадцатом этаже – «со всеми удобствами». В комнате иногда селили командировочных, а иногда это был вариант «домашнего ареста», который практиковала полиция, если приходилось иметь дело с залётными нарушителями, не имевшими в Риносе «адреса». Ну не будет же полиция снимать им апартаменты или номер в гостинице, средств на это не выделено. Да и под присмотром они – куда денутся? Это не была тюрьма, это действительно было что-то вроде жилья, имевшего скудное убранство. Кровать, стол, два стула, шкаф. Оконная рама не была забрана решёткой, её можно было открыть и посмотреть вниз... В комнате не было ни компьютера, ни телевизора, ни радио, ни газет или журналов, ни книг – ничего, что хоть как-то могло скрасить вынужденное, а не добровольное пребывание в ней. В официальном постановлении по поводу препровождения Лоэн в это узилище было сказано, что подследственная помещается под «домашний арест», но, поскольку она является «прибывшей» и не имеет места проживания на территории Риноса, то временно помещается «под надзор».

Лоэн находилась в страшном волнении за Джеральда и не совсем понимала, что происходит. Она корила себя за то, что последние два месяца была занята только своими переживаниями, своей ностальгией по дому, которая приобрела масштабы болезни, и не замечала никаких перемен в Джеральде. Более того, она его просто изводила. Она не допускала его к себе, но и не отпускала и на полметра. Она «не хотела» его «здесь», на чужбине, она «хотела» его «там» – в их доме, на родине. Она словно уничтожала его «по кусочкам», желая, чтобы он каким-то образом поскорее вырвал их из Эннау. Ей казалось, что Джеральд, этот человек без Родины, не имеющий привязанности ни к одному месту в разбросанной по всему белому свету Теонии, не понимал её состояния, не мог облегчить её страдания хотя бы со-переживанием, хотя бы тем, что испытывал бы те же самые чувства, думая об их Доме, об оставленных мечтах, друзьях, делах, обо всей той атмосфере праздника, счастья, успеха, в которой она жила. Последний месяц она часто едва сдерживала себя, чтобы не обрушиться на Джеральда, который её отыскал в этих дебрях и спас, и от которого мало что зависело теперь, с яростью, с отчаянными упрёками. Она бросала ему в лицо самые обидные слова – в пароксизме своей ностальгии. Она устала смертельно, ей казалось, что она скоро умрёт, умрёт, так никогда и не увидев больше своего дома, никогда больше не испытает того счастья, которое у них с Джеральдом было, было – потому что это был их родной дом, родная стихия, родной Кантан. Всплески отчаяния сменялись безнадёжной тоской, унылой безответностью, бесчувствием. Она ничего не видела, и не замечала, как страдал Джеральд. Минуты, когда ему удавалось отвлечь её, «вытащить» на люди, были редки, за ними, как правило, следовал новый приступ ностальгии, упрёков. Никогда он не видел её такой. Такой безмерно уставшей и опустошённой. Никогда он так не любил-жалел её, как в эти последние месяцы ожидания случая, который бы помог им вернуться на родину, в Кантан. Он-то его считал Родиной – и потому что родился там, и потому что в доме, их доме, о котором так тосковала Лоэн, и для него были все радости. Лоэн как бы не понимала, что и им владеет такая же ностальгия, и он – на надломе. Просто он, забыв о себе, старался вытащить её из этого «огня» – как пожарный, бросившийся из последних сил за ребёнком в горящий дом. Его «стратегией» – теперь-то она это осо-

знала – была ласка-терпение-терпение-ласка. И вот, когда случай представился, она воспряла. А в нём что-то «выключилось», надорвалось. «Спас „ребёнка“ пожарный, а сам – сгорел», – со слезами в глазах думала Лоэн... Никогда у него не было столько бессонных ночей кряду, когда он неотступно думал о ней, пытаясь уберечь её от психического срыва, из которого она могла «не вернуться». Теперь-то она поняла, что он ловил каждый жест её, каждое дыхание, каждой прихоти её отдавался весь, весь... И ни разу не ответил ей тем же – обидой или упрёком. Яростной обидой – или гневным упрёком... Он был её тенью все эти долгие дни и ночи, и, может быть, именно поэтому она не замечала ни его стараний, ни его страданий. И он – молчал о них, молчал...

Теперь она, как громом поражённая его болезнью, внезапно осознала, какой трагедией были для него эти дни и ночи. Оставшись одна, она плакала и молила какого-то своего Духа о спасении Джеральда. Она плакала от того, что не может сидеть рядом с ним и также ловить каждый его жест, каждое движение, чтобы скорее вернуть его к жизни. Она – то не сомневалась, что ей это удастся, то начинала страшно бояться если и не за жизнь Джеральда, то за его сознание. Что с ним? Почему?.. Эти вопросы измучивали её до изнеможения. И никто ей ничего не говорил о нём – с тех пор, как она оказалась в этой «кутузке». Зачем их разделили, зачем? Какие они преступники, почему компьютерные сети выдали «не то»? Это ошибка. Этого не может быть... А может быть лжёт этот верзила и хам – скапатор? Как его... Рой Мелли? «Боже, как я ненавижу этого тупого полицейского, – думала она. – Что я сделала ему? Неласково ответила? Но он заслужил это своей тупостью и животной физиономией. Боже, если бы я только знала, что одна только моя корректность могла повернуть всё иначе, я бы выстелилась перед этим бегемотом. Если бы я знала, что случится с Джеральдом, если бы я знала... Поздно. Поздно сожалеть об этом», – она понимала.

...Она продолжала настаивать на встрече с «председателем правительства федерата Ринос», чем лишь вызывала глумливый задор скапатора. Но она-то знает, что Главные по-другому смотрят на невероятные вещи, что ум у них иначе устроен, чем у «тупого полицейского»... И наотрез отказывалась отвечать на какие-либо вопросы Роя Мелли, к которому испытывала почти физическое отвращение. К тому же она не считала свой арест и своё пребывание в этой комнатке чем-то законным. Ей не приходила в голову мысль, что законы в «федерате Ринос» могли несколько отличаться от законов Теонии, которые она и не знала, потому что никогда их не нарушала. Весь расчёт её сводился к тому, что из Риноса они свяжутся с Кантаном, разыщут своих друзей – прежде всего её Лаку, любимую Лаку, по которой она истосковалась – и те помогут им «соблюсти формальности». Если бы не эта сволочь Рой Мелли, поторопившаяся взять её под стражу... Она почему-то была уверена, что если бы этого не произошло, то вопрос о «сокровищах» даже бы и не возник. Потому что это «частное дело». Однако всё перепуталось, их обнаружили, её считают преступницей, а Джеральда, похоже, чуть ли не её жертвой. Её бесило то, что из-за её же личной неприязни к Рою Мелли – а с нею она ничего не могла поделать – заварилась «каша», из которой неизвестно, как выбраться, неизвестно, где взять на это силы, неизвестно... «Если бы рядом был Джеральд, если бы он только на минутку мог оказаться рядом, я бы нашла в себе силы, – думала Лоэн. – Если бы он не заболел, разве бы он позволил, чтобы так обращались со мной, и где – почти что на Родине... Если бы мне хотя бы на минутку увидеть его, в каком бы состоянии он ни был, я бы нашла в себе силы разорвать этот дурацкий круг...».

Рой Мелли словно читал все эти её мысли и позаботился о том, чтобы никакая информация о Джеральде и вообще о внешнем мире к ней не поступала. Хоть формально она и «под домашним арестом», но это не обязывало его заботиться о том, чтобы «птичка в клетке держала

нос по ветру». Он вроде бы специально не изолировал её и от посещений, которые не повредили бы следствию, но поскольку посещать Лоэн было некому, кроме Джеральда, который в «бессознанке» и приходится ей неизвестно кем, что она и сама не отрицала, то... Он почему-то решил, что изоляция Лоэн позволит скорее докопаться до истины. А это – в интересах следствия. Он был уверен даже, что она, общаясь только с ним, рано или поздно не выдержит и даст показания, откажется от своего абсурдного упрямства и требования личной встречи с «председателем правительства». Когда он вспоминал об этом её требовании, его просто смех разбирал. К тому же он не мог простить ей того, что «такая красивая девушка» нисколько «не заинтригована» его внушительной вальяжностью, а разговаривает с ним всегда на пределе своего терпения, с явным отвращением, и осыпает его – представителя власти, да ещё в таком чине – последними словами: тупица, идиот, кастрированная голова, безголовый кастрат... Эта брань просто поразила и вывела его из себя. Поначалу он даже испытывал к этой «лошадке» нечто вроде симпатии, чего она и не потрудилась заметить, не говоря уже о том, чтобы оценить эту симпатию со стороны представителя власти в её положении. Всё это не давало покоя его самолюбию – мужскому и самолюбию государственного человека, и он как бы в шутку заявил друзьям-коллегам во время послеобеденного кофе, что «рыбка лоснится, хотя бесится, цену набивает, никак не хочет понять, что она в сетке, и я могу взять её за бесценок». «Но я подожду, пока она сама предложится», – так он выразился даже. «Ну и что? – ты устоишь?» – спросил один из его товарищей. «Может быть, и устою – если стоя», – выдал пошлую остроту скапатор. Работнички полиции ещё поохотали на эту тему: «Ну смотри, не откажи даме». Они-то не придали всему этого значения, потому что не знали, наверное, что Рой уже воображал, как Лоэн его умоляет о «помиловании», стоит перед ним на коленях и «целует» его между ног. Помилования ей, конечно, не видать, как и свои бриллианты, как и свободы, но воображение не знает стыда. И вообще: Рой не любил наглых миллионерш, да еще и кичащихся своим «продажным крупом». Он «любил» их в своих фантазиях только одним – таким вот – способом. Впрочем, это всего лишь фантазии – от кого убудет, кому прибудет?.. Однако «безголовый кастрат» его почему-то задело, вот задело и всё! Вообще-то Рой был неглупым человеком и корректным «служакой», все ему прочили большое будущее. Но Лоэн была чуть ли не первой «красоткой», испытавшей к нему отвращение с первого взгляда. А в это он никак не хотел поверить, это не устраивало его. До сих пор он ставил на любую «лошадку» и выигрывал.

Конечно, Лоэн даже и во сне не могла представить себе, *что* закрадывалось в «мотивы поведения» скапатора. Она воспринимала всё как сплошное беззаконие, вперемишку с недоразумением. И её бесил человек, который – вообще, априори – уже посадил её на скамью подсудимых. Её гнев, ярость, отчаяние, брань относились, скорее, не лично к скапатору, а к ситуации в целом. Она еще не определилась до конца в своём отношении к Рою Мелли, ей было не до того, чтобы «играть в глаза», она смотрела на него в упор и не видела его, она воспринимала скапатора, как абстрактного служащего, который ни с того, ни с сего страшно осложнил ей жизнь и потому лично ей ненавистен – как пчела, залетевшая в рот и укусившая за язык, от чего всё там распухло, страшно болит, и нельзя ни есть, ни пить. Она ещё пребывала в уверенности, что скоро все недоразумения кончатся, и она забудет этого скапатора навсегда, как мы забываем досадные случаи в нашей жизни, никак не повлиявшие, однако, на нашу судьбу...

Поведение Лоэн казалось диким не только скапатору, но и другим полицейским, которые так или иначе, по долгу службы, вынуждены были задавать ей вопросы. Они всего лишь исполняли долг, она же воспринимала их как «личное оскорбление», и «бесилась» по каждому поводу. Её взвинченность доходила чуть ли не до невменяемости. Случай, который, казалось бы, помог им с Джеральдом выбраться из Межозёрья – так называли север Северного Резервата, где находится Эннау – и тем самым вновь вернуться к долгожданной жизни в род-

ном для них мире, наоборот – вверг их опять в страдания. Лоэн уже не замечала, что бросается на людей, как дикая кошка. Когда её спросили, кем ей приходится Джеральд, она произнесла сквозь зубы: «Балбесы...». Когда вопрос повторили, она с раздражением и злобой ответила: «Ну спала я с ним, что дальше?». Когда Рой Мелли сообщил ей о данных, которые пришли – точнее, не пришли – на его запрос по поводу их с Джеральдом гражданского состояния, она обозвала его идиотом, и прибавила (опять), что только человек с «кастрированной головой» может *таким* образом составлять запросы, и что ни один компьютер, к сожалению, не умнее самого тупого полицейского. Хотя запрос, который был составлен, кстати, не Роем Мелли, а его подчинёнными, был составлен грамотно, как им казалось... Словом, поведение Лоэн не вызывало симпатий у людей, занятых необходимыми формальностями. Как будто *они* всё это придумали и тешатся тут... К сожалению, Лоэн не понимала этого. Ей казалось, что эти люди намеренно хотят испортить ей жизнь. И хотя никакого такого интереса у них на самом деле не было, и не могло быть, Лоэн их ненавидела изначально. К ещё большему сожалению, эти люди, в том числе и Рой Мелли, занятые исполнением обязанностей, даже не пытались войти в её положение – настолько они не сомневались, что она совершила очень серьёзное преступление. Постепенно у них, и особенно у скапатора, накапливались «личные счёты» к ней. И Рой твёрдо решил проучить её, и завёл на неё дополнительно еще одно дело за разнузданное поведение в местах «государственного пользования». В его сознании – сознании человека, планомерно обдумывающего своё будущее, извлекающего уроки из собственных и чужих ошибок – не могло уместиться то, что столь грубое поведение Лоэн может быть следствием надорванной переживаниями психики, резкого несоответствия ожидаемого и действительного, а также отнюдь не мнимого, а смертельного беспокойства за жизнь «мумии», как прозвали Джеральда меж собой полицейские. С момента, как были обнаружены сокровища, их деятельность невольно обратилась к поиску аргументов, компрометирующих Лоэн. Дело, правда, осложнялось тем, что она в бешенстве отказалась давать показания «всяким умственным недоноскам», и упорствовала в этом, всякий раз требуя очной ставки с «председателем правительства». Вопросы о бриллиантах она вообще отказывалась даже слушать, не то что отвечать на них. На взгляд постороннего она вела себя действительно, как авантюристка. Или сумасшедшая авантюристка. Всем, и Рою Мелли в особенности, хотелось сбить спесь с этой «лошадки». Ему и в голову не приходило, что Лоэн может быть действительно на грани умопомешательства.

...Впрочем, Лоэн отдавала себе отчёт в том, что её реакция на людей государственной службы неадекватна, однако бессознательно надеялась ещё, что кто-либо из них проявит к ней обыкновенное человеческое участие, и все проблемы решатся сами собой. В своих злоключениях она винила их бездарность, их равнодушие и полицейское, чиновное узкомыслие.

Ей приходила в голову мысль, что надо себя лучше контролировать, но вера в то, что её поймут, что всё это сплошное недоразумение, имела в ней огромную инерцию. Она считала себя правой и требовала понимания. Всё, что с ней происходило, она полагала более чем унижительным для себя. Самое странное, что она никак не соотносила две вещи – её нынешнее положение и обнаруженные в её багаже ценности на огромную сумму. Она вообще вспоминала об этих ценностях только тогда, когда её спрашивали о них. Причину своих бед она усматривала в другом – в том, что по какой-то злой случайности из Кантана не пришло подтверждения на них с Джеральдом. Думая о том, из-за какой мелочи её разлучили с ним и засадили под арест, она приходила то в ярость, то в отчаяние. То кусала губы от злости, то плакала.

Спала плохо, забывалась совершенно незаметно для себя, просыпалась от того, что ей снились кошмары. В ночь перед тем утром, как Рой Мелли пришёл к ней в комнату проводить дознание, ей приснилось, будто Джеральда нет на свете, а в Эннау люди несут на его могилу красные холодные цветы. И всё это сопровождалось звучанием траурной, неизвестной ей музыки, исходившей, казалось, от многочисленных надгробий вокруг. И явственней

всего душераздирающая мелодия звучала там, где стояло надгробие Джеральда. Она тоже несла цветы к могиле, и вот, наклонилась, положив их, как и все, а когда распрямилась, увидела его напротив себя, ласково ей улыбавшегося. Её охватил такой дикий ужас, что она кричала, уже проснувшись, а потом плакала взахлёб. Уснула она опять же незаметно для себя перед самым рассветом, и сон её скорее был похож на беспамятство...

Она вздрогнула от присутствия в комнате постороннего человека. Охранник принёс ей завтрак. Видимо, он стучался, но она не слышала. Она долго лежала, не притрагиваясь к еде, бессмысленно уставившись на дымок, поднимавшийся над чашкой горячего чая. Дымок постепенно исчез, но она так и не ела ничего – до тех пор, пока всё не остыло. В комнате было душно. Она встала с постели, не одеваясь пошла к окну, открыла его. В комнату ворвался свежий, не успевший прогреться утренний воздух. Она почему-то вздохнула с облегчением. Город – там внизу и вдалеке – шумел, и блестел солнечными пятнами окон и крыш – фигурных, островерхих, плоских, самых разных. Все крыши Риноса были перед ней, здесь почти не строили высоких домов. У неё на глаза опять навернулись слёзы. Она сдержала себя, отошла от окна, присела на стол, нехотя стала есть – всего понемногу из того, что принесли. Всё было холодным, но более менее съедобным. Не доев, и не допив чай, она, по-прежнему не одеваясь, пошла, села на кровать, поджала колени, опустила на них голову, и так сидела в этой позе, не двигаясь. Пока резко и внезапно не распахнулась дверь, и в комнату не вошёл Рой Мелли...

Отрепённости её была столь глубокой, что какое-то время она, «разинув» глаза, глядела на скапатора, не шелохнувшись, потом судорожно стала вытаскивать из-под себя простыню, чтобы прикрыться. Удалось ей это не сразу. Всё это время дверь была распахнута, в коридоре слышались голоса, смех, шум. А Рой Мелли стоял, широко расставив ноги, и в упор глядел на неё. Когда девушка судорожно искала, чем прикрыть свою наготу, уголки его губ едва заметно дрогнули, в глазах мелькнуло что-то вроде усмешки. Он стоял – тяжёлый, властный, большой, а перед ним, в трёх шагах от него копошилась на кровати – от смущения и неожиданности – голое существо, показавшееся ему в этот момент каким-то уж очень жалким и неуклюжим. В его мозгу так и запечатлелось потом – «существо женского пола», и на лице его отразилась чуть ли не брезгливость.

Если бы у Лоэн спросили потом, какие чувства отразились на лице скапатора, когда он вошёл и встал, глядя на неё в упор, она бы не ответила. Всё это бессознательно и многократно усилилось в её расстроенном воображении. Подбородок её затрясся от гнева и унижения, больно полоснувшего по её истончённому, взвинченному самолюбию. Глаза Лоэн так яростно вспыхнули, что Рой слегка отшатнулся и сморгнул, «нет, это положительно ведьма!» – мелькнуло в его голове.

– Прошу вас выйти и постучать, – едва сдерживая себя, сказала она.

– Вас разве не предупредили, что я приду ровно в девять? – громко и чётко, как на суде, объявил Рой. Хотя кто и зачем бы её предупреждал? Голоса в коридоре стихли, и на секунду в комнате повисла свистящая тишина.

– Почему бы вам было не умыться и не одеться? Лично мне не доставляет никакого удовольствия тащиться сюда через весь Департамент... на это свидание, – это слово он произнёс с издёвкой в голосе, явно намекая на жалкий вид Лоэн, – только затем, чтобы меня выставили за дверь... Хорошо, в следующий раз я попрошу вас прийти ко мне, но, извините, под конвоем.

Он улыбнулся.

Эта улыбка и погубила его. А также ложь, перед которой Лоэн была беззащитна. Никто не предупреждал её, а то, что говорил Рой, явно предназначалось и для тех, кто остался в коридоре. Впрочем, всё это не имело уже значения, Лоэн не отдавала себе отчёта в двойной игре скапатора.

– Дрянь! – сорвалось с её мгновенно пересохших губ, а глаза вспыхнули таким яростным светом, что Рой Мелли, всё ещё смотревший на неё в упор, вдруг согнулся, как будто переломился, закрыл руками лицо и зажмурил глаза, будто в них сыпанули песком, отвернулся и попятился к стене. Лоэн, не ожидавшая этого, вдруг обо всём забыла, и на лице её, только что плававшем, в безумном гневе и ярости, был испуг. Такая резкая смена в поведении скапатора обескуражила её. И ничего не успев сообразить, она отдалась первому своему побуждению, она испугалась не за себя, а *за него*.

– Что с вами – вам плохо?

Она, кое-как замотавшись в простыню, подскочила к Рою и нагнулась над ним. Одной рукой придерживая простынь, а другой, пытаясь повернуть его голову к себе. Лучше бы она этого не делала!..

Внезапным резким движением Рой Мелли выпрямился, саданув при этом Лоэн по губам своим кованым локтем. Она отлетела в сторону – почти, бросилась на кровать и зарыдала, упав лицом вниз и вцепившись в подушку. Плечи её тряслись от рыданий, похожих скорее на стоны. Затем она оторвала лицо от подушки – оно было искажено страшной гримасой, с губ сочилась кровь. С сухим скрипом вырывались из её раздавленной судорогой гортани проклятия, вперемишку со словами «мама!», «Боже!», «мамочка...», «подонок!»...

– Ты что сделала с моими глазами, ведьма! – шурясь и в бешенстве заорал на неё Рой. В его глазах мельтешились «мушки», стояли «солнца» и сквозь них он смутно различал искореженную рыданием Лоэн. Он стал надвигаться на неё:

– С-сука!

Лоэн всю перевернуло аж на кровати. Она была волевая девушка и в критические моменты могла собрать себя в комок и держать, не отпускать. Она поняла вдруг до боли ясно, что с нею истерика. Всеми силами она боролась с желанием, мгновенно превратившим всё её тело в пружину, – желанием броситься на мужчину и вцепиться ему в горло. Мёртвой хваткой она ухватила за спинку кровати и не отпускала её.

Смысл этой внутренней борьбы Рою был непонятен. Он – то моргал, пытаясь избавиться от «солнц», то поносил её, то угрожал ей.

– Ну, ты у меня попляшешь! – он сам не слышал, что говорит, так он был испуган и одновременно взбешён.

– Вр-рача..., вр-рача..., – с огромным усилием разжимая зубы – слова выходили из неё, как полужасохшая паста из тюбика, – Лоэн из последних сил пыталась остановить себя. Слёзы крупным градом катились из её глаз, затекая в рот, смешиваясь с кровью, лицо её было страшно:

– Вр-рача...

– Т-тварь..., – бормотал Рой, протирая глаза.

Наконец, усилием воли он «сконцентрировался» на Лоэн и громко – так что чашка с холодным чаем на столе, кажется, подпрыгнула – рывкнул:

– Лежать!!

Не успело погаснуть короткое эхо от его команды, как Лоэн с воплем, пантерой кинулась к его горлу и вонзила в жёсткую широкую шею длинные ногти. Рой Мелли опешил, и прежде, чем он ударил её рёбрами ладоней по бокам, что есть силы, подскочили двое охранников, один из которых тоже ударил Лоэн – тяжелой резиновой дубинкой по шапке спутанных чёрных волос. Лоэн мгновенно разжала пальцы и стала оседать, скользя руками и лбом по груди скапатора, оставляя на его тёмно-зелёной рубашке мокрые следы слёз и крови.

Все замерли, тупо уставившись на оползавшую вниз Лоэн – обнажённую и так внезапно затихшую. Рой смотрел на уходившую вниз голову и не пытался сбросить обхватившие его руки. Руки же, скользя вниз, не хотели отпускать его, сначала инстинктивно цепляясь за рубашку, потом за пояс форменных брюк, потом чуть не обнимая его за ноги, потом – она разом отпустила его, голова её безжизненно откинулась, и она упала навзничь.

Трое мужчин стояли, не двигаясь, глядя на распростёртую перед ними девушку. «Мушки» и «солнца» в глазах Роя померкли, он злобно ухмыльнулся.

Лоэн пошевелилась, каких-то полминуты она лежала без движений, сознание и дыхание вернулись к ней быстро, и до неё сквозь тошнотворную пелену дошёл смысл всего происходящего. Тело не слушалось её, она беспомощно ворочалась на полу, пытаясь встать.

– Под-донок, – повторила она ещё раз, уже на полу.

Между тем, в комнату вошли еще несколько мужчин, и все смотрели на Лоэн, которая пыталась овладеть собой, поползти до кровати. Никто не помогал ей, все были остановлены безнаказанностью зрелища, прилипнув глазами к её обнаженному телу и временами опасливо озираясь, делая вид, что не могут понять, в чём тут дело. Поступок их был грязным, бесчувственным. Но на их месте, наверное, редкий человек бы упустил возможность – всего на полминуты! – не остановиться и не поглазеть на неё. Они были заморожены ею и бессильны перед собою – также примерно, как были бы заморожены и бессильны против искушения подобрать и присвоить потерянный неизвестно кем «ничейный» миллион...

...Лоэн даже в такой жалкой, унижительной ситуации внушала не мысль о том, что вот сейчас можно смотреть на неё с похотью, а какой-то суеверный страх, который лёгкой тенью набежал на лица «блюстителей» и заставил их побыстрее ретироваться – молча, почти что благоговейно. Только Рой иначе всё оценивал, но вместе со всеми он должен был уйти. «Ничего, – это первый урок вежливости», – подумал он, оглянувшись на Лоэн уже в дверях.

Это была дикая, непредсказуемая выходка, объяснение которой тщетно пытались найти департаментские сплетники. Рой в их глазах становился чуть не легендарным человеком, «железным канцлером», не дрогнувшим ни перед соблазном войти в сговор с этой «королевской кошкой», ни перед её когтями, впившимся ему в горло. Его самообладанию завидовали так же, как и тому, что на его долю выпало это, по всей вероятности, запутаннейшее дело, успешное завершение которого сулило ему всеобщую известность и быстрый карьерный рост. Никто не сомневался, что Рой добьётся своего. Да и каждый бы на его месте постарался добиться, не ударить в грязь лицом, коснись дело охоты за «крупной дичью». Честолюбие – такова отличительная черта тех, кто работает «на службе». Карьера, паблисити, реноме – вот тот конечный результат, по которому они сами оценивают свою деятельность. Так ведь и становятся «председателями правительства». Или – Главными в полиции, например, ну или вторыми для начала после Главных, а не пятыми, как сейчас.

После «бойни» – так в кулуарах полиции и в шутку, и всерьёз окрестили схватку Роя и Лоэн – многие решили, что она – явно ненормальная. Потому что в практике Департамента никогда ничего подобного не случалось. Были всякие подследственные, но никто никогда не бросался на скапаторов. Полицейским никого не приходилось бить в целях самозащиты – прямо на допросе. Встал вопрос о вменяемости Лоэн. К тому же Рой, сходя к врачу, заполучил справку о «лёгких повреждениях» шеи и глаз – глаза его беспокоили, что она с ними сделала? В тот же день, на внутреннем расследовании «бойни», он убедительно говорил о том, что подследственная пыталась его «ослепить и задушить». Про «ослепить» так никто и не понял, но «задушить» – это видели, а там, где «задушить», там и «ослепить» недолго. Как? – да по всякому.

Скапатора бы не очень устроило, если бы Лоэн признали невменяемой, хватит и того, что её попутчик – тоже невменяемый. Дело бы благополучно отложили в бесконечный ящик, а Лоэн бы упрятали в «дом по ту сторону этой стороны», и что? Такой, не слишком громкий финал, не удовлетворял его страсть к «охоте на крупную дичь». И он не видел в таком развитии событий каких-то для себя преимуществ. Да и к Лоэн его, как ни странно, тянуло, он не собирався так быстро её «отпускать». Да и в глубине души он не верил в то, что она помешанная,

и отдавал себе отчёт в том, что причина её «невменяемости» в какой-то степени он сам, ведь он её провоцировал...

Однако в Департаменте всего лишь за один этот день сложилась «стройная версия» о «ненормальности» Лоэн. «Внутреннее» – полицейское – общественное мнение требовало освидетельствовать подозреваемую. Скапатор, сделав вид, что пошёл у него на поводу, про себя решил, однако, что сама процедура освидетельствования поможет ему сбить с подсудимой хамскую спесь, и «дикая кошка в клетке» поймёт, наконец, кто у неё хозяин, из чьих рук она будет «жрать сырое мясо», если поведёт себя смирно.

Чтобы меньше сомневаться в нужном для него исходе медицинского осмотра, он пригласил возглавить врачебную комиссию своего старого знакомого – психиатра Реда Беннера, коллегу доктора Эйнбоу по клинике. В отличие от Эйнбоу, Ред слыл не только хорошим специалистом, но и весьма деловым человеком. Он работал и на Центральную клинику Риноса, и практиковал частным образом, и наладил добрые отношения с полицией, для которой стал незаменимым «независимым экспертом», и никогда не болтал лишнего. Все понимали, что мир держится не на абстрактных типах – незаинтересованных, с луны свалившихся, а на отношениях и связях – на доверии, симпатии и дружбе. А уж чему служат эти «отношения и связи» – долгу или корысти – зависит от людей, от их целей. Реду Беннеру – доверяли и симпатизировали, у него ко всему был честный, ответственный и деятельный подход...

Уже через день врачи, сопровождаемые охранниками, чуть не кавалькадой направились в «клетку» к Лоэн, почти не сомневаясь, что сейчас увидят буйно-помешанную. Тем более их поразило то, что они увидели...

Глава 3

Рой Мелли

Всё-таки поведение её было странным. Даже если принять во внимание, что оно во многом было продиктовано беспокойством за «мумию». Её крайнее высокомерие, раздражительность, граничащая с буйным умопомешательством, её отказ отвечать на какие-либо вопросы – всё это только увеличивало день ото дня бесчеловечное к ней отношение. Никто не собирался прощать ей всё это из-за миллионов, которые она везла с собой, даже если бы они оказались у неё законно.

Каким образом попали они в руки этой истерички? Конечно, внешность Лоэн вызывала всеобщее любопытство. Те служащие Департамента, кому довелось увидеть её, впоследствии признавались, что такой красивой «лошадёнки» нигде больше не видели. Однако красота Лоэн не вызывала к ней сочувствия, а наоборот – усиливала подозрительность и недоверие, да ещё она и упорствовала. Дело было, видимо, и в том, что женщины в мире, который Лоэн считала своим родным миром, нередко обращали свою красоту в богатство и влияние, и вокруг «красивого класса» возникали даже общественные напряжения. В обыденном сознании, в связи с этим, была сильна подозрительность к неординарной женщине. Этот страх, на самом деле, был всего лишь оборотной стороной медали – того энтузиазма, излишка восхищения, которые в иных ситуациях испытывал по отношению к ней всё тот же обыватель. И он, этот же обыватель, был убеждён, что состояние красивой женщины имеет порочную природу.

Рой Мелли и многие в Департаменте полиции были бессознательными носителями именно такого убеждения. Соединённое с их искренним желанием служить на благо Риноса, оно и предопределило участь Лоэн. Какими бы законоположениями они это ни оправдывали. Миллионы в руках «красивой лошадёнки» были в их глазах угрозой обществу, не говоря уже о том, что «раздобыть» столько золота и «камней» праведным путём ещё никому не удавалось. Свою задачу они видели лишь только в том, чтобы это «доказать». И весьма удачно для такого дела «случился» скапатор – Рой Мелли, «видный самец», в душе полагававший, что женщина не может «ни заслужить, ни заработать».

Ни при каких обстоятельствах он не бежал за «крупом» какой-нибудь породистой «лошадёнки». Что же касается деловых качеств Роя, все были убеждены, что достаточно одного выдающегося дела, как он – всегда проявлявший инициативу и деловую хватку – получит серьёзное повышение. Дело о «сокровищах Лоэн», которое выпало ему вести, было более чем «выдающееся». Всего лишь четыре года назад Рой, которому не было тогда и тридцати, начал службу в Департаменте «младшим следователем», и вот уже год, как он – скапатор, старший офицер, и возглавляет группу следователей по «экономическим делам». Ему прочили не просто хорошую – блестящую карьеру. Ничего удивительного, поговаривали в полиции, если года через три он вообще возглавит это крупнейшее – «по экономическим делам» – подразделение Департамента, во главе которого стоял «неповоротливый» и «возрастной» Дэни Грас, прямой начальник скапатора, командир, «папа». А там уже и до Главного полицейского путь не долог. Или – прочили Рою – он станет успешным политиком и «быстро доберётся до кресла хоть министра, хоть председателя правительства».

Задачей скапатора была защита «общих» интересов, которые заключались в быстром и планомерном развитии всего федерата Ринос. Он рос, как на дрожжах – из-за притока населения из разных частей Теонии. Людей привлекали тёплый климат и возможность самореализации. В этом отношении метрополия вела очень умную политику, дальней целью которой

было постепенное преобразование мира, а не просто одного из своих федератов. Поэтому у тех, кто живёт и работает в Риносе, всегда есть перспектива. Молодые здесь быстро достигают высоких должностей, деловых, профессиональных, научных и прочих успехов. Здесь вообще много молодых, а жизнь – динамичней, чем в Теонии. Но и «проблем с законом» здесь у людей больше, ничего не поделаешь. И хороший полицейский – на вес золота. Не совсем еще установившиеся институты и понятия создавали почву для всякого рода «нечистой предприимчивости». Работы у скапатора было много. Но она ему нравилась. Не только потому, что он ощущал острую в ней общественную необходимость, но и потому что считал, что «высшие интересы общества» необходимо всегда защищать от «низших интересов отдельных людей». С точки зрения «смысла жизни» эта миссия казалось ему единственно важной. Он любил на эти темы размышлять и представлял себя – ну не мессией, но кем-то вроде его близко-доверенного лица. Он был очень, очень честолюбив.

Родился Рой в небольшом городке в Теонии, потом закончил столичный университет и вернулся домой, и стал там «судейской мышью», как он сам говорил о себе. Он изнывал от мелкости дел, его тошнило от разбора всяких межличностных конфликтов, связанных с разводами, дележом имущества... Он поначалу упрекал свою мать в том, что она заставила его заниматься всей этой «юристикой-ерундистикой», сложные категории которой нельзя было применить в повседневной жизни. В небольшом городке мало кто «нарушал по-крупному». Уделом Роя были лишь такие дела, которые всегда будут возникать между людьми, живущими «под одной крышей» и на деньги, более-менее праведно заработанные. Исключительной своей надобности, незаменимости Рой не чувствовал – там, на Родине. Он, конечно, старался вести дела исправно, но его тошнило.

Вот почему он подался в Ринос. Сначала он был обескуражен тем, в какой водоворот он попал. Но быстро успокоился, уразумев, что людей, охраняющих Закон, здесь сильно не хватает. И что порядка в человеческих, общественных и экономических отношениях здесь тоже мало. Его это окрылило, он понял, что это – *его* город. Он воспринял полумиллионный Ринос чуть ли не как Новую Землю и Новое Небо, был полон энергии, и ему казалось, что он счастлив, счастлив вполне.

Нравы здесь были *поярче*, каждый тянул в свою сторону, мало сообразуясь с *общими* интересами. И красивых женщин и девушек было много – ну гораздо больше, чем в его недалёком прошлом. Рой тут стал почти сердцеедом. Породистая внешность, завидное положение, блестящая будущность – всё это привлекало к нему женское внимание. Здесь ему ничего не стоило приятно провести вечер или ночь. Постоянной привязанности, однако, у него не было. Может, еще не попалась ему «та, единственная», а может, потому, что «любовь» он рассматривал пока как средство, а не цель, и женщин ставил ниже себя. Он вообще их высоко не ставил – всех. Кроме своей матери. Которая, как он полагал, обладала мужским умом и умела подчинять своей воле. Сына она тоже умела подчинить, хотя и потакала ему.

Рой никогда не делал принципиальных шагов, не получив одобрения «свыше» – от матери. В детстве он её просто боялся. Потом же – уразумев её своеобразную жизненную философию – понял: слушать и слушаться мать «выгодней, чем невыгодней», с точки зрения успеха. Успеха во всём. Когда он учился в университете, у него с матерью было полное взаимопонимание. Она верила в своего сына и считала, что он должен «учиться, а не шалопайничать», как многие, чтобы раньше них «взобраться». Отца своего Рой не уважал за слабый, как ему казалось, характер, за малодушие и неспособность держать слово. Неуважение это складывалось в их семье исподволь. Подрастая, он понимал с неизбежностью, что отец в их доме – никто. В конце концов, мать, сама никогда не хранившая отцу верности, выгнала его, узнав, что у него – любовница. Рой тогда уже был студентом и жил в столице. Отец иногда приезжал

к нему и помогал деньгами, но близкого контакта между ними не было. А мать, узнав о визитах отца, настояла, чтобы Рой не брал у него деньги, увеличив сыну «содержание» чуть не втрое. Но с условием – не общаться с отцом. Рой, конечно, подивился такой щедрости – мама не одобряла «лишних денег» в карманах молодёжи. И – принял её условие.

Деньги ему были нужны, конечно же, страшно. Как-никак – он в столице... От отца трижды приходили переводы, но он отсылал их обратно без объяснений. «Если он человек с мозгами, то поймёт, что не нужна его помощь», – думал Рой. Отец писал ему, просил объяснить, что случилось, но Рой, читая его письма, не отвечал на них, отодвигая в своей приятной школярской суете мысль о том, что с отцом рано или поздно придётся объясниться. И однажды отец снова приехал к нему – в его «лежбище», как он называл снимаемую им квартирку, состоящей из одной большой комнаты.

Вид у отца был потрепанный, жалкий, он стал сильно худеть и потерял свойственную ему (как и Рою) вальяжность. К тому же у него были давно невымытые волосы, что почему-то бросилось Рою в глаза и неприятно «царапнуло». Рой не выносил жалких людей, непрощенная брезгливо-жалкая гамма чувств, которую они вызывали, приводила его чуть не в бешенство. Он едва стерпел присутствие папашки у себя в комнате. Наконец, объяснение состоялось:

– Не приезжай ко мне больше, и денег не присылай.

– Так угодно тебе или матери? – спросил отец.

– Так будет спокойней нам всем, и тебе тоже, – ответил Рой.

– Обо мне не волнуйся, я не испытываю неудобств, посылая тебе деньги, я рад тебе помогать и видеть тебя, – «не унимался» папашка.

Брезгливая жалость вновь кольнула Роя, и он не удержался.

– А мне – никакой радости! – грубо бросил он в отца. – Ты никогда не был мне отцом – видишь, у меня и без тебя всё отлично!.. Ты что? – хочешь купить меня своими подачками?

– Рой... по... верь, я не то хотел сказать, – вдруг залепетал отец раздавлено.

– Всё! – резко сказал Рой и встал, давая понять отцу, что «аудиенция» закончена.

У отца заблестели глаза и мелко дрожали руки. Вот уж чего Рой не выносил. Это окончательно убило в нём всякое желание даже думать об этом человеке. «И это – мой отец?».

– В чём я виноват перед тобой, сын? – прости, если обижал тебя. Но я – люблю тебя...

– Вины твоей никакой нет, – нетерпеливо оборвал его Рой, уже не зная, как поскорей избавиться от непрощенного гостя, – но и я не виноват в том, что мой отец мне не нужен. Хватит об этом!.. Я, пожалуй, провожу тебя до машины...

Тут в комнату ворвалась подружка Роя – одета вызывающе, агрессивно. Смерив взглядом «постороннего», жавшегося к стенке и как-то нелепо улыбающегося, она спросила:

– А это что?

«Ну вот – девушка, которая впервые видит моего отца, – подумал Рой, – говорит о нём «что», а не «кто». И, чтобы поскорей свернуть ситуацию, сказал отцу, который явно намеревался продолжить разговор:

– Извините, я должен идти, меня ждут.

И вышел из комнаты вместе с нею, крикнув отцу на прощанье:

– Дверь не забудьте закрыть!

Уже на улице она спросила его:

– Что за чубрик такой потрепанный?

– Да отец одного знакомого, ищет тут кого-то – привязался, выдворить не мог...

Вот к такому человеку Лоэн попала на дознание. Рою будто нарочно кто-то «подкинул» её – испытать его на прочность. Никогда ему не мог никто противостоять. А эта «лошадка»

поставила свой круп выше него. И презирает его этим крупом «с отвратительным отвращением». А ведь она – в полной его власти. И как это ей удаётся? – и не боится ведь.

После «бойни» Рой должен был себе в этом признаться... У него есть «вещдок» стоимостью в десятки миллионов. Но «привязать», «стреножить» им, оседлать с его помощью эту «лошадку», он пока не может. Но ничего... Всё как было, так и есть, и будет в его руках...

Глава 4

Лоэн

Лоэн просто органически не переносила ситуаций, когда кто-либо пытался ей навязать свою волю.

...Она была красивой, общительной и остроумной девочкой. Когда ей было шесть лет, дети уже тянулись к ней, даже те, кто был и постарше. Каждый стремился заслужить её расположение, и не то чтобы она добивалась поклонения, интриговала в свою пользу – нет, это получалось само собой. Лоэн росла доброй, открытой и нежной. Не выносила она лишь окрика, команды, глумления. Даже если и не с нею пытались так обращаться, она воспринимала это так близко к сердцу, что бледнела и приходила в такое подавленное состояние, что вывести её из него не удавалось иногда и на следующий день. Что и говорить – когда унижали её самое, она переживала это бурно и болезненно, надолго замыкалась в себе, становилась капризной и агрессивной, никогда не прощала этого.

В девять лет она была предводительницей шумной ватаги маленьких школяров – от восьми до десяти лет. Впрочем, они принимали в свои игры и детей постарше, или помладше. В ватаге были добрые отношения, Лоэн задавала тон...

Детей влекло всё таинственное, непонятное, жуткое. В доках Старого порта, или Старых Доках, они однажды пролазили всю ночь. И то, что они увидели там – Лоэн и еще четверо искателей приключений – так потрясло их и заворозило, что они попросту не заметили, как прошла ночь. Квартал Старых Доков отличался тем, что с наступлением темноты жизнь там только разворачивается и достигает своего апогея к трём утра, в то время как остальной Уэйн – большой припортовой район огромного Кантана – погружён в полное безмолвие. Лоэн влетело страшно, поскольку пойти в Старые Доки было её идеей.

Однако популярность среди детворы этой красавицы-девчонки с «вулканом» чёрных волос на голове резко возросла. Довольно тесный круг её приятелей и подружек расширился. Рассказы о Старых Доках – об огромных «огненных» кораблях, плывущих в ночи, о складских катакомбах, в которых они нашли массу интересных вещей, о том, как они укрылись от дождя в одном из огромных, заброшенных складов и прямо там, внутри, разведя костер и греясь вокруг него, наблюдали за гигантскими чёрными силуэтами, шарахавшимися по тоскливо-громадному и сырому помещению, и как замороженные тайной огня, замирали их души, и лихо-радочно работала фантазия (они пересказывали друг другу самые страшные истории, о которых когда-либо слышали, выдавая их за истину), а также о том, что такое «излишества ночной жизни» (это выражение прочитал во взрослой газете один из «путешественников») – словом, о всевозможных предметах, о которых не рассказывают детям, сделали маленькую Лоэнету самой известной личностью трёх окрестных кварталов. Она с удовольствием играла роль предводительницы, королевы. Но, как это всегда бывает, с расширением компании, в ней оказываются люди, которые равнодушны к лидерству и втайне желают избавиться от «соперника» и построить общение по своим законам. Лидерство Лоэнеты было ненатужным, естественным, весёлым, необременительным для остальных, её трудно было «сбить», именно поэтому новому претенденту пришлось воспользоваться нечестным приёмом.

Вскоре выяснилось, что претендует на «трон» некто Линэт, мальчик лет одиннадцати, которого его сверстники не хотели брать в свои игры. Поэтому, когда он прибил к ватаге Лоэн, она уделила ему особое внимание, потому что ей стало жалко его. Маленькая «королева» «назначила» его начальником «войска» и своим «советником», уважая его возраст, а не какие-то особые заслуги. Однако Линэт не сумел оценить этого, он стал покрикивать на детвору,

и даже угрожать непослушным, он хотел, чтобы ему подчинялись. Поначалу Лоэнета только присматривалась к нему, ничего не говоря, не веря. Поскольку она молчала, никто не перечил Линэту.

Линэт сразу же внёс элемент пренебрежения к девчонкам, не брал в «войско» тех мальчишек, которые особенно уважали Лоэн. Вскоре «войско» совершило вылазку, которую взрослые расценили, как хулиганскую. «Отряд» из четырёх человек напал на мальчишку из соседнего двора и разбил ему нос и губы. Это бы ещё ничего, но Линэт заставил его принести «дань» – украсть у родителей целую пинту (для детей это большие, даже очень, деньги), а в противном случае он обещал приходить каждый день со своим «войском» во двор и бить бедного мальчишка. Надо сказать, что этот мальчишка в своё время не испугался и оказал сопротивление Линэту, хотя и был младше последнего, когда тот пытался отобрать у него красивый игрушечный лук, который можно было «загнать» на мальчишечьем «рынке» линии за две, за три. Бывшие в этот момент рядом с Линэтом сверстники только посмеялись над тем, как Линэт получил по уху и не смог потом догнать свою жертву. И вот теперь – месть... Да ещё какая – мальчишка ставили на колени, сыпали ему в лицо песком, заставляли есть землю, и тому подобные гадости. Поскольку «войско» принадлежало Лоэн, вся её компания быстро стала пользоваться дурной славой. Своим сообщникам Линэт под страхом «крови» приказал молчать, и ничего не говорить Лоэнете. Да, сначала Лоэнета не знала..., какое-то время. Потом до неё дошли слухи о других бесчинствах «главнокомандующего» и «армии» – её главнокомандующего и её армии. И после какого-то случая она пришла в такую ярость, что не на шутку перепугала своих «приближённых». И они, уже не знавшие, кому «подчиняться» – ей или ему, всё же немедленно побежали к Линэту по её требованию и передали, что завтра вечером все собираются на общий совет при «королеве», а также письмо. В нём было неожиданно взрослое: «Если ты, гад, не придёшь, не ищи потом спасения, я тебя всё равно найду и заставлю есть землю». Письмо было адресовано «бывшему главнокомандующему». Линэт рассмеялся в лицо посланцам и сказал, что обязательно придёт, и не один, только вот боится, что Лоэнета струсит.

Лоэнета, конечно же, не струсил. Так же, как не струсил одна, после наступления темноты, еще раз смотаться в район Старых Доков и купить всем билеты на прогулочный катер, который возил праздно-гуляющих на «остров-аттракцион» Люни, где всё было оборудовано для всевозможных развлечений, где выступал цирк и работало сразу несколько театральных подмостков, открытых эстрад, танцбаров, кинокомплексов и так далее, где вечером всё приходило в движение, взрывалось немыслимым огнём разноцветной иллюминации, причудливо оттенявшей лица и наряды. Люни был вождёльной целью всей детворы Уэйна. Лоэн шла на общий совет с этими билетами, и в её руках они могли стать аргументом потяжелее, чем кулаки Линэта в борьбе за лидерство. Лоэнета не сомневалась в своей победе, как не сомневается в ней сильный и честный человек в равном и открытом бою за правду. Линэт уже давно вовлёк в сговор против «королевы» многих мальчишек – кого посулами, кого угрозами, кого насмешками, что «смотрят в пуп какой-то соплюхе». В ту же секунду, после получения письма Лоэн, он развернул лихорадочную деятельность – с тем, чтобы осуществить план, который давно созрел у него в голове.

Лоэн не сомневалась, что победит и вернёт на свою сторону «слабых», но её, как назло, стали преследовать всякие несчастья. Ни раньше, ни позже ей учинили скандал отец и мама – за выходки её «кавалеров», о последней из которых она и понятия не имела. Они разбили окна в двух домах, в том числе и окно дома, где жил тот несчастный мальчик, которого они заставляли платить «дань». Он, видимо, не смог достать денег, сколько с него требовали. Лоэн обвинили в том, что она собирает дань с детворы.

...Все родители скоры на расправу, не разобравшись, и хотя родители Лоэнеты редко её наказывали, а тем более кричали на неё – в их доме царила мягкая, добрая атмосфера «любви

и дружбы», – на сей раз они не пожалели слов и заперли Лоэн в её комнате, запретив показываться на улице. Поначалу Лоэн, всё это слушавшая, лепетавшая в ответ что-то невнятное, не сдержала слёз, которые всегда катились из её больших чисто-карих глаз огромными каплями, но ещё сдерживала рыдания. Когда же её отвели за руку в комнату – резко, нервно, таща за собой, хотя она и не сопротивлялась, – она вообще разрыдалась, забившись в подушки своей укрытой атласным покрывалом постели. Но рыдала недолго. Гнев на Линэта, страшная тревога за исход «поединка» быстро высушили её слёзы, она не винила взрослых, которым вечно недосуг разобраться в детских проблемах. Потом, возможно, они поймут, что были неправы. А сейчас надо действовать. Но как? Что делать? Если она не придёт на общий совет, все решат, что она или струсила, или предала. Она боялась даже подумать о том, *что* может произойти, если она не придёт, как могут обидеть её девочнок, особенно Року, её лучшую подругу. «Рока-то здесь причём?» – думала она, всё ещё нервно всхлипывая. Из окна не убежишь – семь метров глухой стены. Но её, уже читавшую приключенческие романы, это не остановило. Она раскрыла свой гардероб, вздохнула с сожалением, глядя на свои красивые платица, которых было у неё не так много, но каждое – любимое, и стала связывать из них «канат».

В дело пошли простынь, атласное покрывало, наволочки, настенное панно – всё, что можно было связать друг с другом. Всего этого оказалось маловато... Как только она не разбилась! Руки у неё дрожали, и она не могла сосредоточиться, хватаясь за некрепко связанные узлы и скользя руками по атласу...

С улицы стали кричать, увидя, как по стене, болтаясь на обрывках белья, спускается девочка. Когда до земли оставалось метра три, над нею, из окна нависли перепуганные лица отца и матери. Губы отца что-то кричали, но Лоэн не слышала, а может быть, крик просто застрял у него в пятках. Она конечно же неловко упала, но тут же вскочила и – ковыляя – бегом. «Лоэн! Лоэн!» – несло ей вслед из окна, но Лоэн не обернулась...

Она не забыла прихватить деньги и билеты на «остров развлечений». Обойдя своих ближайших подруг и предупредив с их помощью всех остальных – по второму разу, – она немного успокоилась. В садике за домом Роки они долго совещались, думая, как может повернуться совет и что в каждом случае можно предпринять. В целом обе не сомневались, что большинство пойдет за ними. Обе поклялись так проучить Линэта, чтобы он никогда «не опомнился».

По пути на совет им встретила женщина, с нею шёл мальчик. «Вот она», – показал он на Лоэн. Лоэн, не зная его в лицо, не поняла. Они с Рокой шли, как шли, никуда не сворачивая, так как не предполагали, что их ждёт. Женщина же остановилась, хитро и зло глядя на девочек: «Ну-ка, идите сюда. Пойдите минутку».

– Что вам нужно от нас? – спросила Рока. Они остановились. Вдруг женщина – невысокая, грузная и не совсем опрятно одетая – подскочила к Лоэнете, схватила её за роскошные, чуть тёплые под солнцем, как бы осыпавшие её голову и плечи волосы – одной рукой, а другой – отвесила резкую свинцовую пощёчину.

– Ма-а-ма!! – завопила Лоэн. А Рока, не ожидавшая такого поворота и смертельно перепуганная, бросилась бежать, как убийца от ожившей вдруг жертвы. Впрочем, ни женщина, ни мальчик не обратили на неё никакого внимания. Женщина потянула Лоэн за волосы, пригибая её голову вниз, к земле, приговаривая: «Вот сейчас ты узнаешь у меня, почём стоит ли-ихо», – до тех пор, пока та не упала на колени возле свежескопанного газона с вялыми листьями только что высаженных цветов. Пихая её, она вмяла её голову в землю, и с остервенением стала возить ею туда-сюда, шипя при этом: «Ну-ка, поешь земли, дочка – вкусно, а?.. Ну, ещё, ещё! – Марек, покорми её хорошенько. Пусть девочка узнает, как оно, не всё ж тебе одному! А ну, поддай ей – чего ж ты стоишь, сыночек!».

Конечно же, это был тот самый Марек, которого от имени Лоэн лупцевал Линэт, с которого опять же в «казну королевы» взималась дань, которому разбили окно. Мальчик, подбежав сбоку, несколько раз пнул Лоэн. Но она не почувствовала его ударов, он боялся бить её сильно – он, видимо, ещё стеснялся бить девочку. Но мать насадала на него: «Чего ты стесняешься – наддай ей так, чтоб на всю жизнь запомнила, – ну!!». Он ударил сильнее. Лоэн, вопившая и плевавшаяся землёй, взвизгнула, ей перехватило дыхание. Потом она извернулась и хватанула зубами что есть силы толстую жёсткую руку. Женщина вскрикнула от боли, но не выпустила головы Лоэн. Лоэн боролась так, словно билась в конвульсиях, но вырваться ей не удавалось. «Ах ты, гадюка!» – рассвирепела баба, и, перевернув Лоэн на спину, надавила коленом на грудь, стала впихивать ей своей рукой грязь в рот: «На, жри, маленькая сучка, запоминай: только тронь сына, только тронь!» Прохожих кругом не было... Вдруг женщина заметила, что из нагрудного кармана на платье девочки торчат какие-то бумажки, а рядом валяются деньги, выпавшие, видимо, тоже из неё. Много денег – целых две пинты крупными тяжелыми монетами и «мелочью» линей двадцать. Она на секунду остановила избиение. «А-а, так вот эти деньги, которые вы заставляли воровать Марека!». Конечно, это были деньги не Марека, а деньги, отданные в её «казну» добровольно, причём больше половины из них были её собственные, карманные деньги, которые она копила месяц, экономя на сладостях... Пока мальчик сгребал монеты с земли, мамаша усмотрела, что за бумажки торчат из кармана Лоэнеты – билетки на катер, Люни. Остров пользовался среди упорядоченных и устоявшихся граждан репутацией злчного места, где «разreshалось всё», чтобы люди, перебесившись там, вели потом себя спокойно в обычной жизни... Дети, естественно, в этом ничего не смыслили, их привлекали краски, а не разврат. Но билеты привели женщину в ещё большую ярость. Она стала лупцевать Лоэн по щекам и орать: «Так вот куда ты таскаешь наших детей, так вот, что тебя уже интересует!! А ну-ка, вдарь ей, Марек, ещё хорошенько!». Лоэн, изловчившись, изогнулась и освободилась от жадных лап этой бабы, и – кувыркнувшись – бросилась бежать.

– Ату её, Марек! – Садани ей меж лопаток!

По этой команде – как собака – мальчишка, было ему столько же лет, сколько и Лоэн, бросился за ней, пнул её с разбегу, она упала, больно разбив себе колени, ладони, локти, и, прежде чем она вскочила, он пнул её ещё раз: «На тебе, вшивая сука!». Лоэн не хватало воздуха в лёгких, чтобы громко кричать.

– М-ма-ма, ма-ма! – она захлёбывалась; наконец, инстинктивно сделав петлю и пропустив преследователя впереди себя, она бросилась бежать в другом направлении, и он, погнавшись было, потом отстал...

Перепуганная, онемевшая Рока наблюдала всё это из-за угла соседнего дома...

Лоэн, отбежав немного, перешла на быстрый шаг, всё отнялось у неё внутри, ноги заплетались, она как-то странно, в изнеможении всхлипывала и шла, не разбирая дороги, пока, наконец, не зашла в какой-то дворик. Люди оглядывались на неё, некоторые останавливались, пытались остановить и девочку, спрашивая, что случилось, кто избил её. Она, не оборачиваясь, шла дальше. Какой-то человек увязался за нею и шёл, пока она не остановилась.

– Что с тобой, миленькая? – спросил мужчина, присев рядом с ней и взяв её за плечи.

Ничего не говоря, она уронила голову ему на плечо и разрыдалась так, как никогда прежде в своей жизни...

На совет она опоздала, но всё же пришла. С исцарапанным, распухшим лицом, измызганная... Рока подскочила к ней: «Я обыскала все дворы – как хорошо, что ты пришла!». Однако Лоэн отстранила её и в упор посмотрела на Линэта...

– У нашей королевы вид сегодня особенно королевский, – насмешливо сказал Линэт, глядя на неё сверху вниз, хотя Лоэн уже тогда была высокой, и он был ниже её ростом.

Кто-то хихикнул.

... – И пришла она немного раньше, чем мы её ждали, – он потешался над ней. – Впрочем, мы тут уже решили, что на Люни тебя не возьмём, поэтому катись колбасой, только отдай билеты и деньги, лучше по-хорошему. Так мы решили...

Лоэн повернулась к Роке.

– И ты решила?..

– Я ничего не решала, – испуганно ответила та, – я тебя искала...

– Решила, решила, – Линэт издевался и над Лоэн, и над Рокой. – Гони билеты и деньги! – перестав улыбаться, приказал Линэт.

– Сейчас, – ответила Лоэн.

Все молчали.

– Ну, чего медлишь!

– Я же сказала – сейчас.

Снова молчание.

– Ну! – не отступал Линэт.

Лоэн подошла к нему. Он насторожился и отставил чуть ногу, вытащил руки из карманов. Человек пятнадцать, в возрасте от девяти до одиннадцати лет, стояли не шелохнувшись. Она подошла почти вплотную к нему.

– Ну, что уставилась?..

Глаза её полыхнули так, что Линэт зажмурился, и руки его инстинктивно потянулись к лицу... Но не успел он опомниться, как Лоэн, собиравшая всё это время слюну, смачно плюнула в его веснушчатую морду.

– А теперь царствуй, – сказал она и, резко повернувшись, вышла из круга своих бывших «подданных» и бросилась бежать...

Она не слышала, что там было сзади – она бежала, роняя на ходу крупные слёзы, ноги сами несли её, она бежала, не глядя по сторонам, выбирая только свободное пространство перед собой.

Так она добежала до площади Сирка, что на границе Уэйна и Шан-тана – другого района города, в котором она, пожалуй, и не была ни разу. За границами Уэйна начинался «большой мир»... Она остановилась на людном месте, перед входом в огромный универмаг. На город быстро ложились сумерки...

После этого случая Лоэн неделю не была дома, и её нигде не могли найти. Мать сутками напролёт плакала такими же громадными слезами, как у Лоэн. Сообщили в полицию – район, города, провинции... Отец, боготворивший девочку, облазил все значные места Уэйна, приставая с расспросами к их посетителям, делая одну глупость за другой... К счастью, ровно через неделю, уже почти ночью, Лоэнета позвонила в двери своего дома...

Впоследствии Лоэн никому не рассказывала, где провела эту неделю. Как ни пытались родители узнать, где она была и что делала, она упорно отмалчивалась. Это «белое пятно» из жизни девочки навсегда осталось для взрослых предупредительным знаком, дальше которого не следовало заступать, за которым уже никому не было места...

Все эти события несомненно оставили в её душе глубокий шрам, она вернулась другой девочкой, хотя в чём она стала другой, трудно было определить сразу. Слова «менее общительна», «более высокомерна» мало что говорят. Никто, конечно, не ожидал, что детские игры в «королеву» и «короля» могут привести к такому финалу. Но игра – такая же для детей жизнь – жаль, что взрослые это не всегда осознают... Молчание Лоэн о том, где она провела неделю, а потом и молчание вообще – относительно многих вещей – стало своего рода возмездием миру взрослых, которые уже никогда не имели такого, как раньше, доступа в её внут-

ренный мир, она им уже так не доверяла... И то, что в пятнадцать лет Лоэн стала жить самостоятельно, одна, хотя родители её, конечно, содержали и даже баловали, было отдалённым последствием всей этой драмы. Она любила свой дом по-прежнему, и в душе никогда не держала обиды на отца и мать. Просто она рано поняла, что может без них...

Исчезновение Лоэн ускорило окончательную развязку всех этих событий. Родители обошли её знакомых и всё узнали. Рока также рассказала им всё. Мамашу Марека привлекли к ответственности, заставив оплатить все расходы на поиски Лоэнеты, а также большой штраф в пользу её родителей, принести публичные извинения. От денег родители, конечно, отказались... После того, как все точки над *i* были расставлены, жители квартала постановили, что ей, вместе с семьёй, следовало бы покинуть этот район. Хотя такое постановление обязательной силы и не имеет, но оно было своего рода «гражданской казнью».

Линэт так никогда и не стал «королём». Его «войско» отказалось ему повиноваться в тот же миг, когда Лоэн плюнула ему в лицо. Он орал, чтобы её догнали, но никто не тронулся с места, а потом как-то незаметно и быстро все разошлись... После этого Линэта несколько раз жестоко избили его же сверстники, которые не имели отношения к компании Лоэн, но знали о его предательстве со слов её друзей и недолюбливали его ещё до всей этой истории. Линэт вдруг кожей почувствовал, что за Лоэн – весь мир, а за ним – неприятный «холодок» одиночества. Он – ошалевший от страха и унижений пришёл к ней домой просить прощения, хотя никто его не заставлял. Она не вышла к нему, а передала записку с тётей, маминой сестрой, которая в этот момент у них гостила. «Никогда больше не подходи ко мне и к моему дому», – было в записке. Он не ушёл сразу, а стал канючить, слезливо вымаливая у растерявшейся женщины разрешения пройти и поговорить с Лоэнетой. Лоэн, думавшая, что он ушёл, спустилась в гостиную, но услышала его голос: «Мне сказали, что пока Лоэнета меня не простит, – врал и канючил он, – меня будут бить каждый день». У него и правда под глазом был здоровенный синяк, волосы взъерошены, и весь он жалкий. «Меня бьют из-за неё».

– Тебя бьют из-за тебя, а не из-за меня, – внезапно прозвучал её голос. Линэт вздрогнул. Она стояла напротив – маленькая неумолимая богиня, в лёгкой перламутровой тунике, только что ореол не светился над её головой. Линэт вдруг поразился, увидев её такой.

– Лоэнета, прости меня, прости – я больше не буду, скажи, чтобы меня не били больше, ну пожалуйста...

– Я не знаю, кто тебя бьёт, – только и ответила она, и ушла. Она тут же забыла о Линэте, и не посмотрела в его сторону, проходя через гостиную обратно с толстым томом в руках, хотя он всё ещё стоял, где стоял.

Тётя, видя непреклонность племянницы, решительно стала выпроваживать Линэта, и, наконец, выпроводила. Позднее его оставили в покое, но замечать вообще перестали, полностью исключили даже имя его из своих разговоров. Ни один человек не может вынести собственной смерти при жизни, и вскоре Линэт вообще пропал – куда, точно никто не знал – видимо, перешёл в отдалённую школу и перестал вообще появляться на улице. Все как-то вздохнули свободнее.

Марека постигла ещё более печальная участь. Он в своё время не побоялся дать Линэту сдачи, однако не мог ослушаться мать, властную и скандальную женщину, муж которой – отец Марека – предпочитал с нею не связываться. Марека били не мальчишки, а девчонки, которые были его старше. Изошренно били и стыдно. Брали в кольцо на потаённой лужайке школьного сада и издевались... Его не оставляли в покое до тех пор, пока всё семейство не съехало с глаз долой. Причем, круговая порука среди детей и подростков была настолько прочной, что никто не выдал мучительниц этого толстоватого и, в целом, добродушного мальчика...

Ему не повезло и в другой школе, куда его перевели родители. Наверное, благодаря тому, что она находилась не столь уж и далеко, там очень быстро узнали, что Марек *пинал ногами Лоэнету*, о Лоэнете знало уже чуть ли не пол-Уэйна. И в той школе его также стали избивать девочки – здоровые уже, лет пятнадцати-шестнадцати, и чуть не придавили его насмерть. Наконец, Марек исчез окончательно, и больше его не вспоминали...

Рока несколько раз после возвращения Лоэн домой приходила к ней, чтобы объясниться, ну и просто – дружить опять. Лоэн простила её за малодушие, однако дружить с ней больше не стала, и никогда больше не выделяла Року среди остальных, отчего та страшно страдала. Рока много раз даже плакала, но это на Лоэн производило такое же впечатление, как и слухи об очередном избиении Марека, то есть никакого...

...Нет, всё-таки страшный человек была Лоэнета, маленькая девочка, из-за которой всё перевернулось так разом, и ясно вдруг стало, кто есть кто... Она каким-то странным и непонятным для взрослых образом постепенно превратилась для детей целой округи в своего рода «божественную личность», знакомства с которой искали все. А старшие девочки—подростки опекали её, и даже гордились этим...

После этой истории Лоэн никогда не сталкивалась даже с попыткой посягнуть на неё. Все искали её дружбы и преклонялись перед ней. Поэтому то, что происходило с нею в Риносе – этот арест, эта «бойня», этот «безголовый кастрат», – было для неё запредельно...

Глава 5

Выводы Реда Беннера

Как провела эти сутки Лоэн – после визита скапатора и «бойни», – она бы и сама не вспомнила. Через некоторое время после того, как её оставили в покое, у неё страшно заболела голова. Головная боль отвлекла её от мыслей о случившемся. Она – то плакала, то постанывала, то просто лежала, мучаясь молча.

В течение дня в её дверь много раз стучали, но она не откликалась – какой смысл? – если к ней может зайти кто угодно и когда угодно, как в тюремную камеру. И к ней действительно стали входить без стука – в отведённые часы просто приносили еду, но она и не замечала этого. После обеда несколько раз заходил врач и задавал ей какие-то вопросы. Она лежала, отвернувшись к стене, и не отвечала. Была «как живая» и совершенно «тихая». В конце концов, её вновь оставили в покое. До следующего утра.

...Врачебная комиссия вошла к Лоэн. Она сидела на кровати, одетая, но непричёсанная, заплаканная.

Они вошли – она продолжала плакать, как будто не видела их, как будто по-прежнему была одна. Они знали, что со вчерашнего дня она ничего не ела и никак не отзывалась на вопросы, обращенные к ней, лёжа на кровати, спиной к «посетителям». Трёх врачей, возглавляемых Редом Беннером, сопровождал Рой (таково было его условие) и два охранника.

Скапатор испуганно насторожился. Он решил, что она плачет вторые сутки напролёт. Действительно, если бы через тридцать минут после «бойни» он зашёл к ней снова, то увидел бы точно такую же картину, что и сейчас, через тридцать часов. Его испугала мысль о том, что вот такой жалкий, смятенный вид её может вызвать у врачей сочувствие, и не всё пойдёт так, как хотел этого он. С другой стороны, «сумасшедшие не плачут», почему-то считал он, поэтому невменяемой её вряд ли признают, это хорошо. Для него, пожалуй, было бы откровением, что и собаки плачут – от обиды.

Ред Беннер, попросивший перед этим Роя молчать, когда он будет беседовать с Лоэн, не мог не отметить про себя, что их появление никак не отразилось на ней – ни одного движения, ни одного взгляда в их сторону, «смотрит внутрь себя».

– Здравствуйте, – как можно более вежливо и с участием обратился он к ней. – Что с вами?

Лоэн всхлипнула, и, как будто продолжая свой внутренний монолог, только теперь вслух, стала говорить, слёзы потекли из её глаз обильнее.

– Пожалуйста, я очень вас прошу, отпустите меня. Ну что я вам сделала? – лицо её искажилось от подступившего к горлу рыдания, и, «переменив» дыхание, она продолжила:

– Зачем он меня мучает? – говорила она, имея в виду, наверное, Роя, но глядя не на него, а куда-то в сторону. – Что ему от меня нужно?.. Я никого не убивала, не грабила... Ну заберите бриллианты, если вам они так нужны. Только отпустите меня к Джеральду. Я люблю его, я не знаю, что с ним. Почему мне ничего не говорят о нём?

Новый комок слёз.

Губы, чуть припухшее от удара локтем, искривились, как у девочки, горько плачущей от того, что у неё отобрали мячик какие-то злые дяденьки.

– Не нужны мне эти бриллианты, я не хотела их брать... Скажите, что с Джеральдом, что происходит, я ничего не понимаю...

Слёзы не давали ей говорить, она давилась ими, и не могла сглотнуть. Они струились из больших, поразительной красоты глаз.

– Зачем вы меня тут держите, зачем он бьёт меня, разве я не человек, разве я могу ему ответить тем же? – продолжала она бессвязно.

... – Я хочу домой, я хочу к Джеральду, что вы с ним сделали? – всё это без нажима, без перепадов в голосе, под аккомпанемент ритмичных хрустально-солёных струй, катившихся со щёк, с носа, с подбородка, замочивших уже изрядно блузку на её груди...

...Перед ними, перед комиссией, которую охраняли двое вооружённых резиновыми дубинками людей, сидела девочка, которую словно разлучили с мамой – совершенно раздавленная несчастьем, на неё свалившимся, у которой больше не было сил противостоять ударам судьбы, которая никак не могла понять, за что ей такие страдания, в чём она виновата, – девочка, инстинктивно не сознающая того, почему всё это с нею произошло... Беззащитная, униженно-просящая, верящая, что сейчас её пожалеют, дадут конфетку и отпустят.

– Я никогда больше не буду кричать и ругаться на вас, я буду говорить о вас только хорошее. Простите меня, мне так больно, я так устала, я не могу больше терпеть, – как будто она хотела задобрить их.

– Пожалуйста!.. – тут она закрыла лицо руками, и разрыдалась пуще прежнего.

Комиссия стояла в полном замешательстве, даже Рой не знал, что и думать. Никто не мог предположить такого поведения Лоэн. Наконец, Ред Беннер, совершенно не знавший, что говорить, и не осмелившийся задавать вопросы, которых он держал в памяти много – и простых, и неожиданных, и с «подвохом», и как будто ничего не значащих – «сколько у собаки рук?», или – «сколько звёзд на небе?», – прервал молчаливое замешательство и вымолвил тихим участливым голосом:

– Ради Бога, успокойтесь: вам никто не угрожает, вы просто близко всё принимаете к сердцу, а вам бы следовало относиться ко всему спокойней, мы бы лучше узнали вас – если бы вы отвечали на наши вопросы, и уж наверное мы бы как-то иначе подошли к вам, и не было бы того, что было вчера...

– Как же я могу, – ответила Лоэн, ухватившая, кажется, лишь первые его слова, – не близко к сердцу.., если у меня отняли всё, бьют, унижают, издеваются надо мной и, может, над ним.., – она имела в виду Джеральда. – Я не могу отвечать тем же, я в полной вашей власти, что я такого сделала?..

У Роя шевельнулось злое раздражение против неё.

– Она сейчас играет с нами в дурочку...

– Рой, – прервал его Ред Беннер, – мы с тобой договаривались...

– Ладно, ладно, – только тут, по-моему, всё ясно.

– Вот что, – решительно сказал врач, – я попрошу всех выйти и оставить меня наедине с этой девушкой.

– А вот об этом мы не договаривались, док! – возразил Рой. – Иначе бы я позаботился о том, чтобы мы всё слышали, о чём тут говорится, когда нас нет. Ты понимаешь, Ред, что дело тут в деньгах, и больших, а она отказывается отвечать на вопросы и сейчас вот откровенно передёргивает – кто кого бьёт, а? Смешно... Почему это она с *тобой* будет откровенничать, а не со мной? Потому что ты расслюнявился, а я нет?

Ред Беннер невольно покраснел, ему стало неловко – как ни странно, перед Лоэн, словно она пустое место для них, и при ней можно всё делать и говорить, но это же ведь не так. А также перед комиссией – получать в её присутствии начёт, как будто ему сделали одолжение, а он лезет не в своё дело.

– Ладно, Рой, – сказал, собрав себя и не меняя «хорошего» лица Ред. – Договор дороже денег, но я думаю, что мне, как специалисту, следовало бы поговорить с нею наедине. Как психолог я могу «разжать» человека, найти с ним общий язык, только если он мне будет доверять, и нас никто не будет подслушивать. А так вот, как мы – ввалившись сюда стадом и пререкаясь

на глазах у этой несчастной, – ничего не добьёмся и не узнаем. И мои познания в психиатрии тут уже не помогут.

– Может, ты и прав, не психиатрией тебе надо было увлечься, а благотворительностью, все бы кошки драные ели твою сметану и разносили бы в свободное от еды время плешь да заразу на всю округу.

– Господа хорошие, – вмешался другой врач, – давайте-ка, раз мы пришли сюда, заниматься экспертизой, а не болтовнёй.

Лоэн, до того плакавшая, вдруг перестала плакать и посмотрела на того, кто сейчас говорил последний. Слёз в её глазах не было. Она, будто её поразило какое-то открытие, переспросила, как бы не веря ещё тому, что слышала:

– Чем, вы сказали, заниматься?

– Исполнением некоторых формальностей, милая.

У Лоэн отвисла челюсть, как будто она услышала то, что изумило её до крайности. Лицо её потемнело, дыхание остановилось.

Тут Ред Беннер резко сказал:

– Всё, уважаемая комиссия, я как ваш начальник на данный случай настаиваю, чтобы мы покинули эту комнату, мне всё ясно, я готов написать своё заключение.

– Я возражаю, – сказал Рой.

– А я настаиваю.

– Ладно, ребята, – внятно, но ни к кому не обращаясь, сказал третий, молчавший доселе врач, – надо нам обо всём было договориться сразу, а не здесь. Я готов подписаться под тем, что ей требуется отдых.

– Комиссия врачебная, мой дорогой Рой, – воспользовался ситуацией Ред Беннер, – решающих голосов три, я поддерживаю предложение коллеги.., – и повернул к выходу.

Все повернули за ним. Последним нехотя вышел Рой, вновь обернувшись в дверях, как и прошлый раз, и щёлкнул глазами на Лоэн, на прощание.

Она по-прежнему сидела с недоумённым лицом, и как будто что-то поняла – интуицией, и никак не могла найти тому объяснения...

Заключение независимой врачебной экспертизы было недвусмысленным: Лоэн полностью вменяема, чего Рою хотелось, но ей требуется передышка, чего Рою не хотелось.

Глава 6

Гипотезы доктора Эйнбоу

Доктор Эйнбоу набрался решимости ещё раз побеспокоить скапатора – и не где-нибудь, а у него дома, – «заказав» разговор с ним по видеосвязи. Это было в среду вечером.

– Добрый вечер, док. – Рой сидел, видимо, за рабочим столом у себя в домашнем кабинете и перебирал какие-то бумаги, не глядя на экран монитора. – Чем могу служить в столь поздний час?

Он явно намекал, показалось Эйнбоу, на некоторую неуместность этого разговора в десять часов вечера, но – ведь подтвердил же он «заявку» доктора на видеосвязь!

– У меня есть некоторые соображения насчёт вашей поднадзорной и моего подопечного, – сказал Эйнбоу.

– Слушайте, док, – с внезапным раздражением, глядя теперь на доктора в упор, начал Рой, – ваше дело поставить его на ноги и отдать нам, всё. Если вам не удастся это сделать, мы отправим его в Кантан – к их специалистам.

– Вряд ли это потребуется, – пытался было перебить его Эйнбоу.

– Неважно. Если ему ничто уже не поможет, это его дело. Ваше – хотя бы установить причины его состояния, и как можно скорее. Мы не можем долго ждать. Моё дело – работа с девушкой. Мы все должны делать своё дело, и не лезть в чужое. Тогда только можно надеяться на результат. Каждый лезет ко мне со своими соображениями, как будто ему и заняться больше нечем... Я уважаю вас док, но ваши соображения мне пока не требуются. Если же потребуются – я сам найду вас.

– Я прошу вас всего лишь выслушать меня – не в порядке совета, и не в том смысле, что у меня есть версия. Нет у меня никакой версии, и что касается дознания, то лучше вас нет специалиста...

– Послушайте, доктор, – прервал его Рой уже более мягко, но стоя на своём и с лёгкой усмешкой, – ведь смешно было бы, если бы я, всего лишь скапатор, давал советы вам – как лечить, ну того же «мумию» – правильно?

– Правильно, но...

– Ну ладно, что вы хотели сказать? – как бы уступая назойливости доктора, спросил Рой. – Говорите, раз уж мы с вами с глазу на глаз.

– Дело в том, – несколько неуверенно начал Эйнбоу, – что мне не раз в моей практике приходилось встречаться с людьми с так называемой «забитой» психикой – с людьми, которые в течение долгого времени подвергались невидимому для них воздействию других людей, и те, в конечном итоге, разрушали их психику, размывали устоявшиеся представления о хорошем и дурном, их самосознание, уверенность в своих словах и действиях. Они становились мнительными, их начинали мучить фобии, они не могли избавиться от некоторых своих навязчивых мыслей и состояний, впадали в полную апатию, даже не реагировали на краски, звуки, прикосновения...

– Вы можете короче, доктор? – у меня мало времени...

– Да, конечно. Так вот, вывести этих людей из такого состояния, вернуть им радость жизни, общения, уверенность в себе, можно только познав вполне источник воздействия на их психику, то есть психологию человека, который был рядом и – возможно, даже бессознательно – разрушал здоровье ну, скажем, моего больного. Так вот...

– То есть вы хотите сказать, – нетерпеливо перебил его Рой, что эта... – даже не знаю, как назвать – разрушила психику нашему с вами подопечному? Превратив его в «мумию»?

– Я не хочу сказать, что это именно она...

– Но зачем ей это было нужно? Да к тому же, чтоб так разрушить психику, надо, по меньшей мере, разрушить сначала череп и память в руках мозга, как глину. Это, знаете ли...

– Возможно, это исключительный случай, но здесь, видимо, обошлось без физического насилия...

– Ну, это уж совсем невероятно. Ох, док, устал я от лишних разговоров, право слово, – я понимаю, что вы чувствуете свою необходимость в этом деле, но...

– Уважаемый Рой, мне дела нет до ваших выводов, меня не интересует возня вокруг дела, меня даже не интересует само дело – настолько, чтобы я почитал возможным беспокоить вас конфиденциальным разговором...

– Ну так за чем же дело стало? – весело спросил Рой. – Договоримся, док – мне интересны ваши соображения, но не сейчас. Как только наша «мумия» – дай-то Бог – заговорит, мы с вами – даю вам честное слово – очень тесно потолкуем о ваших соображениях. А сейчас я прощаюсь с вами, не обижайтесь. Я полностью доверяю вам судьбу «мумии» и верю в ваш талант. Пока!..

Монитор погас. Эйнбоу с досады плюнул.

– Чёрт возьми, ему не интересны мои соображения. Как же он будет вести следствие, этот самовлюблённый скапатор?

– Что?! – крикнула из дальней комнаты жена.

– Да я не тебе...

Она вошла в кабинет.

– Ну, что, Фили – поговорил с Роем Мелли?

– Поговорил, – досада не унималась в голосе доктора. – С ним поговоришь... Ох! – вздохнул он и задумался.

За ужином он продолжал размышлять: «Он так и не понял, что мне необходимо свидание с Лоэн. Ему кажется, что я „лезу“, примазываюсь к сенсационному делу на правах врача, допущенного к одному из подследственных... Дурацкий разговор какой-то. И я хорош, говорил не то, что хотел, как будто я и в самом деле полагаю, что эта Лоэн – причина болезни моего больного». «Что за идиотская манера, – морщился он, – ставить собеседника на острие? Либо – либо. Да – нет. Чёрное – белое. Как будто все мы подследственные... Да-а, нехорошая это специфика, раз превращает людей из объема в плоскость. Слава Небу и Земле, что я не какой-нибудь скапатор, и мне не плевать, что за человек передо мной, лишь бы вывести его на чистую воду...».

– Фили, тебе не нравится ужин? – спросила его жена. – Или ты расстроен? Почему ты морщишься? – в её голосе звучала заготовленная обида.

Он обратил, наконец, на неё внимание.

– Ресджи, – как можно более мягко сказал он, – не обижайся, если сегодня я не хвалю твои бифштексы, и не спрашивай пока меня о Рое Мелли, об этом Джеральде, Лоэн. Я решил исправно выполнять свои функции – с завтрашнего дня. Ты не увидишь меня больше мрачным, никому не буду я ничем докучать, а «мумию», как изволил выразиться благоуважаемый скапатор про моего больного, постараюсь вызволить из анабиоза как-нибудь. Правда, это будет нескоро, но ведь и торопиться некуда, особенно скапатору. Ему, пожалуй, нравится быть в центре внимания, и он не торопится развязать им языки – я так полагаю...

– Ну что ты, Фили, – ответила Ресджи, – не стоит так убиваться из-за пустяков. Ты-то обойдёшься без них, а он к тебе ещё прибежит...

И она на мужа как в воду глядела.

Но доктор этого не заметил:

– Ох, вряд ли, – и это будет хуже всего. Для всех. И для него тоже. Больше всего не люблю упрямства. Это такая же мания, как и другие. Только, как считают, безобидная, и даже полезная...

Разговор с Роем Мелли состоялся как раз вечером того дня, когда Лоэн набросилась на скапатора – доктор Эйнбоу не мог, конечно, этого знать. Рой же не счёл необходимым посвящать его в «детали». Ему действительно надоели за день «соображениями», шутками, вопросами. Все в Департаменте судачили о том, что произошло. Рой же, придя в себя, должен был действовать. Он разыскал Реда Беннера. И они вместе с ним подыскивали ещё двух врачей – с тем, чтобы не «чужаки-дураки» судили о её «невменяемости». Весь день он был в напряжённо-раздражительном настроении, не мог заниматься ничем, кроме этого дела, хотя другие дела тоже не терпели отлагательства. Всё-таки, ему было недостаточного того, как унижена Лоэн, да он и не воспринимал это как унижение *Лоэн*, он считал всю эту «бойню» довольно унижительной для *себя*. Он не рассчитал эффекта своего неожиданного появления, и, как и раньше, ничего снова не добился. Зато стал героем пошлых анекдотов.

«Что это за дурацкое дело? – недоумевал он, – надо ж было ввязаться!». Однако игра начата и должна быть закончена, и он сам не замечал, как «обвинительный уклон» постепенно набирал силу, как он втягивался в эту игру, воспринимая «противодействие» Лоэн, как личное с нею противоборство, соперничество – в ущерб, может быть, здравому смыслу. Потому что, руководствуясь здравым смыслом, он бы давно разрешил Филеалу Эйнбоу «вести» обоих подозреваемых – и Джеральда, и Лоэн, – они оба, но по-разному, потеряли всякое представление о том, где находятся и почему. Но Рой инстинктивно боялся, что доктор Эйнбоу – независимый от него врач, с которым его ничего не связывало – будет не так сговорчив, не так уж прислушиваться к нему, Рою Мелли, как это будет делать его приятель Ред Беннер – врач, работающий с Департаментом постоянно. Что и говорить, в любом деле важно взаимопонимание сторон, иначе и яйца не сварить. Реда Беннера, а также некоторых других уже достаточно известных в городе людей называли «командой Роя» и не без основания считали эту команду очень сильной, способной сообща – каждый со своей «колокольни» – быстро распутывать непростые дела. Сам Рой, Ред Беннер, а также еще один человек – эконом-юрист – составляли ядро «команды», потому что познакомились ещё в первый день после перелёта в Ринос, куда они, влекомые новым поприщем, мигрировали из разных уголков Теонии. Так что «братство первого дня» было довольно прочным, они держались друг за друга, а к ним, как к «силе», примкнули затем и другие. И это помогло им всем довольно быстро найти «жилу» и неплохо устроиться, и расти. И со временем «команда Роя» вполне могла бы «овладеть» городом с разных направлений, стать его элитой и даже властью. Каждый из них всегда подтягивал «своих» к значимым для Риноса делам. Так что, когда возникла необходимость «пристегнуть» к следствию врача-психиатра, выбор пал на Реда Беннера. Рой подумывал уже о том, как бы отобрать «мумию» у Филеала Эйнбоу, и «подсунуть» Реду – уломать его, чтобы он согласился на такую рокировку. То, что Джеральд попал к Эйнбоу – случайность. Привезли в клинику – чуть ли не конченного – во время его дежурства, и всё. Несколько дней туда-сюда, пока не перестали опасаться за его жизнь, теперь можно «перебросить», и дело с концом. В интересах следствия. И Рою вовсе не нравилось, что Филеал Эйнбоу проявляет «незапланированную» активность, мешая ему соображать самому. Он вообще не любил обсуждать ни с кем то, что входит в его компетенцию. Вот почему он так резко «отлупил» дока, чтобы у него уж и не возникало больше иллюзий насчёт «конфиденциальных разговоров по домашнему телевизору». Рой всегда отсекал «чужих», если человек из «команды» вполне мог прийти на помощь...

И уж конечно, Рою не понравилось то, как повёл себя на экспертизе подследственной Ред, открыто вступивший с ним в полемику, и, по сути дела, сорвавший тщательное обследование, продолжительное обследование, с неясным для этой «кошки» итогом, стыдное для неё... Мало того, как следовало из заключения, которое составил Ред, Лоэн нельзя было допрашивать

в течение нескольких дней, чтобы «дать ей возможность прийти в себя и обдумать своё положение». Рой, будучи мобильным человеком, не любил ненужных, как ему казалось, «передышек» и вконец разругался с Редом, объявив его дураком. Реду было, конечно же, неприятно, но воспринял он это, как дружескую перепалку, и в душе не держал на Роя обиды, хотел, когда тот успокоится, серьёзно поговорить с ним насчёт его «зазнайства» и грубого обращения с друзьями, которые, как известно, на дороге не валяются.

Однако Рой понял, что «игрока» надо менять. «Пусть этот дурак Беннер, – подумал он, – кусает потом себе локти, когда от меня будет зависеть гораздо больше, чем сейчас». У Роя никак не укладывалось в голове, что Ред не оценил по достоинству того, что Рой «пригласил» его к этому делу, сулившему блестящий и громкий успех, а значит, перемены в их общественном и должностном статусе. «Если человек не понимает, кого надо держаться и почему, – полагал Рой, – тем хуже для него». Этим, правда, Рой в какой-то степени себя и успокаивал, ему было больно, что друг не поддержал его. Чуть не предал. Хотя Ред, как того и желал Рой, объявил Лоэн «полностью вменяемой».

...Вот почему в пятницу вечером в доме доктора Эйнбоу «заиграл» телефон, звуковой сигнал которого был настроен на любимую мелодию Ресджи, его жены.

Звонил Рой Мелли. Доктор Эйнбоу, конечно же, не ожидал этого. Он решил больше ни во что не вмешиваться и сосредоточился на своих делах.

– Док, – услышал он в трубке, – я не хотел бы, чтобы вы сочли меня грубым неучем. Просто в тот вечер я был не в духе – если бы вы знали, что произошло, вы бы поняли меня.

– Что вам угодно? – вполне корректно поинтересовался Эйнбоу.

– Я хотел извиниться перед вами, если вы обиделись, и сказать, что конечно же мы заинтересованы в вашем мнении, может быть – в вашей помощи.

У Эйнбоу почему-то забилося сердце.

– Ну что ж – я готов помочь вам...

– Вот и прекрасно. Не могли бы мы встретиться с вами в воскресенье вечером в «Милате»? Хороший ресторанчик, без галдежа.

– Так..., – вслух начал соображать Эйнбоу. Вечером в воскресенье он должен был с Ресджи пойти на премьеру спектакля одного местного драматурга, которого они знали лично. Эйнбоу не хотелось показать Рою, что он так уж стремится влезть во всё это дело, и что достаточно только поманить пальцем.

– Вы всё ещё дуетесь на меня, док?

– Нет, что вы, но... дело в том, что воскресный вечер я обещал посвятить Ресджи, моей жене.

– Да-а, – вздохнул Рой, – мне бы не хотелось откладывать, – при этом он подумал, что уговаривать не будет, это не в его правилах. – Ну что ж, если вам некогда, я постараюсь «провернуться», а вам ещё позвоню на работу в понедельник. Лады?

– Подождите, я поговорю с Ресджи, – Эйнбоу вовсе не устраивал такой поворот, он боялся, что Рой может передумать.

– Да не стоит, док. Обещания, данные женщине, надо выполнять. Не так ли? – спросил он, как бы подмигнув.

– Ну, дело ваше, – более официально ответил доктор.

– Наше, док – наше. Ну, счастливо!

И – повесил трубку, не дождавшись ответного «до свиданья». Эта привычка здороваться и прощаться, не давая собеседнику ответить тем же, была неприятна доктору, он считал это дурным тоном. Однако сейчас он не придавал этому значения, поскольку и радовался, что у него появился шанс увидеть Лоэн, и боялся, что Рой передумает, поэтому он всячески начал оправдывать невежливость скапатора его занятостью, и вообще изменился к нему. «Нельзя судить

о человеке по первому впечатлению, даже если он не псих», – решил про себя ведущий психотерапевт Центральной клиники Риноса.

Последующие два дня доктор провёл в беспокойстве – не раз, находясь дома, связывался с клиникой по видеоканалу, просил показать ему палату с Джеральдом. Джеральд лежал мирно...

Странный провал сознания, приключившийся с попутчиком Лоэн, всё больше начинал казаться Эйнбоу необъяснимым. Его медицинских знаний явно не хватало, чтобы систематизировать признаки заболевания и выстроить концепцию, создав хоть какое-то подобие гипотезы. Больной ходил, смотрел в одну точку, иногда даже прислушивался, казалось, к тому, о чём говорится в его присутствии. Однако смотрел непонимающими, глубокими, тёмно-кариими глазами. И в то же время «покорялся» командам, ухаживающей за ним сестрички, девятнадцатилетней Дати, его ассистентки и слушательницы курса, который вёл сам же доктор в Медицинской школе Риноса. Он легко «подчинялся» именно её голосу – не резкому и не властному, а нежному, солнечному и мелодичному. В связи с этим Дати вынуждена была часто дежурить во внеурочное время и даже пропускать занятия в Школе с личного соизволения мэтра и по личной его просьбе. Оставляя Джеральда с нею, Эйнбоу был спокоен.

Доктор не на шутку увлёкся этим случаем. Время от времени он бывал почти уверен, что все признаки свидетельствуют о безнадёжности больного, что в таком вот состоянии Джеральд и закончит свои дни – где-нибудь в богадельне. А иногда его посещала мысль, почти догадка, что «мумия» – только с виду «мумия», а на самом деле – чуть ли не симулирует, понимая, в каком щекотливом положении оказались он и его попутчица. В медицинской практике нет, да и попадались одарённые симулянты, дурачившие даже очень крупных специалистов по «психам». Однако самые тонкие наблюдения, проводимые с помощью самой совершенной аппаратуры, давали явно аномальную картину работы нервных центров подкорки... Причем, не смотря на внешнее постоянство поведения «мумии», картина внутричерепных импульсов не оставалась постоянной. Но какова закономерность этой изменчивости, Эйнбоу не мог усвоить.

С некоторых пор доктор стал уделять больше времени Дати, по его «рекомендациям» она пыталась «расшевелить» «мумию». Сеансы «воздействия» Эйнбоу проводил скрытно, запираясь с Дати в палате, где лежал Джеральд, состоявшей из двух отсеков. Этого требовал сам характер сеансов. Эйнбоу в голову пришла странная «догадка» использовать своеобразную «сексотерапию», интерпретировав её в «спектакль». Он не был сексологом, однако владел методиками излечения некоторых патологий, что касается интимной природы человека. Состояние Джеральда он окрестил «импотенцией сознания». «Почему бы, – думал Эйнбоу, – не применить методику из совершенно иной отрасли для излечения „неподходящей“ для данного случая болезни? Ведь образность языка, например, может строиться на сопоставлении двух, казалось бы, несовместимых вещей. Например „импотенция“ и „сознание“... Взятые в отдельности – что общего имеют эти слова, и разве можно их объединить в одно словосочетание? Однако, сочетаясь, они дают не только новое понятие, но и совершенно определённый образ, картину... В результате, из сочленения двух далёких понятий, рождается целый мир, верный отпечаток реальности – живой!».

Точно также и здесь – испробовав все доступные ему средства выведения своего подопечного из необычного анабиоза и не получив никаких результатов, он попытался использовать тот факт, что Джеральд реагирует на голос Дати. Быть может, чтобы вызвать более активную реакцию на окружающую действительность у больного, недостаточно одного лишь голоса?... Дати согласилась быть проводником сумасбродных идей доктора, она очень уважала его, считала гением и была убеждена в чистоте его намерений – в том, что всё это нужно только ради

«мумии». К «мумии» она относилась, как к цветку, который нужно поливать иногда, чтобы не зачах. Или как к слепой беззубой полупарализованной собаке, которую надо как-то кормить, потому что жалко. Или как к большой механической кукле со сломанным механизмом, починить который можно, но только с её помощью. Ей лишь стоило некоторых усилий, чтобы не стесняться доктора. Ради него и ради будущей своей профессии, которая не знает стыда, она пошла ему навстречу.

В один из очень весёлых, ярких дней, когда солнце светит во всю после недавнего ливня, когда всё блестит и искрится, и не так палит, когда кажется, и глубокие старики заглядываются на румяных девиц, а старухи доброжелательно настроены к молодёжи, была сделана первая «секс-попытка» вернуть Джеральду реальность. Все приборы бесконтактной диагностики во втором, меньшем по размеру, «отсеке» палаты, были сфокусированы на нервных и мышечных узлах «мумии». Необычность ситуации забавляла Дати – очень красивую, фигуристую, высокую, светловолосую девушку с большими и «мягкими» серо-голубыми глазами. Она безобидно кокетничала с Эйнбоу и даже подтрунивала над ним. А доктор в душе был готов растаять от нежности и благодарности к своей ученице, и это были самые человеческие, не отягощённые грузилами чувственности, эмоции. Эйнбоу объективировался от себя лично и целиком погрузился в наблюдения «мумии», в показания приборов, а Дати предложил «пофантазировать» на тему соблазна прекрасного, но бесчувственного юноши, презирающего как будто женское тело.

Всё располагало к «контакту» – погода, легкомысленное настроение Дати, несколько не мешавшее, а даже помогавшее вдохновенной работе доктора. Даже «мумия», казалось им, чуть улыбается уголками неподвижных губ, застывших в одном невыразительном положении, а в глазах его вспыхивали искорки солнечных лучей, и они как будто переставали быть холодными и бессмысленными, теплели. Какое-то предчувствие овладело доктором...

Глава 7

Передышка

Лоэн, получившая передышку, как бы исчезла для самой себя – на время. После того, как ушли врачи, она долго сидела, глядя вникуда. Страшная догадка поразила её настолько, что она «выключилась» и не могла опомниться. «Как же так? Как же так?» – звучало у неё в голове, и дальше она не могла думать. Сердце билось у неё в груди, как в глухую стену, она не могла остановить его тяжёлого пульса. Она вдруг поняла абсурдность своего сопротивления, своей агрессии, своих притязаний, как будто ей вернули зрение, и она увидела перед собой чёрную пустоту, а надеялась увидеть облака и солнце.

Плакать она не могла, выплакала всё – и гнев, и унижение, жалость к самой себе, и страх за Джеральда, и мечты о возвращении домой. Как будто холодным лезвием ножа обрезали ей все нервные окончания. Осталась только гнетущая пустота сознания – без надежды и страдания, сознания того, что она – мертва для этих людей, и что они раздавят её, когда захотят. Если бы Рой Мелли понял тогда, что происходит в душе Лоэн, он мог бы считать, что добился своего, и ему ничего не стоило бы доконать её – довести до самоубийства или лишить рассудка, воли.

Однако Рой ничего не понял, он оказался настолько слеп, что упустил свой шанс, побоявшись нарушить предписание Реда Беннера и прослыть в глазах сослуживцев жестоким человеком. Он дорожил своим реноме и не хотел, чтобы кто-то усомнился в его справедливости, в правильности его действий. Нет, Ред Беннер не только не угрожал ему, он – да, почти сорвал дело, поскольку для деятельной натуры Лоэн нескольких дней передышки вполне хватило для того, чтобы хоть в какой-то степени трезво оценить ситуацию – шок, который она испытала, только на время сделал её бессознательной куклой, но потом подействовал благотворно, вылив от иллюзий. Однако переносила она это крайне болезненно.

В течение двух суток после визита врачей она лежала в своей кровати, не двигаясь, и не реагируя ни на что. Еду, которую ей приносили в завтрак, уносили в обед; то, что приносили в обед – забирали в ужин, и так далее. Из оцепенения её вывел «загулявший» тропический ураган, разбушевавшийся ночью за окном её каморки. Порыв ветра страшной силы выдавил стёкла из рамы и вместе с ливнем ударил Лоэн прямо в лицо, сбросив со стола чашки с едой, сорвав с неё покрывало, разметав по комнате всё, что можно. Лоэн инстинктивно перепугалась и – вскочила на постели, но – у неё закружилась голова, и она стала падать. Упала очень неловко, расцарапав о кровать спину и больно ушибив бедро. Испуг был такой сильный, что она ничего не понимала в первые мгновения, а потом, схватив шевелящуюся под ветром простыню и закрыв ею грудь, как будто кто-то мог заглянуть в разбитое окно, держась руками за стены, пробралась к ванной комнате, и, скользнув туда, просидела там несколько часов, пока ураган не кончился, и не наступила внезапная тишина. Да такая, будто ливень смыл весь город, а вместе с ним и всё человечество, всё живое, и некому было нарушить её хотя бы шорохом или дыханием.

Лоэн с опаской выглянула из ванной – комнату было не узнать, как будто в ней разорвалась граната. Она прошла в свой угол, осторожно ступая босыми ногами, чтобы не порезаться о стёкла, нашла с трудом свои сандалии – небольшой гардероб, который они взяли из Эннау, был при ней, – подобрала первую попавшуюся одежду, оделась, и стала наводить порядок. В окно веяло влажной прохладой, на небо высыпали крупные звёзды. Лоэн будто бы искупали в ключевой воде, и она, дрожа всем телом, ползала по комнате при свете ночника и собирала вещи, выметала щёткой, которую нашла, когда сидела в ванной, осколки и прочий мусор. Окно

ей, конечно, поутру вставили, но Лоэн надышалась прохладным, влажным и чистым воздухом Риноса – как напилась живой воды из волшебного источника.

Организм её требовал поддержки и заявлял о себе голодными спазмами... Сначала она ела помаленьку, а потом ей уже не хватало того, что приносят. Подсобные служители Департамента – в основном это были пожилые люди – заставляли Лоэн в глубокой задумчивости, им было жалко её, хотя они и боялись признаться в этом – не то, что друг другу, но и себе. По Департаменту ходили чудовищные домыслы об этой «особе», которая наверняка была также развратна, как и красива.

Между тем, Лоэн, чтобы избавить себя от мучительных размышлений о судьбе Джеральда, решила, что он всё-таки жив и здоров и в конце концов вызволит её отсюда. Она гнала от себя мысли о том, что Джеральд мог умереть, или что-то в этом роде. Но «я здесь, а он неизвестно где» – время от времени подкатывало тяжёлым комком к горлу, и было так больно, будто его резали. Слезы давались ей теперь так болезненно, что она стонала – солёные реки её лучезарных глаз истощились, но не истощились пока её страдания...

В человеке задумано всё гармонично. Если у него кончаются слёзы – значит, должен наступить и конец страданиям, либо сойти на нет восприимчивость к ним. Если страдания чрезмерны, они иссушают нервы, искажают для человека реальность и могут надломить его... Нет, наверняка Ред Беннер не подозревал, какое благо он совершил для Лоэн, что дал ей передышку на несколько дней. Всё-таки, не смотря ни на что, она внутренне собралась и даже как-то успокоилась. Она ждала, что всё это когда-нибудь кончится. Она приказала себе не думать о самом худшем, втайне надеясь на чудо – что двери вдруг откроются, и войдет Джеральд. А не этот... Она всегда верила в чудо, с тех самых пор, как помнила себя. Она даже не в шутку, а всерьёз – на всякий случай – молилась в душе всем богам туземцев, чтобы и они пришли ей на помощь...

Рой Мелли тоже не терял времени даром. Пока нельзя было «работать» с Лоэн, он более плотно занялся «версией», которая у него в голове сама собой уже начала складываться. В её «объективности» у него даже и сомнений не возникало – слишком узкий «коридор» для вариаций. Он более плотно занялся и капитаном авиалайнера, доставившего сюда этих странных «гостей». Пилот шёл как свидетель – пока. Его временно – тоже пока – отстранили от работы, и он сидел «под подпиской» в Риносе, в своём доме, исправно являясь на дознание. Его показания были путаны, в своё оправдание он сказать ничего не мог, хотя и улики против него не было – прямых улик. Но Рой был уверен: всё указывает на определённый «интерес». Но пока он не нашёл ничего примечательного – кроме того, что этот пилот несколько лет назад был тоже «временно отстранён» за то, что без всяких разрешений согласился вывезти из резервата двух каких-то девиц, которые мечтали жить в Теонии, а не на «скотском ранчо» своих родителей в окружении туземцев. Это кое-что, конечно, значило в смысле характеристики этого типа, но Рой в своих предположениях шёл гораздо дальше. Ему грезилась «сеть». То есть разветвлённая, хорошо укрытая, со своими «тайными высокими покровителями». Преступный синдикат, организующий полёты в колонии, с «доверенными группами» в самих колониях. Цель? – да просто всё: золотишко. Нажива. Там золото моют, сюда везут. Там много, наверное, людей, мечтающих жить в Теонии и её федератах – в красивых домах. А не в дебрях. Золото и «цивилизация». Вы нам – золото, мы вам – цивилизацию.

Но в какой-то момент Рой оставил пилота в покое – пока. Тот не будет говорить, пока не заговорят «главные герои» – Лоэн, прежде всего.

В эти дни Рой также более плотно занялся и самими сокровищами – их оценкой, привлёк самых опытных спецов. Но за несколько дней они так и не сумели назвать сумму – всю сумму, в которую можно было бы оценить сокровища. Первоначальная оценка – в сорок миллионов – нуждалась в очень солидной корректировке. Один из оценщиков сказал, что вполне может

статься, что общая цена всех этих камней, слитков и «побрякушек» перевалит за сто миллионов. Среди них – образцы блестящей ювелирной работы, предметы, имеющие большую художественную и историческую ценность. Нет, определённо – такие сумасшедшие деньги, превышающие трёхгодовой бюджет Риноса, нельзя «заработать» или получить в подарок... Рой уже видел конец этого дела: художественные ценности поступают в музей, а всё остальное – в казну.

Он пока гнал от себя эти мысли как мешающие делу, но на «заднике» сознания всё равно возникали картины, приятно щекотавшие воображение. «Только скопцы не бывают честюлюбивы, – говорил он сам себе, – тем более, в обществе, где рвение „во благо всех“ поощряется».

«Кому по праву должны принадлежать эти сокровища, раз уж они оказались здесь? – думал скапатор. – Конечно же, Риносу. Если не выяснится, что эти двое прихватили из Эннау весь его «золотой запас». «Но это – вряд ли, – в это Рой не очень верил, – есть ли там вообще такое понятие? Скорее всего, это какой-нибудь клад, или сокровища древних храмов и святилищ, и возвращать их не придётся... А этих двух – «на галеры». Чтобы другим неповадно было лезть в резерваты, грабить туземцев и уничтожать их ну очень самобытную культуру». «Ходят в перьях, и пусть – раз им нравится, – почему-то насмешливо думал он. – А вообще-то всё, что в земле зарыто, принадлежит обществу, а не отдельным людям. Если бы у нас это было не так, мы бы сейчас дрались все со всеми – кто больше схватит и чья власть. И в итоге снова бы вернулись в пещеры, – делал вывод скапатор, – откуда и вышли. В дом родной, так сказать».

Было ли это знание личным убеждением скапатора? Он бы, не сомневаясь, ответил: да. Или это было просто вставлено в его сознание? – учителями в школе, окружением... В любом случае, это было его «установкой». Сознательной. А подсознательной? Скапатор не копался в себе. «Самокопание, – он считал, – удел праздношатающихся».

«Сколько на эти деньги можно сделать для Риноса! – мечтал Рой Мелли, – построить общественных зданий, жилых домов, дорог, которых вечно не хватает. Да это просто мощнейший толчок! В Ринос потянется ещё больше людей. В нём будет жить миллион человек, почему нет? И за всем за этим стоит он – скапатор.

«Скапаторчик, – нежно обзывал он себя, – скапаторишка... Да они сделают меня пожизненным „председателем правительства“, умолять будут – ну Рой, чего тебе стоит?». Он с юмором так думал. «Дорогой сын дорогой матери – воплощённая её мечта – на вершине людской пирамиды».

Да, он посмеивался над собой, конечно. Но при этом полагал: «А что плохого в честолюбивой мечте, кому от неё хуже?». «Хотя дело-то такое, – отдавал он себе отчёт, – там, где не просто большие, а очень большие сверхденьги, там и опасно может быть, сверхочень опасно: меня могут убрать». И он намеренно делился этими соображениями с руководством и коллегами. Страховался. И шёл на этот риск с радостью – такое дело выпадает раз в жизни. И оно – меняет эту жизнь. Оно может вознести человека на такую высоту, о которой тот даже не помышлял... И ещё Рой знал точно: тот не достоин власти, кто страшится гибели и поэтому не идет на серьёзный риск. Но пока – всё было «тихо», никаких «воздействий».

«Кто не мечтает, тот не живёт», – говорил себе Рой частенько, – себе и другим. А раз есть мечта, намечаются и цели. Сначала ближние. И начинаешь пролагать путь. Как-то само собой это даже получается. Стоит сделать только шаг к цели, откуда-то берутся силы, которых у тебя раньше не было, энергия особого рода – первопроходческая. И «первопут» лежит через какую-то Лоэн Мейн – всего лишь «глупую-красоточку-лошадочку».

«Кто она такая? – размышлял Рой, – чтобы вот так, нагло, мне противостоять? Как-то так уж вышло, что Рою никто никогда основательно не перечил. Все уступали его логике, характеру, убеждённости в собственной правоте. Друзья смотрели на него снизу вверх. Он вроде бы и не гордился этим, но исподволь его психический «фенотип» сложился как «фенотип» безусловного лидера. С ним считались все – и преступники, и правоверные граждане. От него веяло «справедливой властью» – несколько отчужденной, правда, но последовательной и бес-

компромиссной. И теперь – смешно-несмешно, но Рой не хуже того ребёнка «копил обиды». И был абсолютно уверен, что очень скоро добьётся от Лоэн «покаяния».

Скапатор до поры до времени не беспокоил доктора Эйнбоу, он как будто забыл о своём разговоре с ним. И доктору волей-неволей пришлось углубиться в свои «исследования» Джеральда, опираясь на интуицию и подручные средства, главным из которых стала Дати. Хотя он с беспокойством и надеждой ожидал, что скапатор даст ему разрешение на свидание с Лоэн. Однако в планы Роя Мелли это не входило. Эйнбоу ему был нужен совсем для другого. Он хорошо помнил, что успел ему рассказать док по видеосвязи, но тогда он не придал этому значения. А сейчас его мысль развернулась, неожиданно для него самого, в другом направлении – как предположения доктора «ввернуть» в версию. Тут очень интересный может получиться расклад. Хотя он плохо себе представлял всё же, как один человек, в данном случае «его» Лоэн, может так «законопатить», «закупорить» другого человека. «Но она – точно ведьма», – у скапатора это в голове «торчалось», «торчалось», а ведь он в высшей степени был рациональным типом. Над «суеверием» он смеялся, но в то же время он вспоминал маму, которая обладала такими «методиками» воздействия, что никакая воля не могла ей противостоять.

Между тем, скапатору доложили, что поведение «объекта» изменилось – тарелки от Лоэн стали уносить пустыми. У Роя сразу же поменялась «повадка». Ходил и разговаривал он также, но в нём засела настороженность – как истолковать эту перемену? Нечто подобное можно наблюдать во взаимоотношениях сторожевого пса и человека, случайно забредшего в чужой дом, когда там не было хозяев. Пока человек не двигается, собака лежит вроде бы беспечно. Но стоит ему сменить позу, как пёс настораживает уши и изгибается. И только человек двинется, как «четвероногий друг» с глухим рычанием бросается на него. И ни выйти тому человеку из дома, ни переступить с ноги на ногу.

В орбиту дела втягивалось всё больше людей. Рой отбивался от назойливых просьб дать интервью местному телевидению и прессе. Но понимал, что скоро будет обязан предоставить некую информацию, он и сам в этом заинтересован – благожелательное общественное мнение ему необходимо. Он уже разработал в уме сценарий, как он выступит и что скажет. Собственно, концепция у него уже выстроилась, настоящей «версией» она станет чуть позже, когда он посетит «красотку» и поговорит с Филеалом Эйнбоу. Он уже нащупал цепь своих аргументов и теперь отрабатывал каждое звёнышко. Предварительно, разумеется. Во что бы то ни стало, ему надо вырвать хоть слово у Лоэн... «Хотя башка у неё крепкая», – шутил он про себя, вспоминая картину, когда она бросилась на него, как рысь, и её пришлось «огреть» по голове. Он постоянно возвращался мыслями к этой сцене... И собирал в комок свои душевные силы, чтобы пробить эту «стену».

Многих удивляло, почему Рой так подчёркнуто равнодушен к её красоте. «Будь рыцарем хоть чуть-чуть, а не сухарём, – говорили ему, – глядишь, может, у вас что и получится». Этот двусмысленный юмор только злил Роя. Как раз потому, что он к ней не «равнодушен», а «подчёркнуто» равнодушен... Лоэн воздействовала на него. Никто не может заглянуть в черепную коробку другого человека и увидеть те картины, которые проносятся в его мозгу. С «первого взгляда» Рой испытывал к Лоэн физическое влечение. Ему даже показалось, что они были бы «хорошей парой» – под стать друг другу. Он – высокий, крупный, породистый, вальяжный, и в то же время подтянутый, физически очень крепкий, сложен почти атлетически, и, хотя тяжёлый – но лёгкий, тренированный, на пружинах. Лоэн – тоже – высокая, значительно выше среднего, с «формами», от которых слюна сама вытекает изо рта у мужчин, как у дебилов, или быков в гоне. Лицо, волосы, походка, глаза-фары, рассекающие не только темноту, но и сам день, необыкновенная страстность, упрятанная в плавности, почти скромности... Да, они бы

смотрелись. По «экстерьеру» Джеральд уступал Рою весьма. Но встретились «два образца – самки и самца» не в том месте и не в тех обстоятельствах. В иные минуты Рой «распускал себя» – вспоминал её наготу и рисовал в своём воображении «порнографию». Ни одна из пассив, которых у него было достаточно, его так не возбуждала. И откуда она такая взялась?.. Это было сильнее его... Хотя именно она – она! – была в его власти.

Он отдавал себе отчёт в «некрасивости» таких мыслей, и то успокаивал себя тем, что такой «лошадке» ничего не стоит – повозить на себе ещё одного мужчину (а на скольких *она* каталась?), то почти усилием воли заставлял себя относиться к ней, как к «объекту», «существу женского пола». Преступному существу. Потом он смеялся над всем этим «бредом». Он сокрушит её морально, она не должна почувствовать его «зависимость» от неё. К тому же, после «бойни» он вообще чуть ли не ненавидел её. Он был оскорблён до глубины души, что девушка вцепилась ему в горло, и при этом – не смотря на «мушки» и «солнца» в глазах, он не мог не увидеть яростной гадливости, исказившей её лицо в этот момент. Не мог не увидеть. И не простит ей этого. Пусть, пусть она ещё раз набросится на него. И тогда её тут же переведут в настоящую тюремную камеру – предварительного заключения, здесь же в Департаменте, в подвальный этаж. Как опасную. А там...

Глава 8

Вторая «бойня»

Подошло время очередного визита скапатора к Лоэн. Она встретила его спокойным и враждебным взглядом.

– Или вы скажете мне, что с Джеральдом, или пойдёте вон, – она смотрела на него чуть исподлобья.

В комнату с Роем вошли два дюжих молодца из охраны. Одного из них Лоэн уже запомнила – он всегда приходил.

– Вы обращаетесь ко мне лично, или ко всем троим? – в голосе скапатора ирония. Он потешался над её тоном.

На её лице – выражение превосходства, она чуть усмехнулась и теперь молча смотрела ему прямо в глаза, следила за его глазами. Он же стал смотреть по сторонам, ища стул. Наконец, сел, а парни встали друг против друга – у противоположных стен, и были, казалось, равнодушны. У скапатора в нагрудном кармане форменной рубашки – маленький магнитофон. Лоэн, как обычно, сидела на кровати, поджав ноги и укрыв их покрывалом.

– Негостеприимная ты хозяйка, – как бы добродушно сказал он, глянув на неё.

Её губы язвительно дрогнули. Она держалась с «непререкаемым» достоинством и была немножко похожа в этот момент на высокомерную учительницу.

– Что ещё? – она спросила таким тоном, что Рой ощутил привкус металла на собственных зубах. Но он продолжал оставаться добродушным, а в её глазах уже «попыхивал» холодный упрямый жар.

– Если к «ничего» добавить «ещё», то это как раз и будет наш сегодняшний разговор. До сих пор ты грубила мне, и это, как видишь, ни к чему не привело. Поэтому предлагаю сменить тон, крошка...

– Что с Джеральдом? – оборвала его Лоэн.

– Полегче, крошка, – и вообще, вопросы задаю сегодня опять я, – он улыбнулся, произнося эту классическую фразу следователя.

– Мне плевать на твои вопросы, – перейдя тоже на «ты» отпарировала Лоэн, – ты обязан сказать мне, что с Джеральдом, иначе...

– Что иначе? – рассмеялся Рой, начиная злиться – разговор сразу пошёл не так, как он хотел. А ему было очень важно провести дознание, как следует, и он поклялся, что не выйдет отсюда без фактов, которых так не доставало ему. Да и в Департаменте должны понять, что он не теряет времени даром...

Лоэн смолчала.

– Что иначе? – иначе ты опять вцепишься мне в горло? – и он подмигнул одному из охранников. – Между прочим, у нас не семейная ссора, и ты разговариваешь с должностным лицом и к тому же с человеком, который лет на десять тебя старше. Ты обязана быть вежливой, крошка, не то я на тебя обижусь, – он явно потешался, этот псевдосерьёзный тон, ухмылка...

– Дурак! – отрезала Лоэн.

– О-о-о, братья правоверные, – засмеялся он, поворачиваясь к одному из охранников, – вот так всегда. Глен, – может, *ты* поговоришь с нею? Я уже не могу – ума, вишь, недостаточно, – он снова весело подмигнул охраннику, которого Лоэн запомнила. Он стоял, облокотившись на стену и скрестив руки на груди, с одной из них свешивалась тяжёлая резиновая дубинка. Скапатор обращался к охраннику, глядя на дубинку. Глен усмехнулся, но ничего не ответил на это двусмысленное обращение...

Терпения на этот раз у Лоэн хватило, чтобы ничего не сказать... Она только слегка поджала губы, а глаза у неё сузились и били холодным резким лучом в переносье скапатора.

«Как лезвия», – мелькнуло в голове Роя.

– Ну ладно, – сказал он, как будто простил Лоэн её дерзость, – сегодня я буду вежливый, не смотря ни на что. Правильно я говорю, Глен? – он опять обратился в сторону охранника. Но тот стоял, не отвечая, только чуть улыбнулся почти смущённо.

– Я не знал, что ты так невинна, что готова убить любого мужчину, заставшего тебя наедине с собственным телом, но теперь я знаю.., – а вот они – не знают. Но ты ведь не причинишь им вреда? – он явно нравился себе. В этой браваде Рой находил разгрузку тому напряжению, которое испытывал со вчерашнего дня, готовясь к дознанию.

Напоминание о той дикой сцене вызвало у Лоэн резкий приступ тошноты и, к тому же, её бросило в краску – ей показалось, что именно Глен, этот охранник, ударил её тогда, хотя она не могла видеть его, и ударил не он, а его напарник. Но то, что скапатор обращался именно к нему, могло означать, что бил он. Ярость подмывала её, но и сейчас она сдержалась.

– Короче, скапатор.

– Короче, примадонна, – он вдруг резко изменился в лице, и в голосе его уже не было никаких посторонних интонаций, – сегодня, надеюсь, ты в полном уме и здравии, у тебя было пять суток обдумать своё прошлое и настоящее. Или, может быть, проверимся ещё разок? – он снова как бы подобрел, лукаво глядя на неё. – Я, честно говоря, был не удовлетворён той экспертизой. И если бы я не доверял тем людям, с которыми работаю... Впрочем, это неважно...

Рой беспомощно старался переломить диалог в свою пользу – пока он «отстреливался», а это для ведущего дознание хуже всего. Всё было бы, конечно, гораздо проще, если бы Лоэн считалась предварительной заключённой. Тогда бы не пришлось «психологизировать» ситуацию, но она пока формально была «под домашним», и у неё было больше прав. Лоэн, однако, это было всё равно. Она вела себя так, как ей подсказывало её нутро.

... – Важно другое. Сейчас ты расскажешь мне всё по порядку, начиная со дня своего явления на этот свет, но об этом коротко – когда, где, кто произвёл тебя, и так далее. А то, что касается золота – очень подробно... Ну? – я весь во внимании...

Лоэн не могла сдержать ядовитой улыбки, слушая всё это.

– А ведь ты боишься, что я раздавлю твою морду коленом, ищейка, и правильно делаешь... Или ты мне скажешь, что с Джеральдом, или пошли все вон, – лицо её потемнело. – Я, кажется, ясно сказала?

От такой дерзости у Роя что-то клацнуло внутри, и от его напускной иронии не осталось и следа. Со стороны могло выглядеть так, что это его допрашивают... Это неслыханно! Никто никогда с ним так не говорил.

Скапатору показалось, что он с нею церемонится. Он явно преувеличил воздействие на Лоэн той «бойни» и вообще всей ситуации. Она по-прежнему прямо и бесстрашно смотрела на него. Она как будто всё это время, пока её не тревожили, только и занималась тем, что набирала в рот слюну, а вот теперь смачно плюнула ему в лицо... Рой чуть ли не растерялся, но быстро взял себя в руки. От унижения, которое он вдруг почувствовал, от дикой, едва скрываемой злобы он чуть не упал в обморок.

– Ладно, – сказал он чужим голосом. Я дам тебе ещё два часа на размышления. Но через два часа мы продолжим нашу интересную беседу.

Теперь уже Лоэн как будто добродушно и чуть ли не весело смотрела на него. Даже глаза её помягчили, в них заиграли искорки насмешливого любопытства. Она проводила всех троих взглядом. На сей раз скапатор не задержался в дверях, а рубанул воздух в дверном проёме своим забордовевшим лицом и быстро исчез. Только охранник – тот, второй, имени которого Лоэн не знала, и который был молчаливым статистом в этом действии, оглянулся, выходя, и тупо посмотрел на неё. Она ему подмигнула...

Рой вдруг почувствовал страшную неуверенность во всём, что он делает. Он на ходу бросил охранникам: «Через два часа на том же месте», – и заперся у себя в кабинете. Сейчас эти парни, не смотря на строжайший приказ не болтать, всё расскажут своим приятелям. Хотя он специально подбирал самых неболтливых... Рой почему-то думал сейчас об этом... Он, однако, быстро приходил в себя после любой встряски...

Когда приятели из охраны спросили Глена и его товарища «Ну как там?», Глен ответил: «Да никак!». «А где скапатор?» – «Сидит у себя, утирается». Приятели заржали. «Наш в харчке не утонет». «И в унитаза тоже», – закончил разговор Глен и пошёл по своим делам.

...За две недели он не добился от этой кошки ни одного вразумительного показания. Мало того, она продолжала наглеть, и чем дальше, тем больше. Его пробирала гневная дрожь, смешанная со стыдом за себя, с отвращением при каждом воспоминании только что происшедшей сцены. Мысли разбегались, он не мог поймать за хвост ни одну из них. Что это? Ещё, собственно, и не было дознания как такового, а он уже бессилен, он уже начал сомневаться... И вновь перед ним возникали глаза Лоэн, которые доставали до мозжечка своим упругим, холодным сиянием, безжалостным и бесстрашным. Он не мог признать власти этих глаз, его бросало в пот, сердце колотилось. Он не мог припомнить случая, чтобы хоть в какой-нибудь ситуации он оказался несостоятельным. А тут вдруг он не находил твёрдой опоры под ногами. Он ещё раз вспомнил то, что говорил ему Эйнбоу неделю назад, и у него мелькнула догадка... Черты лица его заострились, в глазах возникла злая решимость. Он знал, что в подобных ситуациях только экстраординарный поступок, выход за все рамки может его реабилитировать в собственных глазах.

Он ещё не придумал, что скажет ей и как поведёт себя через два часа в её комнате. Он стал разыгрывать различные варианты... Её поведение более, чем странно, а её глаза – это глаза сумасшедшей...

Скапатор отправил назад охранников, ожидавших его около двери в комнату, где содержали Лоэн, и они, уходя, недоумённо оглянулись. Рой уже скрылся в комнате и закрыл за собой дверь. «Странно», – подумал Глен и замедлил шаг. Что-то не отпускало его, он сказал своему напарнику: «Мне туда», – и пошёл в обратную сторону. Тот, ничего не говоря, скрылся за углом. А Глен, удостоверившись, что он один, стал расхаживать взад и вперёд около двери, за которой было пока тихо. Он ловил за этими дверями каждый шорох. В конце концов, оглядевшись, он чуть ли не прислонил ухо к дверному замку... Потом, испугавшись, что его застанут в такой неблагоприятной позиции, просто встал у самых дверей и насторожился...

Лоэн стояла у открытого окна и как-то горестно смотрела на красивые, ставшие вдруг резкими – под пасмурным небом, скрывшим только что солнечные лучи – очертания городских кварталов, крыш, парков, зданий.... Должен быть ливень – всё говорило за то, что он будет долгим, беспросветным. Дверь резко распахнулась, и она снова увидела скапатора, теперь уже одного, без охранников. Дурное предчувствие, беспокойство охватили её. «Сволочь», – мелькнуло у неё в голове.

Она отошла от окна и снова села на кровать, подогнув под себя ноги и набросив на них казённое покрывало. Она выжидающе смотрела на Роя Мелли, а он с противной ухмылкой – на неё. Его присутствие было нестерпимым, как боль от проворачивающегося в груди скальпеля, не приглушённая наркозом. Она была беззащитна, он же пришёл сюда с какой-то безумной целью.

– Помните, что вы скапатор, не позорьтесь! – даже с каким-то вызовом – от страха – проговорила она.

– Я твой чёрный ворон, падаль. А ну-ка ляжь, как полагается падали, на спину и раздвинь ноги... Ляжь! – я сказал! – рывкнул неожиданно он, и Лоэн вздрогнула так сильно, что её начало колотить, как от холода, и она собрала все свои силы, чтобы побороть страх. Ей показалось, что он сейчас бросится на неё, и она сделала инстинктивное движение, собираясь ухватиться за спинку кровати и забиться в угол. Она даже побелела.

– Что – испугалась, детка? – он вдруг успокоился, но глаза его блеснули, глядя на Лоэн.

Потом подошёл и сел рядом с нею на кровать. Лоэн забила в угол и уже смотрела на него с нескрываемым ужасом. А он, развалясь и кося на неё зрачками, продолжал всё с той же самодовольной и страшной ухмылкой:

– Чем я плох для тебя – а? – во всём, что он говорил, была гадость. – В общем-то, я пришёл сообщить тебе приятную новость. Я тебя люблю, – он хохотнул.

Вдруг он снова перестал ухмыляться, и – глянув на неё устрашающе – как рывкнет:

– Я люблю тебя, сука – поняла? Или нет?

У Лоэн онемели ноги, она хотела закричать и не могла – так дети во сне не могут закричать, онемев от кошмара, который им снится, и – просыпаются. Но здесь всё происходило наяву, и проснуться было невозможно. Лоэн до хруста в пальцах вцепилась в спинку кровати, а другой рукой, плохо слушающейся её, стала закрываться от Роя, её охватил мистический ужас, она поняла, что он может *всё, всё*. Она выдавливала из себя слова и стоны, а они не выходили, она напряглась до невозможности.

– М-ма-ама, пом-моги-те, – и тут у неё всё помутилось перед глазами, и в то же время спазмы отпустили её, и сейчас она бы завизжала, что есть силы, призывая на помощь. Однако у Роя была великолепная реакция. Он схватил её за волосы и зажал ей рот.

– Не вздумай орать, параша.

Он резким движением запрокинул её голову так, что Лоэн упала навзничь, ноги её упёрлись в спинку кровати. Она что есть силы начала брыкаться. Его лицо было перекошено злобой. Одной рукой он зажимал ей рот, а другой, отбиваясь от её рук, нанёс несколько ударов под дых, так что Лоэн потеряла координацию движений и не могла вздохнуть. Наконец, обе её руки ему удалось подsunуть ей же под спину и придавить всю её коленями сверху, она не могла шелохнуться. Её глаза дико и сумасшедшее горели. Он разжал ей рот, она едва могла дышать – не то, что кричать. Рой же фыркнул и стал, придавливая Лоэн коленями, приводить свою рубашку в порядок. Переведя дух, он взял обеими руками её голову, приподнял её, пригнув к своему бедру, насколько можно было, и процедил сквозь зубы:

– Сейчас ты извинишься передо мной, и будешь отвечать на мои вопросы. Или я отъезжу на тебе до конца, паскуда.

Лоэн задыхалась, какие-то бессвязные обрывки слов вылетали из её гортани. Она ещё пыталась высвободиться, но безуспешно.

– Ну! – угрожающе говорил он ей, потрясая её голову за волосы. – Считаю до трёх и расстёгиваю штаны.

Он улыбался...

В дверь постучали. Испугавшись, Рой соскочил с Лоэн. Стук повторился – более настойчиво. Лоэн завизжала, что есть силы, и не своим голосом стала кричать:

– Помогите!! Помогите!! А-а-а!!

Он замахнулся на неё. Она вскрикнула и на мгновение замолчала. В дверь стучали ещё более настойчиво. Рой грязно выругался и направился, было, к выходу. Но не успел он сделать и шага, как ощутил на себе всю тяжесть тела Лоэн, она драла его волосы и старалась выцарапать глаза. Он выскользнул и бросился к двери – она за ним, пытаясь вцепиться в горло, изрыгая нечленораздельные звуки. Безумная ярость вдруг перевернула её сознание, она уже ничего

не боялась. В эти секунды в Лоэн проснулась вдруг дьявольская сила, он не мог сбросить её с себя. Но он сознавал всё, был в полном рассудке, и стал кричать:

– На помощь! На помощь! И едва добравшись до тревожной кнопки на своей маленькой радиации, прилепленной сбоку на ремень, вызвал охрану. Пока люди «выскакивали» и пока открылась дверь, прошло не более полуминуты. Ворвавшиеся в комнату увидели жуткое зрелище. Рубаха Роя разорвана, лицо исцарапано в кровь, спина, грудь тоже – точно, как рысь подрала. Лоэн, отброшенная назад ударом, корчилась на полу у кровати и стонала.

– Боже мой! Это маньячка! – в голосе Роя слышалось сильное волнение. Все стояли ошеломлённые

В этот миг дальнейшая судьба Лоэн, казалось, была решена. Прибежал врач. Быстро окинув взглядом Роя, он, тем не менее, бросился к Лоэн. Её били судороги, изо рта у неё – не то кровь, не то пена. Потом её начало полоскать. Рвота не прекращалась минут десять, и, хотя «рвать» уже было нечем, спазмы продолжались. Она вряд ли заметила, что ей ввели ударную дозу снотворного и противорвотного. Она искусала себе губы...

В течение всей этой безобразной сцены мозг скапатора работал чётко. И в нём чётко прозвучало: «Ах ты тварь, и ты рыгаешь от меня, сука... Убью!».

Рой Мелли – очень привлекательный мужчина. Как от него можно рыгать?

...Скапатора мучил вопрос – кто постучал в дверь, когда, как ему казалось, он был близок к цели? Он пытался это выяснить косвенным опросом, но так и не нашёл стучавшего. Впрочем, это уже не имело значения, так как у него есть масса свидетелей того, что это она набросилась на него опять.

Снова Роя освидетельствовали на предмет «лёгких повреждений», взяли с него показания о том, что его вторично пытались задушить и ослепить. В том, что Лоэн – душевнобольная не сомневался уже никто. Однако заключение медицинской комиссии о том, что она полностью вменяема, тоже никто не мог отменить. Конечно же, говорил себе Рой, «я не собирался её насиловать». Он всего лишь хотел запугать, сломить её...

Сослуживцы, поголовно сочувствовавшие Рою, удивлялись, замечая на его лице победную ухмылку, но не придавали этому значения. Рой оказался в двойном выигрыше – и пострадавшим, и победителем. Вопрос о переводе подследственной в настоящую тюремную камеру решился сам собой. Под впечатлением всего этого он даже и думать забыл о том, что фактически совершил серьёзное должностное преступление, очень серьёзное. Но кто не рискует, тот недостоин власти – ведь так?

Однако никому и в голову не могло придти, что именно в этом заключается «экстраординарный поступок» Роя. К тому же сам он был склонен рассматривать это как психологическую войну против «дикой кошки». «Если бы она меня встретила так же, как за два часа до того, мне вновь бы пришлось отступить, – думал он, – и на деле пришлось бы ставить если и не точку, то очень длинное многоточие. А нет ничего хуже неопределённости». Он не испытывал страха или раскаяния. Вспоминая, он испытывал чуть ли не брезгливое удовольствие. Он опять себя немного «распускал», и не в силах противиться приливу крови, воображал, что было бы, если бы не какой-то идиот, начавший стучать в дверь. Огромные прекрасные глаза Лоэн, ослеплённые беспредельным ужасом, видел он в своей «порнографической» картинке, стоявшей перед внутренним взором. «Впрочем, нет, нет – об этом нельзя думать», – спохватывался он и старался отвлечь себя.

Всё обошлось как нельзя лучше, риск с лихвой себя оправдал. На душе у него было легко. Приятная «охотничья» тревога сделала его быстрым на подъём. Он испытал чувство «позёмки» под собой, какого-то взлёта, даже вдохновения. Он уже предвкушал, с каким козы-

рем он придёт к ней в следующий раз, и как она будет молить его о пощаде, и как, естественно, расколется.

Так думал Рой Мелли, и мысли его обращались к новым заботам, связанным с этим делом...

А для Лоэн испытания в этот день ещё не закончились. Пока продолжалось действие снотворного – десять часов, все протоколы были составлены, свидетельства собраны, приказ подписан... Не успела она очнуться, как трое дюжих молодцов и среди них Глен, и тот второй, подняли её с кровати и хотели вывести из комнаты. Она, вся «растерзанная», вдруг упёрлась, поняла, что её куда-то уводят.

– Я никуда не пойду, – сказала она.

Потом громче:

– Я никуда не пойду!

И, наконец, закричала:

– Я не пойду никуда-а-а!!

Стала кусаться, визжать, лягаться, вырываться. Глена она больно укусила в плечо. Они троём не могли с ней справиться... Наконец, один из них – тот, что всегда имел тупое выражение лица, тот самый напарник Глена, с которым он был сегодня у Лоэн и «охранял» Роя – ударил её кулаком под дых, а дубинкой – по голове, чтоб не церемониться, ну и в целях самозащиты. Она повисла у них на руках, и они поволокли её. За окнами была ночь.

– Можно было не бить, – хмуро сказал Глен.

– Можно было, – согласился его напарник, – если бы она не попала мне носком в пах.

Третий засмеялся...

Когда Лоэн очнулась, её глаза упёрлись в белую металлическую дверь, на которой было выведено чёрной краской: «Предварительное заключение». Её втащили в камеру, которая тоже была вся белая, и бросили на широкие нары, заправленные, впрочем, не хуже, чем её кровать в «домашнем аресте». Здесь, правда, не было шкафа, не было стульев, круглый металлический столик был привинчен к полу, и сама камера была совсем маленькой по сравнению с ее бывшей «кутузкой». Пол застлан мутно-белым, стены – такие же, окошка – нет. Только лампа напротив входной двери излучала яркий неестественный свет.

Лоэн совсем пришла в себя, когда клацнул затвор тяжелой железной двери. Она бросилась к ней и стала колотить ладонями, кричать..., она разбила себе руки в кровь и сорвала голос – прежде, чем не осела подле двери на пол и бессильно, бесслёзно не зарыдала. Безнадёжность и мрак окутали её. В камере погасили лампу. Только сквозь маленькое зарешеченное оконце в двери проникал неяркий муторный свет из тюремного коридора. Она привсталала на колени, впиалась пальцами в решётку окошечка и с тупым отчаянием, с мольбой в глазах смотрела в пустоту узкого пространства, доступного её взору...

...Когда напарники Глена строили пошлые догадки – в шутку – насчет «перин» в одиночной камере Лоэн, Глен совершенно серьёзно сказал:

– Если он действительно собрался устроить там лежбище, то я ручаюсь, что..., – тут он осёкся.

Его приятели расхохотались:

– Да ты в неё втрескался никак...

Глен прикусил язык.

Глава 9

«Секс подмешан во всё»

Рой мысленно отвёл себе ещё три дня, чтобы «додавить» эту «императорскую бабочку», и дал согласие одной из газет, которую сам выписывал, на подробное интервью – чтобы не было пути отступать назад. Новых фактов у него пока нет, но он чувствовал, что дело «подалось». Для того, чтобы все видели, как на дознании ведёт себя Лоэн, и «от греха подальше», он решил, что проведёт очередной допрос у себя в кабинете, в присутствии адвокатов и «спецов». Он полагал, что «публичность» теперь ему на руку. С её помощью он получит, наконец, железобетонное моральное превосходство, а Лоэн – окончательно дискредитирует. Да и желания оказаться вновь наедине с «дикой кошкой» у него пока нет. Он чего-то как будто боялся, чувствовал неуверенность – всё-таки, последняя «схватка» далась ему «переусилием». Это напоминало ему его детский страх перед матерью, что было не особенно приятно. Но это «не особенно приятно» пряталось в гуще других ощущений и ассоциаций.

Он подумал, что пришло время вновь связаться с доктором Эйнбоу, и запросил видеосвязь с ним на следующий вечер после «второй бойни».

Эйнбоу собирался провести этот вечер в клинике, «экспериментируя» с Джеральдом. Но, получив от Роя приглашение на видеосвязь, отложил это дело на утро и весь следующий день. Теперь он почти не отходил от Джеральда, хотя у него было много забот и с другими пациентами. Он по полночи просиживал над картограммами, которые получал в результате своих «опытов». Он, интуитивно нащупав верную, как ему думалось, «жилу», бросился на её разработку. Он привлёк группу математического обеспечения, подключил к «ведению больного» врачей других направлений. Дати оказывала ему неоценимые услуги... Создался своего рода небольшой «творческий союз» под руководством Филеала Эйнбоу. И это рвение нельзя было объяснить только стремлением «выслужиться» перед Департаментом полиции, как чесали некоторые языки. Он был вдохновлён идеей во что бы то ни стало вызволить этого человека – Джеральда – из странного состояния, а ещё больше он хотел понять причины, корни болезни. Он как-то даже перестал осознавать, что если «спящий проснётся», его тут же посадят в каталажку.

Его не смущало и то, что он столкнулся, возможно, с единичным случаем, а не «повторяющимся». Он, как истый учёный, вдохновлённый верой в неповторимую, уникальную природу человека, не заботился о том, станет ли эта работа основанием для какой-нибудь теории и будет ли иная польза от неё. Он испытывал чуть ли не собачью страсть, «вынюхивая» истоки болезни, и не гнушался, отвлекаясь от иных «нравственных канонов» и личности больного, использовать такой приём, как «сексо-моторная регуляция», что никому, кроме него, не пришлось бы в голову в такой же ситуации... Пусть, пусть... Но, возможно, он хоть на миллиметр, но приблизится к раскрытию великой тайны человека...

Он не видел ничего плохого в том, что «препарирует» Джеральда словно бактерию под микроскопом. «Всё это во благо, во благо», – приговаривал он, заставляя Дати «приставать» к Джеральду. Честно говоря, это доставляло Дати мало удовольствия, но, по совету доктора, она «включала воображение» «заставляла» себя быть искренней. «Иначе он не поверит, не поверит, – увещевал её Эйнбоу. – Ну представь, дорогая, что так выглядит твой пассия, только как бы прикорнувший от усталости, что он отвечает на твои ласки, но тебе, допустим, надо большего – поверь, что он живой. Поиграй, покапризничай с ним, как с живым, ты всё ещё не можешь отделаться от того, что это не человек, не мужчина, а нечто вроде растения, или тёплой куклы... Ну постарайся! Воображай всё, что хочешь, будь актрисой, моя милая!

Тогда эксперимент можно посчитать вполне чистым. Я уверен, что он чувствует твою неискренность, хотя и сидит, как мешок. Я убеждён в этом. От степени твоей сексуальности, как я полагаю, и зависит перемена функций на его картограммах... Ведь он откликается только на твой голос...».

И так далее. Дати старалась изо всех сил... А доктор бубнил про себя: «Секс – великое дело, секс – великое дело, он подмешан во всё, во всё, чтобы ни делал и ни думал человек». У Эйнбоу в голове постоянно крутилось: «Секс, или поло-ролевой апартеид – великая придумка... Всё происходит при взаимодействии и разделении двух полюсов – женского и мужского... Нет ни одного человеческого чувства или состояния, не соотносимого с этим великим противоречием... Это можно сказать и обо всём, что с человеком связано – экономика, искусство, история... Революция – что это, как не половой акт? Там, где рождается что-то новое, качественно новое, всегда нужно искать акт любви и соития, всегда мужское и женское начало... Это принцип Вселенной – будь то живая или неживая материя... Дати поможет мне его оживить... Или я полный профан... Секс – великое дело, секс – великое дело...»

– Доктор, – спросила его однажды Дати, – такое ли уж это великое дело? И вообще – вряд ли вы найдёте человека, который бы уделял ему хотя бы час в день.

Эйнбоу улыбнулся и послал ей воздушный поцелуй.

А Дати покачала головой, как мама, глядя на милую глупость своего малыша. Она верила Филеалу Эйнбоу и по-настоящему уважала его. В случае успеха она попросила его рассказать ей, каков ход его умозаключений, как искал и нашёл он единственно верное решение задачи. Ей было страшно интересно...

Джеральда стали регулярно брить, приодели... Однако он продолжал безучастно созерцать пространство, и в его глазах Дати не отражалась. Тем не менее, Эйнбоу упрямо делал картограммы, он видел в них импульсы, которых не было при «обычном» состоянии пациента. Особенно искажалась картина, когда Дати сидела у него на коленях, гладила по голове и говорила с ним нежным голосом. Правда, каждый новый раз эти импульсы не повторяли друг друга, но и Дати использовала всё новые и новые «аргументы». И «всплеск» импульсов – видел доктор – абсолютно обусловлен. Время «сеанса» определялось Джеральдом. Минут через двадцать-тридцать он как бы снова «засыпал» – тоже минут на двадцать-тридцать. Потом можно было начинать сначала. Однажды два дня подряд делали по двенадцать таких сеансов. Умотались. Дати показала чудеса игры.

– Тебе бы на сцену, – говорил ей Эйнбоу...

Он был доволен. Он видел, что на пятом и десятом сеансе импульсы достигали апогея силы и разнообразия. И, что самое интересное, новая загадка – пациент после этого не ложился на кровать, а ходил взад-вперёд с каким-то беспокойством на лице. В нём пробуждалась эмоциональность! – решил Эйнбоу. Только глаза – недвижные, как у слепого.

На третий день сеансов не было вообще – Эйнбоу дал возможность «отлежаться», полностью отключиться, отдохнуть своей бескорыстной помощнице, но с условием, что «с завтрашнего дня» они будут проводить по двенадцать сеансов в день в течение пяти суток, а сам углубился в изучение «добытых» фактов и наблюдал за «обычным поведением» пациента. Джеральд, казалось, «успокоился», пока не было Дати. Однако Эйнбоу явно чувствовал в нём перемену. И картограммы давали некоторые изменения в характерных деталях.

Ожидание связи с Роем Мелли выбило его из колеи, да он и устал, ему нужна была передышка. Он сидел дома и без особого интереса смотрел какую-то местную программу – до тех пор, пока экран не замельтешил и не стал ярко-зелёным. Раздалась любимая мелодия его жены – Рой Мелли выходил на связь. Эйнбоу дал подтверждение, и на экране появилось лицо скапатора, он сидел опять за своим рабочим столом в домашнем кабинете...

Не успев появиться на экране, Рой, в присущей ему деловой манере, начал задавать вопросы.

– Привет, доктор. Как там наш больной?

– Здравствуйте, здравствуйте. Да ничего, ничего... Существенного. Всё, как было, – Эйнбоу боялся спугнуть удачу, да и не хотелось ему говорить о первых признаках «пробуждения» «больного» как о чём-то определённом настолько, что можно было бы сообщить официальному лицу. – А как ваша подопечная?

Рой ухмыльнулся.

– Да как вам сказать? Вроде бы тоже всё по-прежнему.

– Значит, что-то произошло?

– Произойдёт. Я думаю. Не всё так безнадежно, как мне показалось вначале. Хотя... В общем, слушайте, док – почему бы вам не сделать кое-каких выводов и относительной моей... «пациентки»? – он усмехнулся вновь.

Эйнбоу заволновался.

– Я давно говорил вам, что способен оказать вам услуги по первому вашему звонку...

– Ну вот и хорошо, – перебил его скапатор. – Я бы хотел посвятить вас в некоторые наши департаментские тайны – для начала. Потом, если сработаемся, вы станете полноправным членом следственной комиссии.

– Для меня это почти что подарок, – улыбнулся Эйнбоу. – Вы просто не представляете, – он уже вполне доверял Рою, – как мне нужно поговорить с этой девушкой. Я почему-то думаю, что поставить на ноги моего больного можно будет гораздо быстрее с её помощью...

– О деталях после, уважаемый док. Стоит ли вам с нею собеседовать, мы ещё решим. Но вот возможность увидеть её во всей красе, как говорится, я вам предоставлю послезавтра утром.

– И вы тоже полагаете, что она необыкновенная, даже притом, что она вызывающе красива? – наивно поинтересовался «док».

– Какой там..., – махнув рукой и засмеявшись ответил Рой. – В общем, так. Я приглашаю вас на наш маленький «спектакль», который состоится послезавтра в одиннадцать утра в моём кабинете. Я не буду вам ни о чём рассказывать заранее, после наедине потолкуем о вещах, представляющих взаимный интерес... Вот вы мне лучше расскажите подробнее, как там ваш и будущий наш, я надеюсь, клиент – не журчит не пукает? – простите наш грубоватый жаргон, конечно – или, всё-таки, есть надежда?

На сей раз доктор испытывал симпатию к Рою – даже к его развязно-валяжной манере, он признавал в нём отчасти своего коллегу, им там в Департаменте тоже приходится иметь дело с отклонениями, но их работа грубее, жёстче, насажнее, может быть, и уж во всяком случае она представляется им – наверняка – не менее безнадежной при начале каждого нового дела. Он старался теперь подчеркнуть своё уважение к Рою, а в его лице и всему Департаменту полиции.

– У меня от вас нет секретов. Я сначала сказал уже, что изменений практически никаких, – Рой насторожился, – практически. Но в последние дни мне удалось добиться от пациента кое-чего – правда, я не знаю, можно ли это квалифицировать как успех и объявлять себя заранее победителем. Чёрт его знает. В нашем деле всё так зыбко. Но мне кажется, я на верном пути. Может быть, недели через три, если всё так пойдёт, мы и приведём его в чувство... Не знаю... А может быть, и нет. Слишком глубокий, мне кажется, провал...

– Ладно, док, – я вас не тороплю. Я верю в ваш профессионализм. И если сам Эйнбоу говорит, что кое-чего ему удалось добиться, значит это «кое-чего» стоит многого. Я уверен в вас, и даже жалею немного, что сразу не привлёк вас к этому делу...

– Вы мне льстите.

– Нет-нет. Я ещё раз прошу извинить меня за вынужденную резкость по отношению к вам – я был так взбудоражен тем, как это всё начиналось. И к тому же один человек – на кото-

рого я надеялся – можно сказать, чуть не испортил всё дело... А сейчас я просто огляделся и вижу, что вёл себя по-дурацки...

– Ну что вы, Рой, я нисколько не в обиде на вас. Я, можно сказать, с трепетом отношусь к людям вашей профессии и глубоко уважаю их.

Рой заулыбался.

– Ну вот, док, мы начинаем уже любезничать, а я этого в себе не терплю. Жду вас послезавтра у себя на работе в одиннадцать ноль-ноль. Лады?

– Лады..., – доктор улыбнулся было в ответ, но экран уже замельтешил, и на нём вновь показались фигуры ведущих местного телевидения. Доктор погасил экран и отправился на половину жены...

Следующий день Рой решил посвятить отдыху и некоторым домашним делам. Он до сих пор жил один и, в общем-то, не собирался пока делить свою судьбу с кем-нибудь из женщин. У него было прочное мировоззрение на сей счет. Ему было за тридцать, и он собирался ещё несколько лет «не торопиться», любя свою свободу и не терпя «вмешательства извне». Ему хватало тех развлечений, которые город, где в основном жили люди молодые и куда переселялись тоже нестарые, мог ему предоставить. У него видная осанка, решительное мужское лицо офицера полиции, выверенные жесты – выправка, словом. Его многие знали, и он немало уже сделал для города. Ему в заслугу ставили, что он смело и бескомпромиссно взялся – совместно с властями – за наведение порядка в строительстве жилых домов. А порядка в нём не было никакого. Растраты, махинации, сговоры цвели – на фоне острого спроса – цветами разнообразной красоты и пышности. Люди постоянно прибывали в федерат, в сам город, чтобы освоить их, и все искали «хорошей жизни» как можно более сразу. Нестабильность, чехарда в распределении средств, земли, самих домов и квартир, спекуляция и теневые сделки – всей этой анархии был положен конец. И первой скрипкой со стороны полиции здесь был Рой. Только на штрафах и конфискации он «заработал» для города три миллиона (при бюджете в тридцать), которые тут же пошли на приобретение стройматериалов, которых не хватало катастрофически. Но главный эффект, которого Рой добился вместе с друзьями и единомышленниками из полиции, правительства и законодательной палаты заключался в том, что резко снизилось социальное напряжение, люди успокоились, получив гарантии и перспективу, чётко очерченную. Всего за два года он приобрёл определённое имя, пресса была к нему благожелательна и даже следила за его личной жизнью, глупо радуясь, видя Роя в компании с красивыми «президентками» на его дом и судьбу. Волны симпатии льнули к Рою, и девушки на него заглядывались.

...Легко позавтракав, он с особым наслаждением выпил чашку крепкого чая, включил ритмичную, полную светлых интонаций музыку. Свежий, не успевший стать душным, влажный утренний воздух с «прожилками» уличных ароматов свободно «входил» в его гостиную через открытое окно, рождая ощущение праздника, который вот-вот начнётся. Хотя праздника никакого не предвиделось, просто можно весь день и вечер и, может статься, ночь провести беззаботно, приятно. Нужно написать ещё на родину – матери. Это тоже было приятно. Рой любил писать мамаше. С нею он мог быть и откровенен, и капризен, и несерьёзен – словом, чувствовал себя в «своей тарелке», представлял, как отреагирует она на каждое его слово, суждение, шутку. Мать не уставала восхищаться сыном. Благодаря ей об успехах Роя узнал весь их городок. По местному видеоканалу показали даже небольшой фильм о нём – в рубрике «Личность», рассчитанную на подростков. В нём даже цитировались письма Роя к матери. Рой иронизировал над своей популярностью на далёкой родине. У него рождалось хоть и мстительное, но приятное чувство: ведь он уехал оттуда, совершенно разочарованный обыденностью, склочным равнодушием к нему людей, знавших его с детства, но не понимавших, не ценивших...

Сегодня ему было, что написать матери. Он даже хотел спросить совета у неё по поводу Лоэн. Он сел у открытого окна за небольшой складной столик и начал выводить на мониторе: «Здравствуй, ненаглядная»...

Закурлыкал «интимный» телефон – его номер он давал только женщинам, а также мать имела привилегию по нему звонить, почему-то. «Ну вот, – подумал Рой, – легка на помине – наверное, мама». Он взял трубку.

– Рой, это я.

Это была не мать. Звонила Лега – девушка, с которой он был знаком уже месяца два, гораздо дольше, чем с другими.

Он решил, уже было, с нею порвать, так как она – ему показалось – «что-то от него хочет». Сегодня он собирался «погулять» в музыкальном клубе, и если повезёт, привести домой какую-нибудь «румянку». Так он называл молоденьких девушек, почти девочек, неопытных в любви. Ему нравилось любить их грубо, он вообще с ними не считался, они уходили от него с ощущением того, что их насиловали с их согласия. Он недолюбливал «опытных», называя их «мадоннами», они его – тоже, быстро теряли к нему интерес. Они требовали подхода и даже навязывали свой секс, чего Рой не терпел. В постели диктовать мог только он. В целом Рой казался женской половине – в процессе флирта – истинным мужчиной, от которого веяло уверенностью и лёгким пренебрежением, что иные дамы ценят больше сантиментов с комплиментами, поскольку добиться интереса такого мужчины считается признаком силы женского обаяния. И девушки шли к нему в постель – не то, чтобы косяком, но шли. Их наверняка где-то там любили нежные юноши, пишущие им стихи, а они уходили в ночь с Роем. Что тут поделаешь? Правда, все эти романы быстро заканчивались, с потерей всякого интереса – с обеих сторон. Рой считал, что это он меняет их, как перчатки. А они, наверное, что они. Неизвестно, впрочем, что считали «они», так как ни одна потом ему не перезванивала. И он – ни одной.

Лега не укладывалась во все его «категории», что раздражало Роя, он не любил явлений, которые не поддавались классификации. Лега бывала и безропотна, и строптива, и вместе им бывало хорошо. Правда при этом он должен был всё равно – хоть немножко, но «помогать» ей, «доводить». В конце концов, он решил «доконать» её, добиться над ней полного доминирования. Но тут Лега не поддалась, и он ушёл с «пощёчиной». И хотя он и решил, что с него хватит, но остался недоволен собой, с чувством не доведенного до конца дела. Это ощущение «лёгкой несостоятельности» не давало ему успокоиться и забыть Легу. Но он решил про себя: «Не заикливайся». Он старался её забыть. Но она позвонила...

– Ты всё ещё сердишься на меня? Пожалуйста, не придавай этому всему большого значения.

– Я и не придаю, – холодно ответил ей Рой.

– Я почему-то испугалась, что мы больше не встретимся. Но ждала, что ты позвонишь. Почему ты никогда не позвонишь первым?

– А зачем? – почти насмешливо спросил Рой.

На том конце «провода» – замешательство.

– Знаю, – сказала Лега, – что ты злишься. Мне почему-то грустно было все эти дни. Я хочу побыть с тобой. Просто побыть. Давай съездим куда-нибудь.

Рой криво усмехнулся.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Я не знаю, что на него ответить. Я не знаю, зачем это всё нужно. Но я бы очень хотела побыть с тобой. Просто побыть. Ведь ты ничего не знаешь обо мне. И я о тебе – тоже. Ты расскажешь мне о себе? О своём детстве... А я – о своём... Не смейся, пожалуйста... Хочешь, поедem за город – на озеро? Возьмём лодку, ты увезешь нас на какой-нибудь островок, разведём костёр, я еду прихвачу... Посидим – хоть до утра...

– У меня завтра работа, ночью надо выспаться, – в голосе Роя не было оттепели или сомнения, в нём оставалась насмешка. Только теперь провоцирующая. Ему хотелось, чтобы его уговаривали.

Лега, воспринявшая это как колебания, ухватила за свою мысль.

– Знаешь, все говорят, что на островах сейчас здорово – убрали весь хлам, можно даже на ночь снять небольшой домик. Так что костёр – совсем необязательно, это я так.

«Погода отличная, на озере будет не жарко, в домике – не холодно, – подумал Рой, – да не так уж и важно, кто будет рядом. Эта или другая. Эта сегодня податлива. Но, чтобы не показать виду, что его быстро уломали, он ответил:

– Мотаться весь вечер, чтобы перетолкаться у костра – да я лучше схожу на допрос к своей красивой кошке, это гораздо увлекательней, – он хмыкнул, и почти с удовольствием ждал её реакции на эти слова, её просящей интонации.

Лега и вправду стала говорить так, будто её незаслуженно обидели. Ей бы в этот момент бросить трубку... Но она не захотела остаться униженной дурочкой, уж коли сама позвонила. И она продолжила:

– Ну, можешь отвезти нас куда-нибудь сам, только не в городе...

– Ладно, посмотрим, – смилостивился Рой.

То, что она предлагала, было поводом куда-нибудь себя деть не без пользы. И сказал:

– Отдыхать, так отдыхать, – только бери эти хлопоты с домиком на себя...

– Хорошо, – согласилась Лега. – Ты правда хочешь побыть со мной?..

Рой с некоторой неприязненностью прервал её:

– Мы едем с тобой отдыхать, а не выяснять отношения – так?

– Да, да! – обрадовалась Лега. – Я обещаю, тебе будет хорошо со мной. Вот увидишь, я совсем не такая, как ты думаешь.

«Ну вот и здорово, – подумал Рой, – ночь, по крайней мере, даром не пройдёт».

Потом они ещё поболтали минут пять. Лега, со слов своих знакомых, пересказала, какие невероятные домыслы ходят в городе о деле, которым занимается Рой. У него мелькнуло: «Ну вот, время, кажется, наступает. Ещё чуть-чуть, и толпа будет готова воспринять любую версию, исходящую от меня, как истину в последней инстанции».

Потом Лега спросила его:

– Рой, ты говоришь об этой Лоэн, над которой тебя поставили дознавателем? Она что – и вправду так красива? Ты никогда ни об одной из женщин не говорил, что она красива. Даже обо мне.

– Даже. Почему даже?..

– Но ведь... – она как-то грустно, обречённо вздохнула, и этот вздох был отчётливо слышен.

Рой снова заговорил, иронизируя:

– Может быть, там и поженимся в домике? Я назову тебя «единственной», «дорогой», «любимой», «красивой» – верней, «самой красивой», – так, кажется, должен думать жених о невесте?.. А ещё жена должна ревновать мужа к любой потаскушке из полицейского «погреба», с которой он имеет дело. О-го-го!

– Рой, ты ведь знаешь, что я так, в шутку, – растерянно отвечала она.

– И я тоже. Только почему ты не смеёшься?

Лега виновато засмеялась.

Они договорились о встрече, и Рой снова принялся за письмо к матери. Потом он долго сидел в кресле и думал о предстоящем допросе. «На этот раз она не уйдёт», – сказал он себе.

...Лега уже поджидала у его дома. Они сели в её машину и поехали «убивать время» Роя. Вечер и ночь они провели так, как обещала Лега. Она была абсолютно безропотна, старалась его ублажить во всём, и Рой сполна получил все свои удовольствия. Рано утром она привезла его домой. И уехала, ничего не сказав на прощанье. Они расстались молча. У Роя «стрельнуло»: «Всё, больше она не позвонит... Ну, и...». Она ему больше не нужна тоже. А время он провёл хорошо, как хотел... «И чего ей от меня было нужно?».

Он так её и не «классифицировал». И если бы он захотел ответить на свой же вопрос, то мог бы ответить так: «Она искала мою душу, а не утех».

Хотя нет – не мог бы. Слишком вольное допущение...

Рой словно бы подводил черту – подо всем, что его хоть как-то с кем-то связывало помимо службы. А служба теперь сошлась в одной точке – на допросе Лоэн, на «публичном», на котором он её и добьёт – с помощью Эйнбоу. «Этот чудака только предполагает, что она – маг, гипнотизёр, а мы будем этим располагать», – улыбался он. И собирался убить двух зайцев: во-первых, у него будет версия, которую можно озвучить прессе, и неважно, что скажет «дикая кошка», и во-вторых, Лоэн окажется в его полной власти, и он что захочет, то с ней и сделает – чтобы «расколоть». «Чародейка – надо же! Сумасшедшая... Кто захочет с тобою связываться ещё, кроме меня?».

Глава 10

В погребё

...В глазах Лоэн возникали и лопались какие-то радужные круги, сыпались в пустоту созвездия, высекаемые страшной болью в голове, которую она не замечала... Рыдания, подступившие к её горлу и охватившие его мёртвой петлёй, не могли породить отрезвляющих слёз. По её щекам из глаз изредка стекали тяжёлые вязкие капли, которые жгли словно расплавленное серебро. Пальцы, вцепившиеся в решётку дверного оконца, да и всё тело, свело судорогой.

Сколько прошло времени с тех пор, как её бросили здесь? Может быть, полчаса, а может быть, и вся ночь. В пустом просвете подземного коридора не было никого и ничего, что бы могло хоть на секунду отвлечь её, спасти нечаянным упреком её мучителей. Это был конец надежде, начало тьмы. Безумие набросило на голову Лоэн своё лёгкое чёрное покрывало. Она потеряла себя. Это была уже не она. Ничего не было под нею. Она летела, летела... Падала вниз с высоты мутного неба на какие-то остро-блестящие, «умытые» сверканием лезвия, которые были сделаны в виде огромных кривых сабель. Она была в тонких, почти неосязаемых чёрных трико, которые – она успевала сообразить – не спасут её от холодного, режущего надвое удара между ног. Тело не слушалось, крик не мог вырваться из её горла, но оглушал «изнутри», она кричала «в себе», и – в миг соприкосновения с безжалостной сталью – у неё разрывалось сердце, и крик – будто он из ложного хрусталя – рассыпался не незвонкие рваные осколки. И она плыла, плыла из черноты, подмываемая какой-то потусторонней тягой. Она хотела взлететь, и взлетала под потолок комнаты-камеры, лёжа спиной на пустом пространстве. Её подмывало вверх, вверх, всё ближе к дыре с разодранными краями, что зияла в потолке, и были уже видны звёзды на небе, и жуть исходила от них, и она упиралась руками и ногами, чтобы не «втянула» её эта дыра, эта гибельная воронка... Но могильный сквозняк подхватывал её невесомое тело, как бумажку, и тишина пустого пространства наваливалась на неё страшной безликой тяжестью, разрывала её, и лопались, лопались радужные электрические кольца...

Охранник, совершавший обход «кладовок» Департамента – так на профессиональном жаргоне назывались «помещения для предварительной изоляции», – щёлкнул замком и попытался открыть дверь в «кладовку», она открывалась вовнутрь. Однако прямо под дверью лежал не то мешок, не то человек. Охранник испугался. Дверь не подавалась вперёд. Глянув в оконце, он смог увидеть только руку, откинутую ладонью вверх с безжизненными полусогнутыми пальцами.

– Этого мне ещё не хватало, – пробормотал он с досадой и страхом. Он решил было, что заключённая под номером семь «сковырнулась», то есть покончила с собой или умерла. Он должен был бы «посматривать» за нею в течение ночи, для этого в каждой камере был незаметно вмонтирован «видеоглаз», который позволял, не выходя из дежурки, видеть всё, что творится в каждой из тридцати «кладовок», имевшихся в «погребё», то есть (на жаргоне) в подземном узилище. Однако дежуривший в эту ночь охранник – как, впрочем, и другие его коллеги – часто пренебрегал этой обязанностью. Он вообще провёл ночь в других заботах, скучно ведь сидеть одному, как истукану, когда тебе двадцать пять...

В конце концов, он, сдвинув тело дверью, протиснулся в камеру. И увидел девушку, лежащую в неестественной позе: ноги согнуты в коленях и «нараскоряку», ступни вывернуты, глаза полуоткрыты, но совершенно неживые, на губах запеклась слюна, смешанная с кровью искусанных губ – видно, как она стекала с уголка рта, голова запрокинута, волосы размётаны по полу – словом, всё говорило о том, что заключённая отдала душу, что она, видимо, колотилась в дверь, но никто её не услышал.

Страх от неожиданности сменился страхом вины. Он резко присел к её «раскиданному» телу, стал щупать пульс, приложил ухо к груди. Он быстро понял, что она жива, дышит, тёплая. Камень свалился с его плеч, он вздохнул. Потом уже спокойно оглядел её с головы до ног. Она произвела на него впечатление... Однако он, опомнившись, хотя и с засевшим в затылке дурным чувством, подхватил её под мышки, и поволок на нары-кровать. Она была без сознания. Сначала положив её плечи и голову, он потом, взяв в кольцо её колени, взвалил на хорошо и мягко выстланное «лежбище» «всё остальное». Она слабо застонала. Он стал трясти её за подбородок. Её зрачки закатились под веки. Ему стало не по себе. Он снова припал ухом к её груди. «Глушители будь здоров», – подумал он про себя, с трудом улавливая дыхание и стук сердца под высокой грудью Лоэн. «Чёрт побери, что же делать?» – размышлял он, поднявшись на ноги и смотря на неё сверху вниз. Он так довольно долго на неё смотрел, и грязные мысли неудержимо лезли ему в голову. Он покраснел, хотя никто не видел его. Потом, зажмурив глаза, потряс головой, резко повернулся и пошёл прочь. «Таким бабам, как эта, – подумал он про Лоэн, – нельзя находиться в незащищенных позах. Не жалость к ним испытываешь, а животное позывы, потом сам себе противен». И – он выполнил свой долг, хотя и с опозданием.

Лоэн оказали медицинскую помощь, и она медленно, с трудом, но пришла в сознание. Она стала видеть, слышать, но была как оглушённая. Впрочем, её скоро оставили одну. В её камере теперь был день – горела лампа, от противного света которой Лоэн бессознательно жмурилась, отворачивалась, но взор её падал на роковую дверь, оконце которой было теперь тёмным, за дверью свет оставался тусклым, матовым. А здесь – ярким из-за белых стен, неживым, давящим...

Щёлкнул дверной замок, Лоэн вздрогнула, и, так как дверь некоторое время не впускала того, кто был за нею, Лоэн затряслась мелкой дрожью – от страха. Она страшно боялась этой двери. Словно живое существо, эта дверь подчинялась только самой себе – как собака, она могла наброситься, а могла и оставаться спокойной, недвижимой, но – зорко следящей. И она боялась думать дальше в эту сторону, ведь у собаки был свой хозяин – единственный, кому та подчинялась беспрекословно. И, кажется, отношение хозяина к Лоэн передалось этой «собаке». Она чавкала на неё, гремела цепью – а Лоэн была в пределах досягаемости этой цепи, вывешивала язык и часто дышала, кося злым глазом, который не светился, а поглощал, поглощал... Наплывала тошнота, стены переворачивались, подкатывало беспамятство... Потом, когда Лоэн открывала глаза, она видела только миски с пищей на столике, ввинченном в пол и оттого казавшимся холодным, как труп. Ей становилось ужасно, лоб покрывался испариной от одной мысли, что она прикоснётся своей мягкой горячей рукой к трупной поверхности металлического столика, на котором дымились – с чудовищной неестественностью – тарелка. Потом эти мысли исчезали, и столик становился ближе, роднее. Как будто детский стульчик. У неё был в детстве любимый стульчик, на котором она сидела. Она вспоминала – ощущением, – что сначала, когда она садилась на него, он был холодным, а потом, если она отлучалась на минуту и садилась снова, он был тёплым, «насиженным». И поток тёплых, бессвязных ассоциаций, делавших её маленькой девочкой, уносил её, укачивал..., она глупо улыбалась.

...Но замок вот-вот должен неминуемо щёлкнуть. Она уже слышала шаги Хозяина – задолго до того, как он подходил к страшной двери. Сейчас он спустит её с цепи, и она будет лязгать, кромсая тело и квася лицо своими железными зубьями. Она сжималась в комок от бес сильного ужаса, и ждала, что вот сейчас, через секунду, она увидит свою Смерть, грубо торжествующей над её маленькой жизнью. И всё-таки – до самого-самого конца она верит в чудо, верит, что на сей раз Хозяин пройдёт мимо и забудет про неё.

Но вот – щёлк-щёлк! – дверь отворяется..., на пороге *ОН, ОН...*

– Мма-мм-а-а-а!! А-а-а!!! – Лоэн дико визжит. – Нне-ет! Не-ет!! Не-е-е-ет!!!

Истерический визг заглушает всё, она не слышит, что ей говорят, кричат, шаг ей навстречу – она назад, вот она вскакивает на постели, чтобы ринуться в дальний угол, как будто там ей спасенье... Человек стоит перед ней в растерянности. Вдруг она замолкает, замирает на мгновение. Только что перед нею стоял *ОН* – в своей тёмно-зелёной форменной рубашке с коротким рукавом, но нет, это кто-то другой. Его губы шевелятся, она ничего не слышит. Осторожно приседает, не веря этому незнакомцу, готовая в каждый момент сорваться и – с разбегу в стену, вжаться в неё, разбиться об неё. Но человек уходит, оставляя что-то на столике. «Это еда, это есть», – бессмысленно твердит она про себя, шевеля губами. Потом она тихонько, так чтоб не спугнуть никого (её комната наполнена живыми сущностями), подходит к столику, волоча за собой одеяло, и накрывает им столик, и еду, оставленную на нём. И стоит долго со скорбным выражением, жалея как будто умершего. Потом она благоговейно снимает одеяло и – словно поражённая чем-то – смотрит в тарелку, в одну точку, как будто ничего, ничего не понимает... Потом садится на кровать, складывает себе на колени одеяло и долго-долго сидит с застывшей на лице мыслью – какой?..

В таком состоянии Лоэн находилась почти весь день. За ней наблюдали. Потом она уснула, сражённая нечеловеческой усталостью, которая тяжёлым коллоидом разлилась по рукам, ногам, голове, сердцу...

Рой Мелли в этот день отдыхал, и потому «наверх» не докладывали. Лоэн сделали несколько уколов, «ввели» питание, она спала неестественно крепким сном. «Сон – великий чудотворец, – сказал тюремный врач, – но если завтра продолжится то же самое, боюсь, для скапатора все беседы с нею потеряют смысл». Решено было наблюдать за Лоэн всю ночь...

Во сне она неожиданно начинала тяжело дышать, стонать, ворочаться, как будто выпутывалась из тенет, туго и в беспорядке опутавших её, стонала – от напряжения, как будто совершала непосильную работу, доставлявшую ей муку и боль. Потом также неожиданно её дыхание становилось чуть заметным...

Ей снились какие-то беспорядочные сны – то нестерпимо яркие, то жутковато серые, бесцветные. То она сидела абсолютно голая перед безликой, жадно-равнодушной толпой на холодном столике, ввинченном в помост, и ела, давясь, безвкусные котлеты – зеленоватые, никак не пахнущие, и смотрела почему-то в одну точку – в море людских глаз. И вдруг понимала, что она видит маленького мальчика, улыбающегося легко, с чувством превосходства, даже какого-то беззлобно-неехидного – она узнавала Марека. Он был толстый, манишка у него – чисто отглаженная, костюм чёрный, строгий. Она думала – Боже, зачем же я сижу голая перед таким маленьким мальчиком? Что обо мне подумают эти люди? А котлет было много, больше одиннадцати (почему одиннадцати?), и они всё прибывали, прибывали – неизвестно откуда. А она дала обет своей маме, что съест, съест всё... Но это не в силах её... Холодно... «Как же я могу, – мелькает в мозгу, – зачем я вся разделась, ведь могла же одеться?». Тошнота неотступно выталкивает зелёные куски котлет из горла, она набита этой гадостью, а все начинают недобро улыбаться – чего-то ждут, ждут...

Она начинает ворочаться во сне, наконец инстинктивно находит позу, где мутные сны покидают её... Тогда ей начинает сниться, что она плывёт, чуть не тонет в какой-то розово-лиловой каше – вязкой, затягивающей, стремится к берегу. Но ей мешают большие картонные кубы, полые внутри, громоздящиеся на реке, обгоняющие её по течению, загораживающие перспективу, она теряет направление и бессмысленно барахтается, лишь бы не уйти с головой в это месиво. А кубы несутся с огромной скоростью, стучат её по голове своими острыми углами, и она не может ухватиться за их бока, царапает ногтями по гладкому картону, и её всю перетряхивает от омерзения, от этого звука. А на кубах – аппликации, рисунки из мультфильмов...

тяшек – вампиры, слоновьи морды, которые издали надвигаются, надвигаются... И вот эти морды уже так близко, что уже кажутся живыми, вот они шевелятся, разевают пасти – Лоэн вскрикивает, раскрывает глаза, мечется по постели, и сон кованой лапой вновь придавливает её голову к подушке...

Потом вдруг наступает какой-то провал. Ей снова становится зябко... Ику – старейшина племени Чатера, мудрый и немногословный, подошёл к Лоэн и взял её за руку. На лице его скорбь, молчание. «Что с ним?» – пугается Лоэн. «Пойдём, девочка, он там», – говорит он глазами, но его голос звучит в её голове. Она идёт за ним, и своей рукой ощущает его руку – тяжёлую, огрубевшую, но пропитанную такой нежностью к ней и таким горем за неё. Потом она вдруг понимает, куда они идут, освобождает свою руку, ускоряет шаг, потом бежит, бежит, не чувствуя ног, и – останавливается. Перед ней Джеральд, у него землистое лицо, сильно постаревшее, волосы полуседые. Он сидит на корточках, на краю братской могилы, которую только что вырыли. На другой стороне ямы – куча сырой, тяжёлой глины, в ней торчат старые, ржавые лопаты – одна прямо, другая почти лежит. Пахнет холодной землёй, пасмурно, осеннее небо, разбухшее от серых, посторонних всему облаков. «Они уже там», – говорит Джеральд, и показывает глазами в могилу. Лоэн глядит туда и видит три тела, завернутые в саваны – как пеленают детей – по местному обычаю, только ступни торчат в погребальных мокасинах, а на них глина – как будто сами они пришли и легли сюда, и головы в обрамлении чёрных волос. Один из них Уано, молодой вождь, внук старого Ику, его лицо строго и красиво, тонкий нос устремлён в небо, лицо чистое, смуглое – не как у покойника. «Какой он молодой по сравнению с Джеральдом», – думает Лоэн... «Быстро же он умер», – почему-то говорит она... «Джеральд, – она жалобно просит, – пойдём отсюда». «Нет, – отвечает он, и лицо его становится суровей, – моё место здесь». И он показывает в сторону открытой могилы, глядя ей прямо в глаза. «А ты – жена скапатора», – каждое его слово легло на мозг чистым, почти осязаемым рисунком...

Кожа её вмиг покрылась колющей сеткой. Она почувствовала, что у неё за спиной уже не старый Ику – её ангел-хранитель, а кто-то другой... Всё у неё вдруг стало мягким и тяжёлым, как мокрая вата, она покрылась липким потом, словно её окунули в прохладное глицериновое масло, она обернулась... «О-о!» – вырвался из неё болезненный стон, – за её спиной стоял *ОН* – огромный, с самодовольной ухмылкой, холодными, как глина из вырытой могилы, глазами... Сердце вдруг превратилось в камень, и застряло у неё в груди.

– Не-е-е-е-ет!! Не-е-е-е-ет!!!

Крик, начинённый смертью, как взрывчаткой, вопреки всему разорвался в воздухе, вокруг неё, оглушил её самое, всё вдруг закричало её голосом, а она едва шевелила посиневшими губами...

Лоэн проснулась от собственного крика, простыни прилипли к её телу, короткое лёгкое зелёное платье, в котором её приволокли сюда и в котором она спала, было насквозь мокрое... В глаза ударил яркий свет... Она уже открыла глаза, но ещё кричала, пока, наконец, не поняла, что это кричит она. В камере были люди.

– Что с вами? Что с вами?

– Нет, нет, – едва лепетала Лоэн, – она всё ещё по инерции не могла выговаривать другие слова. Зубы её стучали. Наконец, она выговорила неслушающимися губами:

– М-мне... при-снилось. Пр-о-стите меня...

Она смотрела на них затравлено.

– Она пришла в себя! – прозвучал чей-то громкий, торжествующий голос. – Ура! Все уходим. Необходимо оставить её в покое. И принесите ей хороший завтрак и чашку крепчайшего горячего кофе! Хотя это и не положено, знаю.

Человек в штатском обращался к человеку в форме. Потом он обратился к Лоэн:

– А вы спите, милая, спите. Сон вам будет полезен. Спите, спите.., – говорил он, уже уходя, – боком двигаясь к выходу.

Они вышли, и снова наступила полная тишина. Лоэн, ещё не совсем успевшая разобраться, что явь, а что сон, села на кровати. Спину и шею ломило. Это помогло ей быстро осознать реальность...

Глава 11

В преддверии

Ночью, лёжа в постели с Ресджи, своей женой – она уже спала, – доктор думал о другой женщине. Он ярко, до деталей, вспоминал первую и единственную пока встречу с Лоэн, когда она привезла Джеральда в клинику. Она была так красива, что именно это бросилось ему в глаза в первую очередь. И потом даже мешало сосредоточиться на больном. Он, пожалуй, сопереживал её беспокойству за него, ещё не успев проникнуться собственным беспокойством за будущего пациента. «Это не было безответственно, – думал сейчас Эйнбоу, – что я в первый же миг проникся её страданием, её чувством. Разве это не помогло мне быстро сориентироваться? Ради его же пользы». «Почему, – думал Эйнбоу, – красивая женщина мгновенно заставляет сопереживать себе, а вот, чтобы проникнуться „болями“ некрасивой, необходимы какие-то усилия – во всяком случае, время. Время, чтобы „вжиться“, переступить через отсутствие привлекательности, „поднять“ в себе человеческое сопереживание без примеси эротического начала? Не потому ли, что всё красивое уже *заранее* оделено нашим сочувствием и застит нам истинный смысл, истинный свет, который идёт изнутри, из-под оболочки. Почему красивому мы верим сразу, а некрасивому нет? Почему я сразу не мог *почувствовать* в этой Лоэн преступление, грязь?..».

Был дождь – первый после долгой суши, измотавшей психику, выпившей бодрость. Долгожданный ливень. Страшная тревога – во всех её движениях, мимике, страх, молящие глаза, обращённые к нему, к доктору. А глаза-то! В них что-то чуть не сверхъестественное, противоестественное, почти забытое. Кажется, что они светились бы и в полной тьме. Такие глаза, да ещё при такой внешности... – ей можно только поклоняться, а любить – страшно. Словно разбежался, чтобы перепрыгнуть с одного края пропасти на другой, и не допрыгнул – такое предощущение. Мученические слёзы, когда этого Джеральда увозили на каталке от неё, лицо потемневшее. В волосах застряли кое-где крупные капли дождя – успели упасть, запутаться там, пока из машины дошла под козырёк крыльца. Пахнет смятенной чистотой, мокрым асфальтом, разлукой. И так жалко чего-то... «Да, чуть не влюбился, – размышлял доктор, – и, наверное, мог бы, не будь Ресджи, дочери. Но это мимолётное, недоступное, хотя и навсегда». Он с благодарностью ощущал нежное, горячее тело Ресджи, повернувшейся к нему спиной и сладко спавшей. Мысли его обращались к предметам возвышенным и были пронизаны её теплом. Всё уживалось в какой-то лирической гармонии, чуть диссонированной элементом ностальгии, сомнения, холодком завтрашней встречи с Лоэн в очень официальной обстановке. Лоэн, Ресджи, нежность... – мягкий вихрь ассоциаций, обрывков предложений, как обрывков газет, кружился в его качающемся от наступающего забвения уме. «Нежность...». Это слово, всплывшее как-то вдруг, дало новый толчок мыслям, которые текли уже сами собой. «Почему этот Джеральд так восприимчив к нежному и совсем без нажима голосу Дати? Это тоже, кстати, дар – иметь такой голос и такой характер, как у неё. Нежность – это как прохладная успокаивающая рука на разгорячённый изболевшийся лоб, как тело Ресджи, когда она разоспится и «греет» тебя, пока не уснёшь, а на горизонте – счастливая дымка... Нежность – это универсальное чувство, из которого рождаются миры. Из которого рождается, и в которое уходит страсть. Оно постоянно, и разлито по всему миру, как ровный, голубоватый свет звёзд в тёплую ночь. От него никуда не деться. Можно, конечно, зажечь слепящий прожектор страсти, однако и в нём будет этот свет. А если не будет в нём нежности, в этом свете, это будет, как яркая безжизненная Луна, или как радиация Солнца – давящая, разящая без нежной озоновой прокладки... Нежность – это олицетворение женского начала в Природе. Нежность, которую

ты испытываешь к женщине, спасает от её самодовлеющей власти, её безудержной холодности. Потому что она прощает тебе эту нежность, и больше ничего не прощает – ни зла, ни добра, ни любви, ни ненависти, ни власти, ни раболепия. Только нежность к женщине даёт независимость мужчине. Это всё глупости – матриархат, патриархат... Власть женщины и свобода мужчины – в нежности. Нежность в мужчине – это женщина в мужчине. Мы вторичны, как разум, они – как жизнь – первичны... А может быть разум – это и есть их противопоставление нам?..».

Доктор Эйнбоу заулыбался, уже почти засыпая: «Кому пришли эти великие мысли в голову? – мне. Завтра я скажу об этом... кому-нибудь... Я, кажется, нашёл формулу независимости и равенства между двумя полюсами – мужским и женским, формулу их равновесия... Но Лоэн... Лоэн... В её глазах, пожалуй, страшно много Солнца. И чудовищно много Луны. Язычество какое-то... Но в них есть и звёзды, много звёзд»... Доктор уснул. Крепко. И ему приснился эротический сон, где были он и Лоэн.

Ресджи разбудила его, не дав закончиться сну. Он его «уловил за тень». Приятный был сон, и он не стыдился за него ни перед собой, ни перед любимой им Ресджи – там была нежность и гармония. Он подумал о Джеральде. Теперь он испытывал нежность к нему, подогреваемую лёгкой завистью от того, что его любит – он видел это совершенно точно – такая девушка, божество, Лоэн. Он хотел им счастья вопреки здравому смыслу – ведь они преступники, но это пока ещё он не отряхнул с себя остатки сновидений...

...Лоэн очнулась сразу же, как в камере зажгли свет. Еще некоторое время она жмурилась, не хотела открывать глаза. На какое-то мгновение, приоткрыв их, она «глотнула» порцию нестерпимой белизны, и пришла в себя. Тут же вспомнила, где находится. Под утро ей уже снился какой-то сон, который унёс её в иную реальность. Реальность, где не было страшных диссонансов и безнадёжной борьбы. Он исподволь гармонизировал её сознание, очищал и примирал, смягчал ощущения и концентрировал приятные ассоциации. Звуки, которые доносились из-за двери, обволакивались каким-то сюжетом, даже, казалось, провоцировали этот сюжет, и проснувшись, услышав их в «подлиннике», она долго не могла отделить их от приятных ощущений сна. Она хотела снова забыться, заснуть, но яркий свет, оплавивший сетчатку глаз сквозь её тонкие веки, растворил карточный домик сновидений, отодвинул их в тёмную глубину подсознания. Но ещё некоторое время она не теряла чувства, что в этой глубине есть тёплое озеро гармонии и счастья. Там гнездилась вера в чудесное спасение и в то, что рано или поздно всё неприятное для неё кончится. И она будет счастлива. Но связь с этим внутренним «я» быстро исчезла, как быстро улетучивается тепло из натопленной комнаты, если открыть в мороз окна и двери. Вновь тяжёлый, горестный комок подкатил к основанию гортани. Но только теперь он был как-то ступёван, не отдавал резкой душевной болью. Лоэн чувствовала себя как бы отупевшей, равнодушной к любому действию, которое может произойти в дальнейшем. За дверью были отчётливо слышны шаги, голоса, бряцанье ключей и клацанье замков. Она только слышала их, но не вслушивалась. Ею овладела тупая инерция, монотонное созерцание. Ей представлялось почему-то, что это не тюрьма, а больница. И вправду – мутно-стерильная белизна стен, такой же – мутно-белый – пластиковый пол и, казавшийся поэтому нестерпимо-ярким, свет напоминали операционную. Здесь она должна получить наркоз, её укроют ломкой, свежее-крахмальной простынёй и отвезут на больничной каталке, теряющую сознание, под нож. Пусть. Боли она не почувствует...

Её настолько поглотило это ощущение, что когда в камеру вошли люди – это были охранник, принёсший еду и тюремный врач, усыпивший её накануне, – она приняла их за хирургов, которые пришли справиться о её самочувствии. Это ощущение усиливалось какой-то остра-нённой вежливостью и даже предупредительностью, с которой эти люди двигались и разговаривали с ней.

– Вас ничего не беспокоит? – спрашивал один.

– Нет ли у вас каких-то пожеланий и претензий? – спрашивал другой.

– Вам не мешало бы умыться, привести себя в порядок, – снова говорил первый. – Вы здорово осунулись. Соберитесь с мыслями и не волнуйтесь. Если вы не виноваты, никто вас не осудит, и вести вам себя следует спокойно, уверенно, даже равнодушно. Подумаешь, какой-то скапатор пристаёт со своими глупостями...

«Успокаивает, как девочку, которая попала под поезд, и сейчас ей ампутируют обе ножки. Подумаешь, – усмехалась про себя и дразнила его Лоэн, – люди и без головы живут».

– Если же вы действительно виноваты, ну признайтесь, откройтесь начистоту – ну что теперь? – всякие бывают ошибки в жизни. Вам простят, или смягчат наказание. Всё будет конец какой-то, определённости. Начнёте жить по-другому...

Лоэн всё это слушала, не отвечая – в ней шевелилась недобрая ирония, и в то же время навёртывались слёзы на глаза, она едва их сдерживала. Ей действительно не хватало какого-то ласкового увещевания, хотя бы намёка на успокоительное сочувствие. Она действительно ощущала себя маленькой, брошенной на произвол судьбы девочкой, у которой не было защиты перед взрослыми мужчинами, жаждавшими её смерти. Этот врач хотя и говорил что попало, но хотя бы делал вид, что хочет успокоить её, хотя бы пытался не показать служебного равнодушия, холодности к этой случайно попавшейся ему на глаза раненой девочке. Он говорил какими-то шаблонами, этот врач, никак не нащупывая нити её восприятия, её отношения к происходящему, её внутренней боли, но и за это она была почти что признательна ему...

Когда они ушли, Лоэн вяло поела, но чашку горячего, крепкого кофе выпила с жадностью и попросила бы добавки, если бы было у кого... Потом она представляла, непроизвольно, что будет, если она выпьет много жидкости, а оперировать ей будут живот – не расплещется ли?... У неё было такое чувство, будто ей под наркозом вырежут сердце или печень, а на их место вошьют железные ядра. И она будет ходить сама не своя с этой посторонней тяжестью в теле, «выкинутая», как отработанный материал – может быть, скоро умрёт. А кто-то – кто воспользовался её сердцем и печенью – будет краснощёким, самоуверенным, здоровым и безжалостно-нелюбопытным к её участи...

Скапатор чувствовал себя спокойным, даже слишком. Кажется, противоречивые намерения в отношении Лоэн улеглись в нём – после ночи, проведённой с Легой. Дознание «вошло в берега», считал он, и должно пойти по тому руслу, которое представлялось Рою с самого начала. Чтобы там ни произошло. Ему даже хотелось увидеть её, понаблюдать за ней. Душевно он неуязвим, к делу подключены блестящие эксперты. Скоро его «добычей» станет и «мумия» – он это предчувствовал, иначе Эйнбоу не стал бы ему говорить ничего, док тоже чувствует, что «мумия» – лишь на время потерял себя из виду, а так он парень с разумом.

Словом, развязка близится. Рой Мелли волновался, но это волнение было приятно. Давно он уже не был в такой великолепной форме. Представлял себе завтрашние газеты, где весь этот случай будет подан как сенсация. Он иронизировал про себя: «Народ хочет знать, чем я занимаюсь. Ну что ж...».

Утро было ясным, небо ещё не успело затянуться пухлыми тучами, нараставшими теперь ежедневно. Рой углубился в свои бумаги, ожидая наступления одиннадцати часов.

Так или иначе, следствие набирало ход. Вскоре, после того, как Рой должен будет дать первое официальное интервью, к делу подключится «общественность». Такой оборот не пугал скапатора, а вдохновлял – «общественность», души в нём не чаявшая, его «любимая союзница». Он специально позаботился о том, чтобы ко дню первого допроса в присутствии приглашённых экспертов и адвокатов была определена минимальная стоимость сокровищ, вывезенных «парочкой» неизвестно откуда при неизвестных обстоятельствах. По различным оценкам, сумма, которая могла быть уже сейчас инкриминирована Лоэн, достигала ста миллионов – фантастика! Откуда? Не хватало никакого воображения, чтобы представить себе, будто кра-

сотка, бродя по диким тропам туземных владений, вдруг да и нашла ничейный клад из такого количества драгоценных украшений, золотых слитков, россыпей бесценных «камушков»... Пока не было абсолютно никаких доказательств, которые раскрывали бы механику присвоения этих ценностей. Не было версий и обоснованных хоть чем-то догадок насчёт того, кому эти сокровища предназначались в действительности – самой ли Лоэн, или кому-то ещё. Не было даже известно, откуда взялась эта Лоэн... Словом, был только факт сокровищ и факт принадлежности багажа, в котором их нашли, девушке, называющей себя Лоэн Мейн. Совершенно непостижимым представлялся и факт нахождения при ней «мумии» – человека в бессознательном состоянии, который, судя по её грубому «ну, спала я с ним!», был, возможно, её любовником. А может быть, и жертвой. Ничего вразумительного насчёт «мумии» скапатор так и не добился от неё... Но для «общественности» это и было, что называется, основанием, умопомрачительным поводом для вынесения «приговора». Который так был нужен и Рою.

Он не считал её сумасшедшей, однако сама апелляция к её возможной ненормальности, даже частичной, была важна для него в попытке её «раскусить», в психологической атаке на неё. Но до сих пор ей «везло», она – неизвестно как – противостояла ему, её «блюда-глаза» прогибались внутрь под его «смерчами», но не «лопались», не пропускали убийственный своим холодным разоблачением взгляд Роя внутрь разорённого, он был в этом уверен, сознания. Мало того, её «чашки» – так он ещё стал называть про себя её глаза – непредсказуемо «резали» его будто лазерные пушки, заставляя жмуриться и выходить из себя. Сколько помнил себя Рой, такой «игры» ему никогда не приходилось вести. Обычно его тяжёлому, негнущемуся, как железная труба, взгляду не могли противостоять глаза «провинившихся», однако сквозь её переносицу он проходил, как мюон через планету, ничего не задевая и пропадая где-то в пространстве. Это-то и злило скапатора, что она ускользает и в то же время разит, как будто из засады, в упор. И это не смотря на то, что – он видел – она загнана, тает на глазах. Обладание этой «королевской птичкой» было призрачным, хотя она и была в клетке Роя, и эту клетку он крепко держал в руках. В этом стоило разобраться, и самолюбие Роя подмывало его на самую жестокую и последовательную «облаву». «Нужны факты, очень мало фактов, – думал он, – даже элементарных». «Сегодня она расколется, на чепухе, но расколется», – он почему-то был в этом уверен, инстинкт ещё никогда не подводил его. «Это мой день».

Рой потянулся, глядя в окно, почувствовал, что долго сидел в одной позе, и у него слегка затекла спина. Голова кружилась от запутанных размышлений и от нетерпения. Из окна он увидел, что к стоянке Департамента, что находилась перед рядом пальм, отграничивавших пространство между самой стоянкой и ухоженным садом с двумя небольшими фонтанами, вокруг которых были скамейки, подкатило розово-перламутровое авто с откидным верхом. Вскоре на аллее – он увидел сверху и узнал его – появился доктор Эйнбоу, однако шёл он не один, рядом с ним чуть позади «вышагивала» какая-то девица – светловолосая, в белом коротком платье, обнаженные плечи и ярко-розовый не то бант, не то цветок на ключице. «Хм», – заинтересовался Рой. В сердце зашевелилось что-то.

Он уже готов был принять их, хотя времени до начала допроса Лоэн оставалось ещё довольно много. Но они свернули с аллеи на не видимую сверху, обсаженную кустами, дорожку и направились к фонтанчику, и расположились на одной из скамеек. Из-за ветвей Рой мог видеть лишь кусок белого платья девушки. Он понял, что Эйнбоу не стал заходить к нему раньше времени. Однако ждать от него объяснений, что за девушка с ним, он тоже не хотел. Рой быстрыми шагами направился вниз, его подстёгивало любопытство – даже с высоты третьего этажа он оценил «проводящую» доктора, её рост и «формы». Она, как и Лоэн, тоже была ему «под стать»...

– Дати, – говорил Эйнбоу, – ты, конечно же, гениальная девочка, потому что не знаешь пределов, твой ум способен подчиниться самой изысканной фантазии. Ну сама посуди – это

мероприятие вполне официальное, и присутствие на нём непредусмотренных гостей не понравится скапатору, который любит завершенность и порядок даже в любом промежуточном деле. Он неприкасаем – вернее, я хотел сказать, непрекаем – в том, что касается этики деловых «свиданий».

– Доктор, – настаивала Дати, – ведь вы сказали, что очень важно повидать эту Лоэн. Правильно?

– Правильно...

– Почему же вы имели в виду только себя? Разве я не могу в интересах Джеральда тоже повидать её?

– Ох, это женское любопытство...

– Это не женское любопытство. Я совершенно уверена в том, что я должна увидеть её. Ведь мы же работаем с вами «не разлей вода». Как же я буду соизмерять свою игру, с чем? Я гляну на неё – хоть краем глаза, и буду уже другая с ним.

– Я об этом не думал, но сейчас уже поздно.

– Пойдёмте к нему, время есть, ну пожалуйста, док., – закапризничала она.

У Дати было хорошее настроение и ей доставляло удовольствие «ломать» Эйнбоу. Мысль увязаться за ним возникла у неё совершенно произвольно. Они ехали в машине – за рулём была Дати, она вызвалась подвезти доктора в Департамент – и по дороге стала его уговаривать.

– Ах, Дати, – вздохнул он, – тебе невозможно отказать, но, зная скапатора – натёк уже, – я должен сказать тебе, что это вряд ли возможно. Так что, не лучше ли тебе заняться своими делами?..

– У-у, – сморщила губки девушка, – неужели вы боитесь его, ну поговорите с ним!

– Я? – удивился доктор, – его боюсь? Ну почему мне его бояться?

– Почему вы даже не обратили внимания на то, как я сегодня выгляжу, какое у меня новое платье – неужели вы так боитесь «не показаться» на допросе, что не способны даже посмотреть на меня, док!

Он взглянул ей в глаза, в которых уловил отверженность.

В этот момент их накрыла фигура скапатора, они встrepенулись.

– Ба, Эйнбоу – я вижу вас в очень приятном окружении.

– А вот и скапатор, – сказал доктор.

Дати улыбнулась и подняла ресницы на скапатора. Тот сразу же оценил и её лицо, и большие серо-голубые глаза, которые были столь нежно красивы, лучились почти беззащитной доверчивостью, но с начинкой сладкого кокетства, что ему захотелось «поймать» её. Потом. Как-нибудь. Или наоборот – сегодня. Ночью.

– Я ваш бант увидел из окна своего кабинета, и не мог усидеть на месте. Уж очень хотелось «потрогать» учёного за женщин. – Рой говорил с ними, глянув на Эйнбоу, как с загадочными знакомыми. – Признавайтесь-ка, профессор интимно-вычислительных наук, ведь не только жена способна вас очаровать, подавая на ужин телячьи котлетки, а?

Доктор тоже улыбнулся.

– Конечно, нет, – принимая тон, – ответил «профессор», – меня способна очаровать любая женщина, подающая на ужин телячьи котлетки.

Все рассмеялись.

– Но я ни за что не поверю, – продолжал Рой, – что у вашей спутницы уже появилась такая привычка – по вечерам ухаживать за мужчинами.

– О-о, господин скапатор, – повела на него глазами Дати, – это выше моих сил, безусловно. С вами, к тому же, ещё и повозиться надо – с некоторыми, чтобы заслужить себе такую ежевечернюю «привилегию».

– Ну-у, стоит ли ради этого ещё и возиться? – Рой нырнул в глаза Дати, – ведь красота требует жертв, а не наоборот...

– Я должен, – вмешался Эйнбоу, – представить вас друг другу. Это Дати Вэлс, моя сотрудница. Ну а это, Дати, тот самый Рой Мелли, любимец публики, – доктор представил его как артиста.

Рой наклонился к руке Дати, и она дала ему её поцеловать. Кокетливые смешинки куржились в её глазах.

– Вот и все формальности, – сказал он, – теперь мы знакомы. И я могу, пока у нас есть ещё полчаса, даже угостить вас кофе... Я надеюсь, вы составите нам компанию, док? – Рой уже вошёл в роль ловеласа и задвинул доктора в тень.

– Если Дати не будет против, – лукаво посмотрел на неё Эйнбоу.

Та слегка смутилась.

Рой Мелли повёл их под навес, под которым в саду была маленькая кофейня – со столиками на открытом воздухе и небольшой кухней. Вскоре они сидели на круглых кожаных стульчиках без спинок и перед ними дымились чашки с кофе. Официантка поднесла им и розетки с засахаренными дольками апельсина. Рой так посмотрел вслед её укачивающей походке, что Дати чуть не рассмеялась. Доктор, делая первый глоток, глянул на Дати из-под бровей. Она излучала аромат свежести, обаяния и волнующих духов, названия которых, он всё равно не знал. Она вся была – готовность к чему-то, да хоть к тому, чтобы всех расцеловать, всем нравиться и вбирать в себя очарование окружающих. «Профессор интимно-вычислительных наук» нашёл, что Дати очень к лицу белое и розовое, что это необычно, и очень идёт ей – при цвете её тонкосоломенных волос, мягко облегающих плечи, и сероватом оттенке её голубых глаз. Но промолчал.

Рой, заметив взгляд доктора, невольно сравнил Дати и официантку, кричаще-сексуально одетую.

– Всё постигается в сравнении, док, не правда ли? – решил вслух сравнить двух девушек – в пользу элегантной Дати – скапатор. – Ещё вчера, когда я видел эту поварёжку...

– Кого? – не поняла Дати.

– О! – спохватился скапатор, – это наш мерзкий жаргон. Отвыкаешь от нормального общества, сидишь тут безвылазно, ну вот и приходится – для того, чтобы тебя ловили с полуслова... «Поварёжка» – это кто нам варит кофе тут, от слова «варить»... Так вот вчера её наряд мне казался кричащим, а сейчас просто смешным, я чуть не поперхнулся...

– А мне нравится, – причмокнула Дати, растворяя во рту апельсиновую дольку. – Я таких девушек люблю – ярких. Но сама – другой стиль предпочитаю.

– Тот стиль, который вы предпочитаете, меня просто с ума сводит, – Рой определённо увлёкся ею.

– Сильно? – спросила Дати сладкими от апельсиновых долек губами.

– Очень, – у Роя потемнело в глазах. А Дати продолжала отправлять в рот дольки и, казалось, ей это сейчас важнее всего остального.

– Настолько, что я могу рассчитывать на ваше сумасшествие? – опять причмокнув засахаренными губами спросила она.

Рой насторожился.

– Я знаю, что красивые женщины особенно расчётливы, – продолжая, впрочем, этот флирт, отвечал Рой, – когда речь идёт о сумасшествии того, кого они хотят обсчитать. Но сегодня я готов в честь нашего знакомства быть именно тем сумасшедшим, которого вы хотите обсчитать.

– Фи, – сказала Дати, – да что с вас взять? Разве что какую-нибудь жуткую историю для бульварной прессы... Но тут и без меня «расчётливых» хватает...

Рой как-то смешался. А потом гарцанул:

– Пресса она вся – расчётливая и бульварная. Но с этой паршивой овцы имею всегда хотя бы один, но клочок – я. А вам я любую «историю» и затак расскажу. Если интересно.

Доктор незаметно подкладывал Дати апельсиновые дольки из своей розетки.

– Я вас обидела? – Дати обратила внимание на мимолётное замешательство скапатора. – Извините. Я не то имела в виду... Я восхищаюсь вашей работой, но вы мне лучше её покажите... Я помогаю доктору поставить на ноги нужного вам человека. Пока у нас не очень получается. Нам нужно с ним *вдвоём* увидеть вашу подследственную, чтобы получилось. А доктор боится вас об этом попросить...

– Лучезарная моя, – легко вздохнул скапатор, – а я восхищаюсь вами... А доктору – выговор. Меня бояться – ко мне не ходить...

Дати и вправду одарила Роя чарующе-восхищённым взглядом.

А Рой подумал: «Почему бы её не пригласить на ужин – сразу после допроса? Чего тянуть?..».

Кончилось тем, что Рой, поддавшись обаянию Дати, с лёгкостью разрешил ей присутствовать на допросе Лоэн в качестве помощницы доктора и «наблюдателя». Но предупредил, что без его ведома – никому ни слова. И что они подпишут соответствующее обязательство.

И доктор, и Дати обрадовались, как дети. Она тут же «отшпилила» свой бант, чтобы выглядеть строже и засунула его в карман пиджака Эйнбоу. У них было такое ощущение, что они приглашены на какое-то очень интересное «выступление», и им не просто дали на него билеты, а ещё и лучшие места в придачу.

Глава 12

«Мумия»

...Это было во сне ли туманно-прохладном
Я стою босиком на листве неподвижно
Косяком по холодному небу неслышно
В южную небыль натужно-парадно
Аистов стая летит. Это было во сне ли?..

Эти строчки он видел в своей школьной тетради в крупную клетку написанными мелким, неразборчивым почерком – тетради, где у него были стихи, посвящённые Айне, и которую он хранил, как украденный алмаз – в таком тайнике, что её не могли бы найти ни дед, ни бабушка, ни в этом, ни в будущем времени...

Он пытался дальше увидеть, но строчки исчезали, разлетались... Но потом в голове звучало:

Это было осенью детства. Метели
Ещё по оврагам не плесневели
И неопавшие листья хотели
Куда-нибудь деться. Строго белели
Голые колья берёз. И онемели
До первых проталин и оттепелей
Базары сорочьи, коровьи бордели
И деревеньки вдруг овдовели
И лица старух похолодели...

Джеральд «сморщился» внутри себя, чтобы разорвать это бесконечно вертящееся кружево. Ему представлялся их дом – «на отшибе», поздней осенью, – где он рос у бабки и деда, «прокуренный» от падающего из трубы дымного вороха...

Джеральд вырос в одной из заморских колоний-резерватов, которую метрополия «законсервировала» уже очень давно, так что жизнь там шла по своим законам. Однако первые несколько лет он жил в сердце метрополии – Кантане, с родителями, и он очень хорошо помнил, как его поразила первая на его веку зима – с холодами и глубоким, ослепительно чистым снегом, потому что в Теонии никогда не было снега. Первый снегопад поразил его настолько, что он, будучи еще пятилетним ребёнком, расплакался, хотя нельзя сказать, что причиной тому был страх или ностальгия – по родителям и тёплому семейному гнезду в краях, где вечное лето. Хотя может быть, он и тосковал первое время по мягким и чистым ливням, которые вымывали из города всё привнесённое, напускное и делали всех – такое у него было ощущение – таинственно расположенными к нему и друг к другу. Он помнил шум дождя – за плотно закрытыми окнами, за которыми была чернота ночи, и ту интимную, вдохновенную нежность, источником которой была мама. Он вспоминал, как она перед сном заходила в его комнатку и разговаривала с ним о чём-нибудь, часто смешая, и делала строгие, но такие ласковые наставления на завтра, что Джеральду хотелось быть для неё самым-самым, чтобы она всегда счастливо смеялась и нежно обнимала и целовала его... Мама целовала его в глаза, лоб и губы, а он – обхватывал её за шею и крепко-крепко, сколько хватало сил, прижимал к себе, показывая, что с каждым прошедшим днём он любит её сильнее и сильнее – потому что ведь каждый

день он растёт, как она его уверяла, на «целый миллиметр», и скоро станет большой, как папа, и даже ещё больше, и она его полюбит крепче, чем отца, и всегда-всегда будет с ним... Он помнил, что мама называла его ласково не Дже, а Жеа – на туземный манер, и это ласкательное «Жеа» вместе с её голосом жили прямо в центре его сознания, были «недвижимой» звёздочкой внутри его трепещущего сердца, горячей неугасимым, греющим, но не обжигающим маленьким огоньком, заставляя его биться. Позже его точно также звала Айне.

Отца он вообще почти не помнил – так, тёмная большая фигура, имеющая к маме какое-то отношение. Голос мамы он сохранил в своей памяти, а вот его голоса он не мог «вытянуть» из детских полумифических грёз.

...А потом мамы не стало. Всё изменилось. Он только помнил, что это было как-то связано с исчезновением отца. Помнил, что мама болела и плакала. И истаяла. Быстро, как снежинка, переоблущённая палящим солнцем. А он оказался у её родителей – за океаном, в резервате, на севере, где были совсем другие деревья, другой дождь, и была зима.

Все эти воспоминания-картинки о раннем детстве были очень и очень зыбкими, тлели где-то в глубине памяти и только искорками вспыхивали в едва уловимом дыхании мыслей Джеральда... Только потом он узнал кое-что о судьбе отца и матери – от бабушки и деда. О том, что отец – выпускник Медицинской школы – некоторое время жил в их краях как «посланец доброй воли», что он полюбил их семнадцатилетнюю дочь, и когда через полгода стало понятно, что родится Джеральд, он вернулся, уже с нею, в Теонию, оформив брак. А через пять лет он её бросил, как до этого и медицинскую практику, закрутившись в дорогих фармацевтических контрактах и женщинах. А мама – больше туземка, чем теонийка – жившая на чужбине только тесно прижавшись к нему – «не выдержала предательства и разлуки», как сказал однажды дед. И «Жеа» – всё своё отрочество, всю свою юность и всю дальнейшую жизнь ненавидел эти два слова: предательство и разлука...

Дед и бабка заменили ему родителей вполне, не чая в нём души. Он их и называл-то «пап» и «мам», *они* так его приучили. А он из их лиц научился складывать образ матери, находя в них её черты. Он ненавидел отца, когда подрос, зло плакал, жалея мать, сжимая свои кулаки и мечтая о мести – о том, что он скажет и сделает отцу, если однажды его увидит. И только Айне потом разучила его ненавидеть и поселила в нем сожаление. Сожаление об отце и тоску по нему. По тайне и любви, которая была в жизни его родителей, по тайне, которая дала ему жизнь, а в этой жизни – Айне...

Айне... Он неосознанно повторял в себе её имя, которое сопровождало его с девяти лет – всё отрочество, всю раннюю юность, и стихи, которые он когда-то писал для неё, снова плыли перед ним ровным неразборчивым почерком.

Это было сиреневым утром
Городок ещё спал смирно
Где-то крикнула иволга «мир вам!»
В моём сне нездорово-мутном
Я проснулся – ты появилась
Вся в сиреновом неба убранстве
Я проснулся – но ты мне снилась
Тёплая – в льдистой утренности...

Ферма его новых «родителей» – деда и бабушки – представляла собою ранчо, где они выращивали лошадей. В большом доме, который располагался на самом краю туземных земель и в их пределах, жили ещё младшие братья мамы – двое, родные дяди Дже. Они рано обучили своего племянника обращению с лошадьми, привили ему любовь к ним, даже страстную любовь. Он всегда увязывался за дядями, которых считал братьями, и старался быть им

во всём полезен – лишь бы быть с жеребятами. Учился он больше дома – под наблюдением деда. До ближайшего небольшого города, где жили потомки «белых» переселенцев и который был центром большого их анклава посреди моря туземных владений, было больше двадцати километров, и Дже отвозили туда раз в неделю, на два дня, в специальную школу для таких вот, как он, детей, живших далеко от города. По сути, это был экстернат с интернатом, с гибкими правилами. Зимой Дже вообще безвылазно жил дома, потому что специальной дороги до города от их дома не существовало. Поэтому он гораздо чаще пропадал не среди «своих», а в туземной деревне, которая была в два раза ближе, и где у них было много родни. Его бабушка была на четверть туземкой, а те очень ценили родственные узы, почему и разрешили их семье свободно жить на своей территории, которая не была поделена на наделы и участки, как у колонистов. Туземным языком Джеральд владел, как своим родным, на котором говорили в Теонии. Учился он легко, потому что всем интересовался и страшно много читал – с шести лет. «Пап» и «мам» поощряли эту страсть, так как с грустью, но понимали, что он, достигнув совершеннолетия, вернётся, скорее всего, в Теонию – за ним это право было закреплено, ведь родился он в Кантане. Они хотели, чтобы он был «готов». И это действительно потом очень помогло ему, а также то, что он не чурался никакой работы, мечтая, впрочем, об океане, о том, чтобы плавать на больших кораблях, о которых он читал в книгах.

С туземной роднёй поддерживались очень хорошие и частые отношения. Когда в их деревне с началом зимы наступало «затишье» – полевые работы закончены, заготовки сделаны, мужчины вернулись из своих «походов», торговых и охотничьих, – то все друг к другу ездили в гости, и Джеральд подолгу жил в доме четвероюродной сестры своей бабушки. И её семья, её дети и внуки, тоже были нередкими гостями их дома. Мировоззрение туземцев, их мифология, вера и таинственные, часто с очень откровенной экспрессией, обряды производили на него несравненно более яркое впечатление, нежели «мировоззрение», которое ему старались привить в школе. «Пап» и «мам» ничего ему не навязывали, но он видел, что и они больше склонялись к туземным правилам бытия, нежели к городским, «цивилизованным». Сказки и мифы туземцев, жившие в их сердцах, а не воспринимавшиеся ими, как своя, но «этника», казались ему настолько яркими и дивными, что сейчас в его внутреннем мире, почти отгородившемся от внешнего, они «плыли» яркими образами, неким объёмным фильмом, почти реальностью, переживались им снова и снова. Они существовали в обрядах, в ритмичных повествованиях-балладах, слова которых были одновременно и просты, и фантазмагоричны, и вызывали у подрастающего Дже чуть не галлюцинации – настолько они заставляли работать воображение. Он незаметно становился набожным, но именно в туземном смысле. И не раз ловил себя на мысли, что хотел бы быть «одним из них», а не «белым». В нём вызывало трепет всё, что имело отношение к особому – ритуальному смыслу жизни, он считал, что всё в ней соотносится с чем-то ирреальным, и каждый поступок тоже должен соотноситься с этим «потусторонним», нити от которого протянуты к сердцам людей. Его сознание сформировалось, как мифологическое или поэтическое, и даже красота палого листа его захватывала. Вера туземцев ему никогда не приходило в голову ставить под сомнение. Его сердце до упоминания было отзывчиво на идеальное, которое он искал во всём, что его окружало.

В его «запертом» сознании в беспорядке кружились обрывки туземного эпоса.

Не ведаю страха и корысти я, Орон-Койе
 Не знаю закона богов и мудрости смертных
 Мой одинаковый свет истекает до времени
 Загадочен он, но в нём и разгадка...

Орон-Койе – богиня Утренней Зари – и земной юноша Раон-Лот-Уу, или «Тот-Кто-Чутко-Спит», или «тот, кто всегда бодр, настороже», или «тот, кто встаёт с зарёй», или «тот,

кто всегда готов выполнить волю богов», полюбили друг друга... Она дарит ему вечную юность, любовь без ревности, счастье без страданий. Он становится бессмертным, как и она, и теперь они неразлучны. Он остаётся человеком, а она принимает облик Совершенной Красоты – вечно юной и прекрасной девушки, в котором она спускается к своему возлюбленному на землю каждый раз, когда утренняя заря рождает солнце и день.

Перед тем, как по осени и зимой играть свадьбы, туземцы отдавали дань их любви – устраивали большой праздник, и на нём женихи и невесты – в танце – разыгрывали акт соития, из которого должен родиться долгий солнечный день их жизни. Чувственность, обнажённая перед миром, захватывающая дух «зрителей» под сложный барабанный ритм и прихотливую мелодию флейт, обволакивала его «спящий ум» дымкой восторга. Любовь Утренней Зари и Того-Кто-Чутко-Спит разворачивалась в целое сказание. Она была трагичной – из-за бога войны, у которого лицо было наполовину живым, а наполовину мёртвым и которому Любовь и Совершенная Красота были отвратительны, потому что только они вели себя так, будто и нет на свете такого бога. И он нашёл способ отправить юношу в мир мёртвых, откуда нет исхода, и – растерзал его тело, загасив в нём огонь вечности, дарованный ему. И была долгая ночь, потому что Утренняя Заря плакала в ночи. И воды вышли из берегов и затопили сушу, потому что её слёзы стали стеной бесконечного дождя. И погиб бы мир и люди в нём – окончательно, если бы Тот, Кто Создал Всё – и богов, и людей, и мир, и который может всё, не воскресил юношу и не сделал его своим сыном, символом любви к людям и любви как таковой, и не поселил влюблённых в своём Вечном Сияющем Чертоге...

Сколько вариаций этой чудесной сказки он слышал от Айне... «Айне... Айне... любовь моя...», – это перекачивалось в его «проточных» ассоциациях, как арпеджио, вплетённое то в симфонию, то в какофонию слов, образов, звуков... В сознание врываются вопросы без ответов – «Зачем я?... Айне, где ты?..», и мольба – «Мама, позови Айне, позови... Забери, забери меня...». И однажды сердце его «запрыгало» – «она здесь, здесь!». Тёплая волна, всё нарастающая, словно прорвала плотины и понесла его, превратившись в горячий вихрь. «Айне! Айне! Айне!», – «кричал» он в радостном безумии...

Ему еще не было и десяти, когда он увидел её – в доме своих туземных родственников. Он видел её и раньше, но *увидел* впервые. Она была на четыре года старше него, уже почти девушкой, с хорошо «наметившейся» грудью, сказочно стройна и красива, и красивей её он ещё никого не видел, она даже мамину красоту превосходила! И он парил над солнечным лесным пространством, взирая с неба – будто птица – на золочёную ленту реки, ускользающую в утёсы и вынырывающую неожиданно своей излучиной из-под лесного покрывала. И совершенно «босые» мысли его неуправляемо потекли в иное, облагавшее направление – волнительно, неудержимо и по-юношески неводержанно, словно по руслу вожделённой мечты и страсти. Он явно «помолодел» – лет на пятнадцать, снова став мальчиком. Позлащённые струи-нити его овеществлённой фантазии опутали его и не давали опомниться, будто не успел подумать, осмелиться подумать, и уже вот она – мечта-желание – сбывается!.. Как будто отпущены вожжи, и колесница несётся по воздуху, а конь – это друг-демон, и он неисчерпаемо силен и радостно-лёгок. В том направлении! В том!..

...Он увидел её тогда совсем по-другому. Чуть маслянистый свет от огня в очаге-камине переполнял её темно-карие, как и у него, глаза феерическим блеском. Её взгляд – совершенно открытый, бесстрашный и ласковый, чуть «улыбающийся», неземной. И сама она, как прекрасный мираж, опущенный реальностью, словно длинными мягкими ресницами. А в уголках её глаз, матовых нерезких белков, и под распахнутыми веками, словно воротами в иной мир – потаённые уголки грусти, с чернеющим на самом глубоком дне отчаянием и чуть блестящим озерцом надежды на превознесение. Она звала его ласково – Жеа, как мама, – вбирая в себя улыбкой, заманчиво-отторгающей. Они были в большой комнате одни. И он сказал тогда, пора-

жённый: «Я люблю тебя». Эти слова родились и «сказались» в один и тот же миг, и он не понимал, что это такое – «я люблю тебя». Он сказал не так, как говорил это маме, а иначе... И он страшно покраснел от того, что сказал. Ему показалось, что этим нечаянным «жестом» он развалил ажурно-прихотливый дворец, где жила принцесса. Он увидел, как замерла её грудь – такая угрожающая, *подавляющая* его глаза. Чтобы не отвернуться от её прямого, остановившегося взора, он собрал все свои силы, преодолев стыд, тянущий с незнакомой ему доселе тяжестью его глаза вниз, долу. И она ответила – чудовищно просто, слегка улыбнувшись: «Я тоже люблю тебя». Даже как будто и говорить не хотела, но, пойманная врасплох, подчинилась его неожиданной дерзости. И ещё не родилось утешение в её губах для него, и не успела она ещё выйти из той части себя, которая властно и незаметно отграничивает *нечто* от повседневности, так что даже и не спохватилась и не посмотрела на мальчика и на себя со стороны. Но сколько было в этом миге сладкой тайны, отомкнувшей их сердца для озоново-чистых видений, для райского, «свежеиспечённого», светоносного эфира! Они оказались в одном, в одном для них беспредметном и ничем не отягощённом пространстве, неумолимо притягиваясь друг к другу и не сопротивляясь этому, преодолевая, как бессмысленное барахтание, собственное недоумение. В этом миге уже было всё, всё, что их ждало в будущем...

Острое до сердечного приступа блаженство, озарение протянули истончающиеся свои нити к измождённому, испепелённому разуму Джеральда-«мумии».

...И он заплакал, не выдержав собственной растерянности – признавшись девушке, которая намного старше него, в любви, смысла которой он не понимал. Айне подошла к нему, присела возле, и нежно, почти умиротворённо, но с выблесками в глазах непонятого ему торжества, увещевала: «Мой, мой...», – глядя его по голове. «Хочешь? – возьми меня к себе, на колени», – и садилась к нему на колени, и он едва мог её держать, а она прижимала его голову прямо лицом к упругой, но умягчённой и взыскующей груди. Она пахла из-под празднично-тонкого платья разрежённым предгрозовым затишьем с тонкими, едва уловимыми, настоенными на шиповнике дуновениями тайны. Неловко обхватил он её изумительный стан ослабевшими, чужими руками. Она же, словно желая крепче прижаться к нему, вобрать его в себя, пересела у него на коленях, повернувшись к нему лицом – так, чтобы обнять его не только руками, но и заключить в кольцо длинных своих ног. И так, слившись воедино, они сидели долго, и Джеральд плакал, на грани истерики, и говорил ей непонятно откуда вылетавшие из его сознания слова, которые, казалось, лишь едва касались языка и тонули в жарком от его собственного дыхания «ущелье» грудей Айне. Она же роняла мучительно-сладкие вздохи от вдруг охватившего её желания, которое никогда раньше не знало выхода, и вот теперь заставляло изгибаться её тело в истоме, подталкиваемой руками Джеральда и его плотной близостью.

Но это ничем не закончилось, да и могло ли? Джеральд совсем маленький, он и плакал-то от невозможного сравнения. Шум за дверями и голоса отвлекли их от умопомешательства, они разлетелись на «две части», словно тарелку разбили, и потрясённые замерли в противоположных углах комнаты, где обычно гости и собирались за общий стол. Мальчик и девушка совсем потерялись в громком разговоре и смехе взрослых...

С того дня Джеральд уже пребывал будто в ином измерении – в течение семи последующих лет. С того дня это был уже не мальчик, не молчаливая звезда, прячущая свой свет, и пугливо, из своей темноты, наблюдающая разноцветную Вселенную. Его приняли уже словно бы за своего в этом населённом Космосе, ибо прикоснулся он тайны, лишь оболочка которой – видимое существование.

Он приглядывался к своим новым ощущениям, и его влекло, влекло – болезненно, нестерпимо, безвыходно к Айне, на которую теперь смотреть издали было также больно

и непонятно, как если бы у вас разболелся зуб, а вы нарочно бы ничего не делали, чтобы усмирить боль. Айне потом надолго «остановила» его, держа и на «привязи», и на расстоянии от себя, но ласково и зовущее улыбалась ему, и любила бесконечно с ним говорить, и отвечать на его робкие вопросы, и он всегда следовал за ней, и не отлучался никогда, если их родные съезжались друг к другу погостить. Вскоре его даже стали оставлять на неделю-другую в туземной деревне, заметив их большую симпатию. Джеральда все очень жалели, никогда не говоря об этом и никогда не выказывая эту жалость – из-за матери, из-за того, что его бросил отец. И все только радовались тому, что Айне взяла его к себе не то в «дети», не то в «подружки», или то и другое вместе, и возилась с ним без устали, и было видно, как они оба счастливы и как скучают друг без друга.

Нельзя сказать, что «Жеа» из кожи лез, чтобы быть интересным для Айне, которую он мысленно иногда сравнивал с мамой. Правда, он служил ей, ловил каждый выдох её – как мог, ухаживал за ней, помогал, и даже просил, чтобы она позволяла ему стирать в ручье её платья, которые она носила на голое тело. Эта «игра», эта дружба, как видела вся родня и «родители» Джеральда, до странности увлекала Айне. Она чувствовала себя в компании этого «малыша» легко, и даже вдохновенно, ей казалось, что любая её прихоть найдёт камертон в душе Жеа-Джеральда. Он был ей как лучшая подруга, любимая сестрёнка и жених одновременно. К их «неразрывности» туземцы относились почему-то не просто хорошо, но даже интимно-покровительственно. У них существовало такое понятие – Айне потом рассказывала Джеральду – как «инстинкт-по-матери», или «инстинкт-по-природе», или «инстинкт родства» вообще. В «цивилизованном мире» сказали бы проще – чувство родства или потребности друг в друге, но это – очень огрублено и неполно. По туземным верованиям это было не «чувство», скорее, а некая «третья сила», «стягивающая» самых разных людей по своему произволу, не обязательно родственников, а часто – очень разных, не похожих людей...

Одно излучение шло от Айне и Джеральда, они преображались, когда встречались. Туземная родня полагала, что «третья сила» подала их девочке благую весть, поэтому она слегка не в себе. А очень скоро после того, как они признались друг к другу в любви, туземцы вообще взяли Жеа в оборот – в плане «мужского воспитания». Как и все туземные мальчишки, он проходил «военную школу», из которой выходили сильные, умеющие постоять за себя и других молодые люди. Жеа попал в эту «школу», потому что он был с Айне, его не считали «посторонним». В доме Джеральда она тоже была, как дочь и как его сестра.

Айне обвела себя чертой, через которую, до поры до времени, Джеральд не мог переступить. Она словно бы ждала, пока разгорится огонь, а он, взрослея, всё больше сгорал от любви к ней, от прикосновений к ней, от мечты о ней. Любивший читать, он искал в романах какую-нибудь «похожую историю любви», но не находил, и впадал в отчаяние, что любовь его – невозможна. И что Айне однажды забудет про него. Одна эта мысль ввергала его в такую любовную тоску, что он плакал по ночам. Но всякий раз Айне снова ласково улыбалась ему, врачую его сердце. И тогда Джеральду начинало казаться, что ему, наверное, выпало одному такое счастье во всём мире, и ему становилось холодно-радостно от осознания этой истины.

Вообще, большую часть времени они, конечно, жили в разлуке, которая ему была невыносима, и он спасал себя тем, что «воображал» Айне, когда её не было рядом. Он научился «вызывать» образ Айне, или её дух. Он бредил ею. И однажды, когда он сильно заболел и лежал ночью в ознобе, в горячке, он стал «звать» её, воображать. И она – «пришла».

Он ощутил это наяву. Прикосновение холодной, только что с зимнего холода руки к своему воспалённому лбу. «Айне, Айне», – и он заплакал, задыхаясь от спазмов, душивших его горло. Из-под холодных её пальцев струилась нежность и женственность, почти материнская. И лоб его мгновенно остыл. Как пламя свечи погасло в накрывшей его ладони... Она сидела на его постели, вплотную к нему, тяжело продавив её, улыбалась, блестела глазами в его развёрстое, развороченное бредом сердце. Его скрутило кашлем и болью в голове, бронхах. Но он

усилием воли удерживал на своём лбу холодную руку Айне и ощущение её почти безжалостного, тяжёлого тела, едва не передавившего его в пояснице. Сквозь мутную пелену собственных глаз он различал в её ничуть не сострадательной улыбке лукавую обнажённость её чувственного, самодовлеющего желания, с которым у него ассоциировались её ровные, матово-белые зубы. Её бесплотное присутствие полным несовпадением с ним, его болезнью, перемешавшееся словно песок с муссом с его лихорадочной мечтой-желанием, так потрясло его и превознесло, что он вдруг перестал осознавать себя в больной реальности, и потянулся, как застоявшийся дымок в воронку сквозняка – к Айне, к её улыбке, и стал молить её, глотая слёзы, о снисхождении. «Любимая, любимая – навсегда заberi, заberi меня в свое безжалостное тело, – на! – молил он, – на!...». Айне, только что улыбавшаяся, вдруг исчезла в дыму, а он – от неожиданности – глотнул этого дыма полными лёгкими и стал беспомощно, из последних сил задыхаться в кашле... Прибежала «мам» – бабушка, запричитала. Он же – даваясь собственной гортанью, рвано выдыхал: «Айне, Айне! Моя!...». И слёзы.

...Проснувшись, он долго не мог понять, была ли здесь Айне... Потом, в какие-то моменты дня, его распалённое болезнью тело «прохватывал» мистический восторг – здоровым и холодным наитием, которое мгновенно делало его лёгким и бесплотным, и устремляло в высь, на какие-то доли секунды. В эти моменты звучало в его голове: «Она была!» – и казалось, что как только оставят его в покое, ему нетрудно будет позвать её вновь...

Изумлению его не было границ, когда проснувшись – на следующее утро, он вновь увидел Айне на своей постели, глубоко ушедшей вниз в том месте, где она сидела, так что он уже лежал почти на боку. Он не звал её снова, но она здесь! Мистическая радость блеснула в его глазах, и он непослушными губами пробормотал: «Айне! Я же звал тебя!». «Я пришла», – ответила она ласково и сострадательно. И в этом был необъяснимый контраст между «той» Айне и «этой». На лице «этой» – бесконечно милом, отдающемся и слегка поражённом, и тени не было от той влекущей, бесстыдной, страстно желаемой улыбки. Сейчас на нём была бесконечно страдательная любовь, умягчённая нежностью и беспокойством за него. Она блистала. Её свежесть и неподдельность так и перехватили его сердце металлическим холодным обручем, и оно радостно стремилось в этот неумолимо-блаженный плен. «Жеа, мой миленький, я так и знала, я так и знала, – пролепетала она, и слёзы заблестели в её таинственных глазах. – Я всю ночь не спала – так мне кольнуло сердце. Я знала, знала, что тебе очень плохо. Но я не поверила... Миленький...». Жеа лопотал неразборчивые слова нежности и взял её действительно прохладную с мороза руку, которую она держала на его правом плече, и стал целовать её в ладошку. У Айне выкатилась слезинка – сначала из правого глаза, потом из левого... Он изогнулся, притиснувшись к ней ещё плотнее – плачущим от её невозможности лицом. Потом она сидела в изголовье, а его голова – у неё на коленях, и она нежно гладила его волосы, лицо, и у неё стояли в глазах светлые слёзы.

Болезнь Джеральда раскрыла перед ними последнюю дверь, за которой и начинался дурманящий и потаённый мир их полной близости. С их первого признания в любви прошло больше двух лет, и вот они впервые познали и труд, и стыд и конечное наслаждение от плотской любви. Это случилось вскоре после выздоровления Джеральда, перед весенним таянием снегов. Айне снова появилась в их доме и её, уже по сложившейся традиции, оставили «пожить», и даже постелили ей в комнате Жеа. Вот в первую ночь всё и произошло. О том, что это могло произойти, никто из взрослых даже не подумал...

После той, первой ночи – резкой и удивительно трудной, счастливой – Айне уже не отходила от него ни на шаг. И уловив любую возможность, она «мучила» его, забираясь к нему в постель. Одно время он вёл себя скорее сомнамбулически, потрясённый её всеподавляющим желанием, игрой. Она же едва разбуженный огонёк его желания – в очень юном и боязливом теле – чуть не заливала, как водой, своим вожделением, и в то же время пыталась уберечь его. И уберегала... «Огонёк» горел, и с каждым днём становился всё больше необходимостью, чем

мучительным, хотя и сладким допущением. Айне всегда что-то выдумывала, чтобы заразить его своим желанием. Они, например, часто «грелись» друг об друга, но очень интересно. Она выбегала на холод, остывала, а потом забиралась к нему ледышкой в горячую постель и «разогревала» его, а он её «отогревал», и она взваливалась на него, смеясь и ласкаясь. Они бесконечно шептались, кувыркались, смеялись, целовались, обнимались. Он с трепетом и страстью «научился» целовать её всю – от кончиков пальцев ног до последнего волоса на голове. Его захватывала такая мощная волна нежной страсти и страстной нежности, что ему казалось, что хоть Айне и крупнее, но он способен всю её растворить в своей любви. А ей казалось, что она так его любит, что готова «родить его обратно», вобрать в себя с головы до ног. Тайна их любви вызвала в них такой восторг и так влияла на их поведение и поступки на людях, что все не могли не заметить перемены в них. Но Айне проявляла чудеса изобретательности, чтобы сохранить их связь в тайне как можно дольше... Тайна делала их свободными, целиком принадлежащими друг другу. Эта длящаяся и длящаяся радость позволяла им полностью уходить в новый, рожденный ими мир, где всё было по-другому. Иначе пели птицы, иначе горели краски заката, иначе светили солнце и луна... И всё радовалось им, и они всем своим существом понимали, что они, они – виновники какого-то очень волнующего пира красоты и гармонии, и они приняты в какую-то новую, настоящую и бесконечно искрящуюся всеми красками бытия Вселенную, о которой люди или не знают, или забыли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.